

Министерство образования и науки Республики Казахстан

**Жумадил Арман Кабдешулы
Жумадил Махаббат Токтаркызы**

Культурные процессы в Казахстане в 20-30-е годы XX века

Учебное пособие

Алматы, 2018

УДК
ББК

Рекомендовано Республиканским учебно-методическим советом высшего и послевузовского образования МОН РК при ...

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор Абдилдабекова
Айгул Мухтарбековна.

Культурные процессы в Казахстане в 20-30-е годы XX века. Учебно-методическое пособие для вузов. – Алматы, 2018 – 137 с.

ISBN

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов и магистрантов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История» (520330, 050203, 6N0203). Целью учебного пособия является анализ культурных процессов, происходивших в Казахстане в период 20-30-х годов XX века. В пособии обобщен и систематизирован материал по культурной жизни с 1917 по 1940 годы. В пособии дан список рекомендуемой литературы, тематика рефератов, вопросы для самостоятельной работы и тестовые задания по темам.

Учебно-методическое пособие может быть использовано для учащихся колледжей, гимназий, школ и широкого круга читателей интересующихся историей Казахстана.

ВВЕДЕНИЕ

Цель пособия дать анализ культурным процессам, происходившим в Казахстане в 20-30-е годы XX века.

Культурная революция, являвшаяся составной частью советской модели модернизации, составляет поистине уникальный и, безусловно, макроисторический феномен, на котором продолжают фокусироваться самые различные точки зрения. Сегодня, когда Республика Казахстан осуществляет задачи ускоренной модернизации и стремится войти в число поистине развитых стран, задачи культурных преобразований не менее значимы, чем проблемы индустриально-инновационного развития и демократизации общества. История учит нас не повторять ошибки прошлого, а извлекать из них реальный опыт, на основе которого и строится будущее. Поэтому сейчас особенно важно, в пылу новой форсированной модернизации, не забыть о важности и значимости для ее осуществления культурной составляющей. Поскольку здесь мы говорим о необходимости исторической рационализации (обосновании) преобразований, то ясно, что в значительной мере, именно история советского опыта культурной модернизации позволяет реализовать обозначенные выше функции.

В рамках этой обширной темы наработан богатейший массив литературы как советского, так и постсоветского периодов. Она создавалась творческой исследовательской мыслью многих поколений историков, специалистов других отраслей обществоведческого знания. Эта литература накопила такой мощный объем эмпирического материала (а подчас и верных концептуальных мыслей), что потребуются усилия не одного поколения историков для его осмысления.

Культурные процессы в Казахстане в период модернизации оценивались совершенно неоднозначно в советской и постсоветской литературе. Тем не менее, подобно тому, как в первой присутствуют «вкрапления» современных представлений, так в новой историографии еще живут «рецидивы прошлого мышления».

Именно в выявлении объективных закономерностей и специфических особенностей культурных процессов, происходивших в республике в 20-30-е годы XX века и заключается цель представленного учебного пособия.

Тема 1. Культурно-идеологическая обстановка в Казахстане в 1917-1929 гг.

Цель: представить объективную картину состояния и динамики изменений в идеологической и культурной сфере в первые годы после установления власти большевиков, раскрыть содержание культурных процессов в данный период, показать развитие и противоречия развития казахской национальной литературы, как одной из главных сфер борьбы идеологий в указанный период.

Основные понятия: социокультурная система, тоталитаризм, партийная организация и партийная литература, классовый подход к культуре, национальная культура, литература и искусство.

20-30-е годы XX века – это сложное и противоречивое время в развитии культуры, литературы и просвещения Казахстана. В этот период появился целый ряд выдающихся писателей, поэтов, создавались многочисленные творческие объединения, художественные школы, направления, течения, стили. Однако именно в XX веке в Казахстане была создана тотализированная социокультурная система, отличительными чертами которой были идеологический контроль над духовной жизнью общества, манипулирование сознанием, уничтожение инакомыслия, физическое уничтожение интеллигенции. Словом, культура советского периода была крайне противоречивой. В ней проявлялись как положительные, так и отрицательные явления. В ее оценке необходимо соблюдение принципа объективности, исключение каких-либо идеологических пристрастий. Только в таком ключе возможно осуществить анализ культуры Казахстана в 1917-1940 годах. Следует уточнить, что внутри казахской интеллигенции в начале XX века имелись расхождения – часть ее стояла за сохранение самобытности казахов на путях укрепления мусульманской культуры, другая через русскую культуру стремилась «вестернизировать» свой народ. С дальнейшим развитием социально-политических событий в СССР дифференциация настроений и идейно-политических ориентиров казахской интеллигенции усложняется.

В основу идейно-политических установок части казахских писателей были положены сформулированные В.И. Лениным важнейшие принципы отношения Коммунистической партии к творческой деятельности, которые легли в основу культурной политики Советского государства. В работе «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.) В. И. Ленин утверждает, что несостоятельным является стремление некоторых творческих людей быть «вне» и «над» классовой борьбой, поскольку «...жить в обществе и быть свободными от общества нельзя» [1]. Классовый подход к культуре – определяющий принцип коммунистов к культурному наследию и происходящим культурным процессам.

Основной целью культуры, по мнению В.И. Ленина, являлось не служение... пресыщенной героине, скучающим и страдающим от ожирения

«верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее «будущность» [2].

Таким образом, культура и, в частности, такая ее сфера как литература, должны стать «частью общепролетарского дела», выражать интересы этого класса. Однако, в первые годы советской власти идеологический диктат большевиков еще не установился в полном объеме, характерной чертой в 1918-1924 годах явились литературные дискуссии, отражавшие мнение различных группировок, школ и течений. В 20-е годы возрождение экономики требовало максимального привлечения творческих сил страны и поэтому отношение к творческой интеллигенции заметно улучшилось, тем более что многие поверили в революционное обновление всей цивилизации. Казахские писатели, еще в начале века, призывавшие к революционному пробуждению народа, с огромным творческим запалом, включились в обсуждение роли и значения литературы, дальнейших путей ее развития.

В 1922 году были предприняты очень решительные шаги, которые круто меняли всю атмосферу литературной, творческой жизни в обществе. Основными вехами на этом пути стали создание политической цензуры в лице Главлита и Главреперткома; издание первого законодательного акта от 3 августа 1922 года об обществах и союзах, регламентировавшего все стороны их возникновения, формирования и деятельности, и определившего их место в политической системе общества; решения состоявшейся в августе 1922 года XII Всероссийской конференции РКП(б), определившие новый подход к вопросам о взаимоотношениях с интеллигенцией.

На созванном Агитпропом ЦК совещании «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской» (февраль 1922 г.), было решено вернуть цензуру как государственный институт. Параллельно вызревала позиция о необходимости классовой борьбы и в области литературы. Вся предшествующая литература, как впрочем, и культура в целом, была объявлена «буржуазной», контрреволюционной, антинародной. Труды классиков марксизма в это время числятся вместилищем абсолютной истины, с которой обязаны согласовываться любые теоретические построения и направления в литературе. Произведения, выглядевшие несопоставимыми с догмами марксизма, объявлялись буржуазными.

К этому же времени относится и созревание в среде футуристов и пролеткультовцев доктрины о новой социальной роли искусства. Пролетарский поэт А. Гастев ввел термин «социальная инженерия», имея в виду, что средствами искусства можно перестроить не лишь социальную жизнь, но и психику человека. Всю область человеческих эмоций (по мысли Гастева) следовало подвергнуть математизации («коэффициенты настроения») и серьезному контролю. Всю прежнюю эстетику предлагается отбросить, поскольку учение об искусстве обязано состоять из способов эмоционально-организующего влияния на психику человека «в связи с задачками классовой борьбы». Футурист С. Третьяков предлагал «работника

искусства» перевоплотить в «психо-инженера», в «психо-конструктора», наряду с человеком науки. Потом И. Сталин практически повторит эти слова, определяя суть писателя соцреализма: «Писатель - инженер человеческих душ». Деятельность Пролеткульта была предана резкой критике В.И. Лениным в письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах», и в начале 20-х годов эта организация была ликвидирована в административном порядке [3].

Хотя управление партии большевиков с самого начала пробовало подчинить себе всю идеологическую жизнь страны, но в 20-е годы еще не была выработана и отработана «методика» такового подчинения. Борьба партии за перевоплощение искусства в инструмент политической системы еще не обрела свои четкие формы в 20-е годы. 18 Июня 1925 года ЦК РКП(б) принимает резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». В ней говорилось, что партия в целом не может связывать себя «приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы». Естественно, что такое «попустительство» со стороны партии в сфере искусства не могло не сказаться на его содержании и направлениях. Н.И. Бухарин, выступая на совещании «О политике партии в художественной литературе», созванном ЦК РКП(б) в мае 1924 года говорил о необходимости перенести ленинскую идею «сотрудничества» с другими классами и на литературу. Потом эта точка зрения была расценена Сталиным как классовое капитулянтство Бухарина. Но, несмотря на художественные и идейные разногласия многие литературные группы 20-х годов исподволь подготавливали становление литературы «социалистического реализма» и диктат партии в литературе. Во многом это было обусловлено и тем, что свобода тут же ограничивалась: соревнование между литературными группами обязано было проходить на базе пролетарской идеологии.

На I Всероссийском съезде пролетарских писателей в Москве в октябре 1920 года был учрежден Всероссийский Союз пролетарских писателей. В программе съезда было заявлено: «С переходом страны на мирную стройку, - Первый Всероссийский Съезд пролетарских писателей будет первым организационным начинанием писателей-рабочих. Работающее в настоящее время организационное бюро по созыву съезда в составе: председателя бюро, тов. В. Кириллова, секретаря С. Обрадовича и членов тт. Самобытника, Герасимова, Сивачева, Волкова, Санникова, Казина и Александровского к предстоящему Съезду наметило следующие вопросы, разрешение которых имеет первостепенное значение:

1. Текущий момент и задачи пролетарской литературы.
2. Пролетарская литература и её отношение к прошедшим и современным течениям в искусстве.
3. Пути пролетарской литературы.
4. Отношение к Пролеткультам.
5. Издательское дело,
6. Образование Союза пролетарских писателей» [4].

Начиная со второй половины 1921 г., Альянс получил заглавие Всероссийская Ассоциация пролетарских писателей (ВАПП). Конкретно с творчеством входивших в пролетарские организации писателей связана та тенденция в литературе, которая получила позже определение литературы социалистического реализма. А 12 июня 1925 г. секретариат Казахского краевого комитета РКП(б) принял решение о создании ассоциации казахских пролетарских писателей (КазАПП). Было создано организационное бюро в составе Сакена Сейфуллина, Николая Феоктистова, Беимбета Майлина, Абдрахмана Байдильдина. Этому бюро были вменены в обязанность «организация пролетарских писателей Казахстана, ведение пропагандистской работы и созыв Всеказахстанской конференции пролетарских писателей».

18 июня 1925 года ЦК РКП(б) воспринимает резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». В этом документе утверждается, что страна вступила в период культурной революции. Культурная революция по отношению к литературе понимается как развитие «новой литературы – пролетарской и фермерской в первую очередь». Подчеркивается значение классовой борьбы в литературе: «как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...» [5]. При этом отмечается, что борьба эта не та, что была до завоевания русской власти, сейчас она заключается в проникновении в литературу диалектического материализма.

Литература практически провозглашается орудием идеологической борьбы: «Ни на минуту не сдавая позиции коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл разных литературных произведений, коммунистическая критика обязана беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т.д. И в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним». Таким образом, не связывая себя приверженностью какому-то одному литературному движению, партия задает парадигму литературы этого периода – создание массовой пролетарской литературы.

В итоге в ходе дискуссии, проходившей в русле генеральной линии большевистской партии, такие выдающиеся казахские поэты и писатели, как М. Жумабай, Ж. Аймауытулы, А. Байтурсын, М. Дулатулы, К. Каменгеров были обвинены в национализме. В русле критики национальной литературы, творческой и культурной преемственности разворачиваются дебаты и в казахской литературной среде, но, помимо этого, казахская литература, продолжающая развитие творческого наследия Абая объявляется националистической.

Официальная коммунистическая пресса Казахстана дала очень высокую оценку творчеству Сакена Сейфуллина. Так, после выхода в 1923 году сборника его стихов «Асау тулпар», «Известия Киргизского областного

комитета РКП (б)» напечатали статью и подвели первый итог творчеству писателя. «Сборник этот, – говорилось в статье, – является весьма ценным в том отношении, что мы, внимательно следя год за годом, по его содержанию видим... с какими большими трудностями приходилось автору... положить начало новому направлению, новому пути в развитии киргизской (казахской – авт.) литературы, в смысле сближения ее с пролетарской идеологией» [6].

О том, что творчество Магжана Жумабаева было высоко оценено его современниками свидетельствуют факты, приведенные в подборке материалов, опубликованных в журнале «Простор» в 1989 году. Так, из них следует: «В 1923 году Туркестанское государственное издательство делает попытку издать Магжана Жумабаева. В предисловии ко второму изданию, написанному Султанбеком Куджан-оглы, говорится: «Мы издали стихи Магжана Жумабаева, считая, что они заслуживают почетное место в киргизской (казахской) литературе. Поэтические произведения автора читатели уже знают. Ясно, что в деле возрождения новой литературы там, где только начинает вырабатываться литературный язык, заслуга таких поэтов, как Магжан, громадна. Считающийся до сих пор в Туркестане языком кочевников-скотоводов и признанный неподходящим, неудобным для деловой переписки и для печати, киргизский (казахский) язык в стихах Магжана выявляется как гибкий, богатый, чистый, легкий и вполне обработанный. Поэтому мы в стихах Магжана имели в виду больше литературную сторону, чем их политическое содержание. И читатель не должен обращать внимания на те места, где встречаются противоречия марксистскому мировоззрению. А побольше обращать внимания на красоту и художественную сторону, на образность, должен серьезно вникать в их исторический смысл...» [7].

А в письме Киргизской Научной Комиссии Государственного Ученого Совета, адресованного В. Брюсову, о Магжане Жумабаеве пишется следующее: «Жумабаев является несомненно ярким выдающимся киргизским поэтом..., в будущем он может стать выдающимся поэтом при нормальных условиях для развития его таланта. «Будущий наш Пушкин», как характеризовал его Председатель Киргизской Научной Комиссии» [8].

Самой мощной литературной организацией 20-х годов была русская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), официально оформившаяся в январе 1925 года в рамках ВАПП. Активную роль в жизни РАПП играли А. Фадеев, Ю. Либединский, В. Ставский и критики Л. Авербах, И. Гроссман-Рощин, А. Селивановский, В. Ермилов, Г. Лелевич.

В период до 1928 года РАПП остается только одной из бесчисленных литературных групп, но уже в это время рапповцы выступают за партийное управление литературой. Члены РАППа вопрос о партийной политике в искусстве разглядывают с точки зрения «служения делу пролетарской революции». Они требуют «поставить в центре внимания (при помощи соответствующей полосы партийно-русских редакций, издательств и критиков) тех писателей, которые организуют психику читателя в сторону

коммунизма; употреблять ближайших попутчиков, перетягивая их равномерно в ряды пролетарской литературы; неприклонно бороться (при помощи цензуры, а основным образом, тех же партийно-русских редакций, издательств и критиков) с реакционной и мнимо-попутнической литературой» [9].

РАПП унаследовала и даже усилила вызывающе-социологические нигилистические тенденции Пролеткульта. Она заявила о себе не лишь как о пролетарской писательской организации, но и как о представителе партии в литературе и выступления против собственной платформы разглядывала как выступление против партии. На аналогичной позиции стояла и Казахская ассоциация пролетарских писателей (КазАПП), имевшая свой печатный орган «Құс жолы». Этот альманах стал основным орудием критики «буржуазных» и «националистических» литераторов. Так, задуманное Магжаном Жумабаевым литературное объединение казахских писателей, которое он назвал «Алқа» (к сожалению, так организационно и неоформленное), было признано признаком национализма, попыткой алашордынцев реанимироваться и вредить советскому строю. Для того, чтобы обосновать репрессии против творческой интеллигенции, большевики объявили объединение «Алқа» политическим противовесом КазАПП. На самом же деле «Алқа» была сугубо творческой организацией начала XX в., деятельность которой была направлена на объединение писателей истинных патриотов своего народа, опиравшихся в своем творчестве на духовную культуру нации, стремившихся сохранить идеи государственности, идущие из глубокой древности.

Осенью 1927 г. в газете «Советская степь» некто «С.К.» сообщал, что «политическое направление произведения определяется принадлежностью автора к тому или иному течению. По предварительным подсчетам, авторами-националистами выпущено 14 названий... У националистов несколько больше разнообразия в авторах (Байтурсынов, Ауэзов, Дулатов, Кеменгеров, Омаров, Абай, Джумабаев)... Националисты в ярких красках воспевают степь и казахский народ, вне классовый сущности, а по существу, направили свое перо против советской власти» [10].

Сакен Сейфуллин в статье «О казахской художественной литературе» отстаивает позиции социалистической, пролетарской литературы. Так, он пишет: «В казахской литературе сейчас ясно определились два направления. Одно – байское, националистическое, другое – пролетарское. Среди писателей есть и неустойчивые. У них нет своего лица, мечутся из стороны в сторону. Но год от года неустойчивых становится все меньше и меньше. Они перейдут на сторону трудового класса... Потому что будущее казахской литературы принадлежит трудовому классу». По мнению Сейфуллина, «Есть и такие, кто использует литературные дискуссии для клеветы на советскую литературу вообще. Цель националистов понятна, их аргументы известны заранее. Но вот, к примеру, Смагул Садвакасов. Он уже докатился до вранья. Смагул заявляет: «И Беимбет и Сакен писатели, слабо разбирающиеся в

основах марксизма, особенно Сакен. Сакен – поэт, тоскующий по старым обычаям аула. Это доказывают названия его книг: «Неукротимый скакун», «Домбра», «Красные соколы». Миражи старого аула...» [11].

Давление на непролетарских писателей было настолько сильным, что Магжан Жумабаев «признал свои ошибки». 17 августа 1927 г. в республиканской газете «Еңбекші қазақ» он опубликовал свою поэму «Тоқсанның тобы» («Девяносто - большинство»). В ней автор приветствует новую жизнь, пришедшую к прежде обездоленным, утверждает, что теперь он заодно с большинством, вместе с девяносто из ста, а не с меньшинством - десятью. Пишет, что раньше он ратовал за все сто, не делая разницы между угнетенным большинством и угнетающим меньшинством, теперь же считает себя вошедшим в строй девяноста.

Однако эта новая позиция поэта не была принята руководством республики. Выступая в ноябре 1927 г. на VI-й Всеказахстанской краевой партийной конференции, первый секретарь крайкома Ф.И. Голощекин говорил: «Среди интеллигенции имеется движение, напоминающее «сменовеховцев». Вы, наверное, знаете знаменитое стихотворение Жумабаева о «Девяноста». Он о себе пишет, что он на стороне девяноста, а большинство ему поверило, что это действительно так, и было обмануто. Они сначала говорили «сто» и потерпели поражение, а теперь говорят о девяносто. Если к нам придут с хорошими делами, мы по спине погладим, однако, чтобы показать необходимость поддержки девяноста другими, мы не только по спине их погладим, но в то же время и ударим по спине» [12].

Из этих слов видна безграничность беззакония того времени. Эти слова первого руководителя республики дали повод для еще более углубленной критики М. Жумабаева со стороны писателей пролетарского направления. В третьей книге «Школы жизни» («Годы возмужания») Сабит Муканов пишет: «В литературе шла ожесточенная борьба с байско-националистическим направлением, и возглавлял эту борьбу КазАПП. Я не преувеличу, если скажу, что в 1927-1928 годах борьба с проявлениями байского национализма в казахской литературе была непримиримее, чем когда бы то ни было. Подтверждением этого может служить перечень многочисленных статей, опубликованных в те годы на страницах газет и журналов, дискуссии, постоянно вспыхивавшие на писательских собраниях. Конечно, не нужно думать, что все было так уж просто: в одном стане мы, пролетарские писатели, в другом - байские националисты. Все было очень сложно, и чаще всего наши противники предпочитали не прямое наступление, а искусную маскировку. Конечно, Магжан Жумабаев, почувствовавший свой близкий конец, желая спасти себя, мог написать и такое: Я свое совершил. Наступает ваш срок, Я от прошлой десятки теперь далек» [13].

Из этого видно, что в тот период Сабит Муканов, как многие другие пролетарские писатели, не верил искренности Магжана, что поэт действительно полностью повернулся на сторону советской власти, открыл

новую страницу своего творчества. Однако судьба не дала ему возможности писать с этой новой позиции.

В пятом номере журнала «За партию» 1928 г. (орган Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) и Казкрайкома ВКП (б)) появилась статья известного литературного критика, общественного деятеля Г. С. Тогжанова (1900-1938 гг.) «Против национализма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике». В том же году она была напечатана и в газете «Советская степь». «Еще не так давно – 3-4 года назад, - указывал Г. Тогжанов, - наши националисты доказывали в своих больших критических статьях «общенациональность» казахской художественной литературы, отсутствие в ней классовой идеологии; ...что искусство, в частности, литература, не подчиняется политике и что политические ...интересы чужды ей. Так писали молодые идеологи казахских националистов Ауэзов, Исаков, Аймаутов и К0 в нашей партийно-советской печати, в частности, в газете «Ақ жол» и в журналах «Шолпан», «Сана» и т.д. ...«теория» националистов не встречала никакого отпора и опровержения со стороны казахских коммунистов. Казахские коммунисты, если не солидаризировались, то, во всяком случае, не считали нужным, необходимым разоблачать эту идеологию» [14]. Как неприятный, но имевший место в истории факт, подчеркнул он, «господство» казахской националистической идеологии до 1925 г.

Изменение политической ситуации Г. Тогжанов связывал с идейным укреплением Компартии Казахстана, что непосредственно повлияло на положение на «культурном и идеологическом фронте». Это нашло свое выражение в систематическом разоблачении националистов, их идеологии. Но, как отмечал автор, они не сложили оружия и избрали полем своей деятельности казахскую литературу. Для вытеснения «националистов» из этой сферы нужны, считал Г. Тогжанов, усилия не только партийных работников, но и представителей новой пролетарской литературы. Главное отличие литературы «националистов» от литературы пролетарских писателей автор видел в содержании - тогда как «писатели-националисты воспевали казахскую старину, казахских баев, ханов, батыров, идеализировали националиста-интеллигента», новые пролетарские писатели «воспевают революцию, ее вождей (Ленина, Маркса), рабочего, отображают жизнь казахских трудящихся, в частности, казахской бедноты и батрака, создают в литературе новых людей - новых типов - тип казахского рабочего, бедняка-коммуниста, комсомольца, казашки-общественницы» [15].

Так как в это время идейно-политическая жизнь республики характеризовалась усиленной борьбой с «садвокасовщиной», как одним из проявлений «националистического уклона», то и Г. Тогжанов решил внести в нее свою лепту. По словам автора статьи, в «национализме С. Садвокасова нет ничего нового, его национализм тот же самый, только иными словами повторяющий, что говорят националисты».

Критики Г. Тогжанова не избежали и писатели-коммунисты С. Сейфуллин, С. Муканов. Их он разоблачает в «обывательщине» и «комчванстве». Автор дает оригинальную трактовку понятию «обывательщина»: «...в наших условиях очень трудно провести определенную грань между национализмом и обывательщиной. Обывательщина являлась и является одним из главных вдохновителей национализма».

«Обывательские» мысли С. Сейфуллина автор увидел в его поэме «Чан-Зо Лин», в стихотворениях «Жұмсақ вагон», «Тұрмыс толқынында», «Сыр-сандық».

Критикуя его за неудачный выбор сюжета поэмы «Чан-Зо Лин» (в ней описывается история взаимоотношений двух китайских генералов), Тогжанов указывал на проявление «обывательщины» в неверном понимании таких моральных ценностей, как «верность и любовь к матери»: «В понимании старой казахской общественности самое священное, самое высшее - это верность, любовь к матери. То же самое проповедует т. Сейфуллин. Едва ли здесь нужно разъяснять, что «верность матери» ничего общего с марксизмом не имеет. Абсолютную, священную верность к матери коммунисты не признают, мы признаем верность пролетарскому классу и его руководителю - коммунистической партии» [16]. Тогжанов считал: «Кто утверждает, что Сакен пролетарский поэт, тот обманывает и партию, и себя... Сакен еще не успел стать пролетарским поэтом».

С. Сейфуллин обвинял Г. Тогжанова в недобросовестном подходе к его произведениям, в искажении его мысли, пытаясь найти в них какой-нибудь уклон. Одновременно он подчеркивал, что всегда боролся с проявлениями «алашординской идеологии» в казахстанской литературе, критикуя известного «алашординского мистика Жумабаева».

Развернув «поиски классовых врагов» среди казахской интеллигенции на страницах газет и журналов Ф. Голощекин добился главного - с помощью писателей-пролеткультовцев были найдены идейные обоснования для репрессивных мер против видных представителей алашской интеллигенции.

Еще в 1929 г. Г. Тогжанов вместе с известными казахскими общественными деятелями О. Джандосовым, А. Байдильдиным, С. Сафарбековым и другими подписал письмо-обращение «О творчестве писателей-казахов», направив его в редакцию газеты «Правда» и в издательство «Литературная энциклопедия». В письме выражалось несогласие с той высокой оценкой, которую дали составители энциклопедии творчеству М. Ауэзова, А. Байтурсынова. Редакции было рекомендовано осветить их деятельность как «буржуазных националистов».

Таким образом, конец 20-х годов ознаменовался развертыванием полного идеологического контроля большевистской партии над культурными процессами. Если в первые годы большевизма деятели культуры обладали некоторой свободой творчества, и партия не столь очевидно вмешивалась в культуру и искусство, то затем пришло время тотального контроля и жесткой

борьбы с инакомыслящими. Прежде всего, под критику, а затем и под репрессии попала национальная казахская литература, главным образом, представленная в этот период творчеством алашской интеллигенции.

Методические рекомендации:

При изучении данной темы необходимо обратить особое внимание на сложность культурной ситуации в Казахстане в 1917-1929 гг. Попытаться разобраться в вопросе: Что способствовало изменениям в культурной сфере Казахстана? Необходимо проанализировать развитие тоталитарной идеологии, объявившей все национальное националистическим и буржуазным. Уяснить особенности установления идеологического диктата в литературе и искусстве Казахстана того периода.

Контрольные вопросы к теме:

1. Какие неблагоприятные характеристики носила культурная ситуация в Казахстане в 20-х годах XX века?
2. Какие факторы способствовали созданию неблагоприятной культурной ситуации?
3. Какова роль казахской литературы в развитии культурных процессов в Казахстане в 20-х годах XX века?
4. Какими тенденциями характеризовалась литературная жизнь в Казахстане в этот период?
5. Какие изменения произошли в среде казахских писателей?
6. Каковы различия во взглядах деятелей литературы старого и нового поколения?
8. Какими методами устанавливался идеологический контроль в художественном творчестве Казахстана?
9. Какие течения существовали в литературной среде России того периода?
10. Почему казахские писатели алашской волны были вынуждены отречься от своих взглядов?
11. Какую роль в критике творчества так называемых «буржуазных националистов» сыграли писатели социалистического направления?

ТЕСТЫ

Закрытые задания с выбором одного правильного ответа. Обведите букву правильного ответа

1. Какой период стал наиболее сложным и противоречивым в развитии культуры, литературы и просвещения Казахстана?
А) первое десятилетие XX века
В) 20-30-е годы
С) 40-е годы
D) 70-е годы
E) 50-е годы
Ответ: В)
2. В каком году были созданы органы политической цензуры?

- A) в 1918 г.
- B) в 1928 г.
- C) в 1922 г.
- D) в 1917 г.
- E) в 1919 г.

Ответ: B)

3. В каком году была принята резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»?

- A) 1917
- B) 1918
- C) 1920
- D) 1923
- E) 1925

Ответ: E)

4. Какой подход к культуре явился определяющим принципом коммунистов к культурному наследию и происходящим культурным процессам?

- A) гуманитарный
- B) общечеловеческий
- C) классовый
- D) национальный
- E) этический

Ответ: C)

5. Как трактовалась большевиками вся предшествующая культура?

- A) Как базовая
- B) Как великая
- C) Как буржуазная
- D) Как народная
- E) Как национальная

Ответ: C)

6. Когда был учрежден Всероссийский Союз пролетарских писателей?

- A) в октябре 1920 г.
- B) в январе 1918 г.
- C) в марте 1924 г.
- D) в июне 1925 г.
- E) в апреле 1936 г.

Ответ: A)

7. Когда было принято решение о создании ассоциации казахских пролетарских писателей (КазАПП)?

- A) в июне 1925
- B) в июле 1920
- C) в декабре 1923
- D) в марте 1929
- E) в сентябре 1932

Ответ: A)

Открытые задания со свободно конструируемым ответом:

1. Какие расхождения имелись во взглядах казахских интеллигентов на пути развития культуры?
2. Охарактеризуйте принципы культурной политики большевиков?
3. Сравните отношение к культурной революции среди казахской интеллигенции и представителей большевистской партии.

В начале 20-х годов XX века еще не была отработана «методика» подчинения

Процесс установления тотальной цензуры начался -----.

Задания на установление соответствия:

Литература практически провозглашается орудием идеологической борьбы: «Ни на минуту не сдавая позиции коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл разных литературных произведений, коммунистическая критика обязана беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т.д. И в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним». Таким образом, не связывая себя приверженностью какому-то одному литературному движению, партия задает парадигму литературы этого периода – создание _____

Тема 2. Культурно-идеологическое размежевание в Казахстане в 30-х годах

Цель: раскрыть основное содержание причин, характера, динамики развития культурных процессов в Казахстане, движущих сил, охарактеризовать особенности и взгляды противоборствующих сил.

Основные понятия по теме: культурная революция, национальная культура, казахская пролетарская культура, социалистический реализм, РАПП, КазАПП, комчванство.

Период конца 20-х начала 30-х годов можно обозначить как период, когда культурная революция приступила к воинствующему преодолению остатков «буржуазной» (старой, традиционной) культуры с активной заменой её материалистической революционной идеологией со строго выраженным коммунистическим содержанием. Писатель стал ресурсом власти.

В 1932 году постановление ЦК ВКП(б) распустило все существовавшие в стране объединения и заменило их едиными творческими союзами писателей, живописцев, архитекторов, композиторов, при каждом творческом союзе были учреждены соответствующие фонды, что передало заботу о деятелях культуры в руки страны.

В Постановлении отмечается, что литературные организации и группы были необходимы лишь до того момента, пока не «успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новейшие писатели и живописцы с заводов, фабрик, колхозов...» [17].

ЦК констатирует, что за период 1925-1932 годов произошел большой количественный и качественный рост литературы и искусства. В связи с этим «рамки имеющихся пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узенькими и тормозят серьезный размах художественного творчества». В Постановлении отмечается, что такие организации способствуют духу «групповщины», не соответствуют текущим задачам политики партии. «Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы» [18].

Исходя из этого, постановляется распустить имеющиеся литературно-художественные организации и создать единый альянс писателей СССР.

В Резолюции по докладу т. Каип-Назарова о состоянии казакской художественной литературы и задачах КазАПП в апреле 1932 г. сказано:

1. Построение фундамента социалистической экономики и окончательное разрешение ленинского вопроса «кто кого» в пользу социализма в промышленности и в сельском хозяйстве, задачи выполнения плана первой пятилетки в четыре года и на основе успехов первой пятилетки окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, построение бесклассового социалистического общества во второй пятилетке, открывает новый этап в развитии всей советской литературы вообще, и пролетарской литературы в частности. Практическое осуществление грандиозных задач всемирно исторического значения, поставленных перед всей страной решениями XVII партконференции, «рабочий класс обеспечит лишь в борьбе с остатками капитализма, давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя настойчивую работу по социалистическому их перевоспитанию», (из резолюции XVII партконференции). В разрешении этих задач огромное место принадлежит пролетарской художественной литературе. В период социализма пролетарская литература, как никогда, должна стать, мощным боевым оружием пролетариата в классовой борьбе и средством коммунистического воспитания всех трудящихся.

2. За последние годы достигнуты значительные успехи в развитии пролетарской литературы. Пролетарская литература уже превратилась в ведущую, основную силу во всей советской литературе и вплотную подошла к разрешению исторической задачи - завоевание гегемонии в литературе. В основном эти успехи характерны и для молодой казакской пролетарской литературы. Казакская пролетарская литература вышла из зародышевого состояния, стала значительной массовой литературой, успешно вытесняя байскую, алаш-ордынскую литературу. Перед казакской пролетарской

литературой также стоит, как ближайшая задача, завоевание гегемонии во всей казахской литературе.

3. Однако общее отставание пролетарской литературы от темпов социалистического строительства, от возросших требований рабочих и колхозных масс особенно заметно проявляется в развитии казахской литературы.

Несмотря на имеющиеся успехи и достижения казахских пролетарских, колхозных писателей, казахская художественная литература все еще отстает от темпов и задач развернутого социалистического строительства в Казакстане. Она как количественно, так и качественно не удовлетворяет возросших потребностей казахских масс на данном этапе. Основными недостатками казахской художественной литературы и на сегодня продолжают оставаться: ограниченность и односторонность разрабатываемой тематики, общность, схематичность и поверхностность показа общественных явлений, отсутствие глубокого и всестороннего охвата сложной противоречивой действительности, неумение показать цельный обобщенный тип в литературе из казахской жизни, тип казахского пролетария, коммуниста, казахского колхозника.

4. Отставание казахской художественной литературы от задач социалистического строительства обуславливается прежде всего наличием пока еще сильного влияния на многих казахских советских писателей алаш-ордынской и байской идеологии и недостаточностью марксистско-ленинской подготовки большинства писателей.

В творчестве ряда писателей имеет место проявление байской феодальной идеологии, местного национализма, контрреволюционного троцкизма (Сейфуллин), отсталых настроений казахского крестьянства, крестьянской ограниченности и мелкобуржуазного идеализма (Джансугуров, Майлин, Муканов, Турманжанов и др.) и перенесение группировочной борьбы в художественную литературу. Имеет место также в казахской литературе со стороны отдельных попутнических писателей обывательская критика, под видом критики и самокритики, на советский аппарат, на коммунистов, на колхозы (М. Даулетбаев, Шанин и др.).

5. Явно неудовлетворительно состояние критики. Слабо разоблачена еще алаш-ордынская, националистическая и троцкистская критика (Аймаутова, Коменгерова, Ауездова, Екеу, Маметовой и др.) и критика Садвокасова и его сторонников-этих агентов алаш-орды внутри казахской партийной организации. Недостаточно вскрыты и разоблачены ошибки ряда руководящих членов КазАПП. В частности, в критических книгах тов. Тогжанова имеется ряд ошибок, выразившихся в садвокасовской оценке Байтурсунова и Аймаутова, в некритическом отношении к Плеханову и плехановской оценке исторической роли буржуазных писателей, роли дореволюционной буржуазии, националистической интеллигенции и казахского байства. В критических статьях тт. Сейфуллина, Муканова и др. проявлено группировочное отношение к критике, игнорирование

культурного наследия прошлого, комчванское отношение к вопросам учебы. Явно ошибочным является определение тт. Мусрепова, Муканова и др. всей новой казакской литературы - пролетарской литературой и утверждение, что она является уже господствующей во всей казакской литературе (Юсупов и др.). Тов. Муканов некритически воспринял явно ошибочные лозунги некоторых руководителей; РАППА об «одемянивании» казакской литературы и задаче догнать и перегнать буржуазных писателей в капиталистических странах.

Неверно утверждение тов. Мусрепова о наличии кризиса в казакской литературе. Руководство КазАПП в целом и его отдельные руководящие члены не восприняли указаний пятого пленума крайкома ВКП(б) об искоренении элементов групповой борьбы внутри КазАПП, потворствовали, а в некоторых случаях принимали участие в старой группировке, покрывая и замазывая ошибки членов КазАПП (выступления тт. Джансугурова, Муканова и др.)

Совершенно неудовлетворительно ведется журнал КазАПП «Әдебиет-Майданы» (быв. «Жаңа Әдебиет»). Редакция журнала, помещая без критики непартийные статьи и идеологически невыдержанные рассказы (статьи об «одемянивании», в лозунге «догнать и перегнать», о Маяковском, рассказ «Живая сцена» и т.д.), проявила гнилой либерализм, неумение вести последовательную борьбу с чуждыми влияниями на литературу.

6. Несмотря на прямые указания партии, критика, самокритика внутри КазАПП до последнего времени почти отсутствовали. Старые формы и методы работы, кружковщина, замкнутость, неумение подхватить конкретные лозунги партии и в соответствии с ними перестроиться - является основным недостатком в повседневной работе КазАПП. До последнего времени не было четкости и ясности в организационной структуре КазАПП.

Съезд постановляет:

1. Резолюция пятого пленума РАПП об очередных задачах перестройки РАПП является конкретной программой и директивой для КазАПП. Первейшим условием осуществления, этой программы является решительная перестройка всех методов, форм и содержания работы КазАПП, под углом углубления и усиления внимания писателей к производственным вопросам на основе развития критики и самокритики всей работы КазАПП. Съезд считает, что «суровая последовательная самокритика, очищение правильной теоретической линии РАПП (и КазАПП) от любых больших и малых ошибок является непременным условием движения вперед». (Из резолюции пленума РАПП).

2. Основной задачей КазАПП на ближайший период должно явиться развертывание творческой дискуссии (в чем КазАПП на много отстал от РАПП), содействие и создание условий возникновения различных творческих групп, решительно пресекая всякие попытки превращения этих групп в «литературные группировки». Съезд указывает, что дальнейшее развертывание казакской пролетарской литературы, создание Магнитостроев

литературы, полное разрешение всех творческих задач, стоящих перед КазАПП, возможно лишь при упорной систематической работе казакских писателей над поднятием своего политического уровня и овладения марксистско-ленинской теорией. Развертывание творческой дискуссии и разрешение творческих задач КазАПП немислимы также без углубленного критического осмысливания литературного наследства, без марксистско-ленинского анализа и критики творческой продукции всех современных пролетарских и советских писателей. Каждый писатель, каждая группа должны проверяться прежде всего своей творческой продукцией. Поворот к творческим задачам должен сопровождаться решительной борьбой против всякого рода комчванства, зазнайства, нежелания учиться, против халтурщины.

3. Беспощадное разоблачение и конкретная борьба со всякими уклонами от линии партии, буржуазно-националистическими влияниями, с контрабандой троцкистской контрреволюционной концепции, с переверзевщиной, а также с ошибками плехановской методологии, групповщиной в художественной литературе и критике и в дальнейшем должно быть главной задачей КазАПП. Под лозунгами «за партийность, за ленинскую литературную теорию» должны быть пересмотрены все основные критические документы. В повседневной работе КазАПП должна проявить большевистскую бдительность и идейную непримиримость ко всяким попыткам протаскивания чуждых влияний в литературу и искусство.

Особое внимание уделить повышению качества конкретной критики, решительно изменяя элементы групповщины. Необходимо поднять критику на марксистско-ленинскую высоту, сделать ее боевым оружием партии.

4. Превращение КазАПП из небольшого кружка в массовую писательскую организацию, обязанную своей повседневной, идейно-воспитательной, творческой работой воспитывать и создавать новые молодые писательские кадры из рабочих и колхозных корреспондентов, ударников печати, ставит перед КазАПП задачу в первую очередь организационного охвата всех растущих молодых кадров казакских писателей, усиления среди них воспитательной работы, конкретной помощи их творчеству, а также выдвижения из их среды на руководящую работу в КазАПП как в крае, так и на местах. Съезд объявляет призыв ударников в литературу и предлагает руководству КазАПП и всем местным организациям развернуть, совместно с профсоюзами и органами печати кампанию по вербовке ударников в ряды пролетарских писателей и организовать среди них систематическую идейно-воспитательную работу» [19].

В апреле 1934 года открылся Первый всесоюзный съезд советских писателей. На съезде с докладом выступил секретарь ЦК по идеологии А. А. Жданов, изложивший большевистское видение художественной культуры в социалистическом обществе. Съезд стал той трибуной, с которой был провозглашен социалистический реализм как способ, который скоро стал универсальным для всей советской культуры: «Товарищ Сталин назвал вас

инженерами человеческих душ. Какие обязанности накладывает на вас это звание. Это, во-первых, знать жизнь, что бы уметь её правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не схоластически, не мертво, не просто как «объективную реальность», а изобразить реальность в её революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения обязана сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе соцреализма» [20]. «Литературе, да и искусству вообще отводилась тем самым подчиненная роль инструмента воспитания, и лишь. Как можно созидать, таковая постановка вопроса была очень далека от предпосылок, на базе которых вопросы литературы дискуссировались десятью годами ранее, в разгар нэпа»[21].

На съезде были продемонстрированы два принципа грядущего тоталитаризма в культуре: культ вождя и единодушное одобрение всех решений. Принципы соцреализма оказались вне обсуждения. Все решения съезда были заблаговременно написаны и делегатам предоставлялось право проголосовать за них. Ни один из 600 делегатов не проголосовал против.

Все ораторы, в основном, говорили о великой роли Сталина во всех сферах жизни страны (его величали «архитектором» и «кормчим») и в том числе в литературе и искусстве. В итоге на съезде была сформулирована художественная идеология, а не художественный способ. Всю предшествующую художественную деятельность человечества посчитали предысторией к культуре «нового типа», «культуре высшего этапа», то есть социалистического. В базу важнейшего критерия художественной деятельности - принципа гуманизма - по предложению Горького включили «любовь - ненависть»: любовь к народу, партии, Сталину и ненависть к противникам родины. Таковой гуманизм был назван «социалистическим гуманизмом». Из такового понимания гуманизма логически следовал принцип партийности искусства и его обратная сторона - принцип классового подхода ко всем явлениям публичной жизни.

Разумеется, что социалистический реализм имел свои художественные заслуги и оказал определенное влияние на литературу XX века. Все же он является течением еще более узким, чем вообще реализм XX века. Отражавшая идейные настроения русского общества литература, руководствуясь лозунгом Сталина об усилении классовой борьбы в ходе стройки социализма, все более втягивалась в поиски «врагов».

Характерной особенностью литературы социалистического реализма, социально-педагогической, по определению Горького, является её ярко выраженное сращение с идеологией, сакральность, а также то, что эта литература практически была особой разновидностью массовой литературы, во всяком случае, выполняла её функции. Это были функции агитационно-социалистические.

Ярко выраженная агитационность литературы соцреализма проявлялась в заметной заданности сюжета, композиции, частенько

альтернативной (свои/неприятели), в явной заботе автора о доступности его художественной проповеди, то есть некой прагматичности. Принцип идеализации действительности, лежащий в базе «метода», был главной установкой Сталина. Литература обязана была поднимать дух людей, создавать атмосферу ожидания «счастливой жизни». Сама по себе устремленность писателя соцреализма «к звездам» - к идеальному эталону, которому уподобляется реальность - не порок, она могла бы нормально восприниматься в ряду альтернативных принципов изображения человека, но превращенная в непререкаемую догму, стала тормозом искусства.

В августе 1934 года был создан единый Союз писателей СССР, затем союзы художников, композиторов, архитекторов. Так были созданы творческие союзы, поставившие под жесткий контроль деятельность творческой интеллигенции страны. Исключение из союза вело не только к утрате определенных привилегий, но и к полной изоляции от потребителей искусства. Все деятели литературы и искусства были объединены в единые унифицированные союзы. Утвердился один-единственный художественный метод социалистического реализма. Социалистический реализм признавался раз навсегда данным, единственно верным и наиболее совершенным творческим методом. Данное определение соцреализма опиралось на сталинское определение писателей как «инженеров человеческих душ». Тем самым художественной культуре, искусству придавался инструментальный характер, то есть отводилась роль инструмента формирования «нового человека». Литература и искусство были поставлены на службу коммунистической идеологии и пропаганде. Характерными чертами искусства этого времени становятся парадность, помпезность, монументализм, прославление вождей, что отражало стремление режима к самоутверждению и самовозвеличению.

Единственным средством существования и даже стимулом работы стали государственные заказы. Эти заказы были приурочены к важным политическим событиям: к юбилеям революции, памятным датам, победам на фронте или на ниве народного хозяйства. Списки лучших произведений утверждались партийными комитетами и представлялись на всесоюзные выставки, о которых газеты писали, что это «смотри наивысших художественных достижений страны». Для поощрения деятелей искусства, прославляющих в своих произведениях деятельность партии и ее вождя, показывающих трудовой энтузиазм народа и преимущества социализма перед капитализмом были учреждены в 1940 году Сталинские премии. Списки сталинских лауреатов составлялись государственной комиссией Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров, а впоследствии при Министерстве культуры СССР, и согласовывались с соответствующим отделом ЦК ВКП (б), затем – КПСС.

Но в казахской литературе этих лет звучали и другие голоса - раздумья о жизни и предвиденье её будущих сложностей и потрясений, обращение к

прошлому и его горьким урокам - в поэзии С. Сейфуллина и И. Джансугурова, в прозе М. Ауэзова и С. Муканова.

12 июля 1936 года Казахстан отмечал 20-летний юбилей литературной деятельности Сакена Сейфуллина, признанного к тому времени подлинно народным писателем. В день юбилея краевой комитет партии и Совет Народных Комиссаров Казахстана направили Сакену поздравления. «Товарищу Сакену Сейфуллину. Краевой комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Казахстана поздравляет большевика, поэта казахских трудящихся с замечательным праздником – 20-летием творческой деятельности в литературе.

В период колониального порабощения казахского народа царизмом, в годы революции, гражданской войны и социалистического строительства Вы своим художественным словом вдохновляли казахских трудящихся на борьбу с классовыми врагами казахского народа, с врагами пролетарской революции и крепко держали красное знамя великой партии Ленина, на всех фронтах были вместе с партией.

Краевой комитет ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров Казахстана желает Вам, награжденному орденом, заслуженному солдату пролетарской революции, дальнейшего плодотворного труда на литературном фронте».

Постановление КазЦИК гласило:

1. Присвоить имя Сакена Сейфуллина Семипалатинскому учительскому институту, казахской средней школе, станции Алма-Ата, улице Училищная в Акмолинске, улице Набережная в Кокчетаве;

2. Присвоить имя Сакена Сейфуллина разъезду № 11, откуда начинается Джекказганская ветвь Караганда-Балхашской железной дороги;

3. Выделить легковой автомобиль в личное пользование Сейфуллина» [22].

Газеты поместили поэтическое поздравление Ильяса Джансугурова «Тұлпар» («Аргмак»). Мухтар Ауэзов написал статью «Поэт правдивый и гордый».

Юбилейный номер газеты «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература») на восьми полосах вместо обычных четырех пестрел фотографиями, воспоминаниями, стихами на казахском и на русском языках.

Большая статья Есмагамбета Исмаилова «Сакен и казахская поэзия» подводила итог, в ней было Сейфуллин был назван основоположником пролетарской литературы.

В 1936 году развернулась «дискуссия о формализме». В ходе «дискуссии» посредством грубой критики началась травля тех представителей творческой интеллигенции, эстетические принципы которых отличались от «социалистического реализма», ставшего общеобязательным. Под шквал оскорбительных выпадов попали символисты, футуристы, импрессионисты, имажинисты и пр. Их вину в «формалистических вывертах», в том, что их искусство не необходимо русскому народу, что оно уходит корнями в почву, враждебную социализму. По существу «борьба с

формализмом» имела целью убить всех тех, чей талант не был поставлен на службу власти. Вспоминая 1935 год, Илья Эренбург писал: «На собраниях театральных работников поносили Таирова и Мейерхольда... Литературные критики вначале обличали Пастернака, Заболоцкого, Асеева, Кирсанова, Олешу, но, как молвят французы, аппетит приходит во время еды, и скоро в «формалистических вывертах» оказались виновными Катаев, Федин, Леонов, Вс. Иванов, Лидин, Эренбург. Наконец, дошли до Тихонова, Бабея, до Кукрыниксов. «Врагами народа» и троцкистами были объявлены Б.А. Пильняк (с которым у Сталина были давние счеты) и юная писательница Г. Серебрякова. Под молот репрессий и гонений попал и Магжан Жумабаев, который обвинялся в формализме.

Однако горячо критиковавший в свое время Магжана Сабит Муканов после суда и ссылки М. Жумабаева понял свои ошибки. Находясь в Москве (он учился в институте красной профессуры), он пишет письмо опальному Магжану. Об этом известный ученый-исследователь, доктор филологических наук, профессор Турсынбек Какишев говорит следующее: «Свое письмо Магжану, находившемуся в ссылке на Беломорканале, Сабен прочитал мне 10 ноября 1959 года. Об этом я подробно писал в своих воспоминаниях «Степь - сердце». В 1990 г. на торжественном собрании в честь 90-летия Сабита Муканова в театре оперы и балета об этом я во всеуслышание рассказал в своем докладе. В этом письме Сабен писал: «... Скоро выйдете из тюрьмы. Тогда в какой стороне будете? Будете с обидой на незаслуженную репрессию или будете с идеей Вашего «Девяносто - большинство»? Для нас, для будущего казахской священной поэзии был бы большим приобретением Ваш переход на сторону Советов».

Известный писатель Жаик Бектуров в своих воспоминаниях о Магжане Жумабаеве в книге «Бес арыс» («Пять корифеев») также пишет о своей беседе с Сабитом Мукановым. Ему Сабен тоже сказал, что «в период учебы в Москве в 1932-1933 годах, получив разрешение ГПУ, послал письмо Магжану в лагерь» [23].

По утверждению Т. Какишева, подлинник письма находится в фондах Алматинского музея Сабита Муканова. Сабит Муканов после возвращения Магжана из ссылки в 1936 г. встречается с ним и душевно беседует в Петропавловске. Об этом в своей книге «Магжан» ученый и писатель Шерияздан Елеукунов пишет: «В сентябре 1936 года Сабит Муканов, приехав в Петропавловск, специально встретился и переговорил с Магжаном, высказал в его адрес много теплых слов и пригласил на службу в Алма-Ату». А 27 октября того же года Сабит из столицы пишет Магжану: «Когда с Вами встретился в Петропавловске, я говорил, что если Вы сами собираетесь честно служить советской литературе, Вашей литературной работе никто не будет мешать. Эти слова и сейчас в силе. Если с чистым сердцем будете служить советской литературе, никто Вас не упрекнет за прошлые ошибки. Пролетариат может простить. Он и защитить и помочь может. Только пролетариат любит не слово, а дело» [24].

Расправа с так называемыми буржуазными писателями, проводилась в контексте широко организованной кампании борьбы с троцкистами. Пролетарские писатели Казахстана внесли свою лепту в борьбу с троцкизмом. В начале 1937 года, когда в Москве вынесли судебный приговор в отношении троцкистов, одобряя это, четырнадцать писателей – Сейфуллин, Джансугуров, Ауэзов, Муканов, Мусрепов, Тажибаев, Каратаев и другие – опубликовали в газете «Қазақ әдебиеті» статью «Нет пощады врагам!»

Однако, большие писатели не могли творить по указке партийных функционеров, все чаще и чаще их упрекают в отсутствии партийного, классового подхода, симпатиях к алашордынским писателям и поэтам. Республиканская газета «Социалистік Қазақстан» в мае 1937 года неоднократно упрекала Сакена Сейфуллина в том, что 5-7 апреля он отсутствовал на собрании писателей, где шел разговор о путях искоренения недостатков в работе собратьев по перу, о чем непрерывно сообщалось в прессе. А его выступление на отчетно-выборном собрании в первичной партийной организации лишний раз подтверждает, что «товарищ Сакен до сих пор не видит свои недостатки». В июне-июле его уже стали называть «национал-фашистом»: он якобы с целью восхваления врагов и, конечно же, самого себя выпускал «контрреволюционные произведения» – «Тернистый путь», «Домбыра» и др., в которых, применяя «методы Хлестакова в художественной литературе», изобразил с положительной стороны «врагов народа», своих друзей Рыскулова, Нурмакова, Садвакасова, Асылбекова и «свою персону» как борцов за дело революции [25].

Даже Тогжанов, критиковавший Байтурсынова, Букейханова, Дулатова, Жумабаева, Сейфуллина, был обвинен в троцкистском уклоне. Так, в архивах имеется документ, в котором говорится: «Тогжанов, будучи одним из руководителей организации литературы и искусства, не принимал никакого участия в работе правления и ни единым словом не обмолвился еще о своих троцкистских националистических ошибках, которыми перегружены все его книги о литературе. В книге «Абай» им превозносятся заклятые враги казахского народа – Байтурсынов, Букейханов, Дулатов – как законные наследники родоначальника казахской литературы Абая, этим самым приписывается алашординской шайке мнимая роль движущей силы развития казахской литературы после Абая». Он преступно идеализирует алашординских писателей, развалил работу Союза писателей, зажимал критику... выпустил книгу бандитки Г. Серебряковой «Юность Маркса» [26].

Проблемами казахских писателей интересовалось и московское начальство. Некий «специалист» по литературе народов СССР И. Анур (настоящее имя - Аршалуй Михайлович Аршаруни) в 1937 году подготовил «разоблачительную» справку в правление Союза писателей СССР о деятельности писательской организации республики, где, в частности, сообщал: «На протяжении многих лет Сейфуллин, как литератор, допускал ряд грубых политических ошибок. В первые годы революции Сейфуллин возглавил националистическую группу в казахской литературе, получившую

название «сейфуллинщина». Ярким выразителем этих настроений автора было его стихотворение «Азия» (1922). В своих восхвалениях «алашордынского волка» – Байтурсынова Сейфуллин может вполне конкурировать с председателем СП Казахстана (видимо, имеется в виду Сабит Муканов - авт.).

7 сентября 1937 года в Алма-Ате состоялось очередное собрание писателей и поэтов, рассмотревшее вопрос о «борьбе против вредительской деятельности национал-фашистов в литературе и о выдвижении молодых кадров». На собрании отсутствовали Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, а Ильяс Джансугуров уже находился под арестом. С докладом выступил М. Каратаев. В принятом постановлении отмечалось, что в писательской организации двуличие врагов народа, их вредительская работа долгое время не разоблачалась, поскольку, по выражению товарища Сталина, «имела место политическая беспечность». Товарищи Муканов, Сейфуллин, Майлин, говорилось далее, в свое время не разоблачали до конца врагов народа, не давали оценку их действиям, проявляли либерализм, соглашательство и сами допускали много политических ошибок...

Затем новая статья, изобличающая Сейфуллина в националистических и алашордынских симпатиях. В этой статье, опубликованной 16 сентября 1937 года в «Казахстанской правде», утверждалось: «...Сакен Сейфуллин в 1936 году вытаскивает из своего архива пьеску «Қызыл сұңқарлар» («Красные соколы»), в которой без малейшего зазрения совести занимается самовосхвалением, через кривое зеркало изображает героическую борьбу казахских масс в годы гражданской войны и гнусно клеветает на руководящую роль русского пролетариата в освободительной борьбе казахского народа... Всего лишь несколько месяцев тому назад он переиздает свой, с позволения сказать, «исторический» роман «Трудный путь – тяжелый переход», где не постыдился изобразить себя героем и привести целую серию контрреволюционных алашордынских документов и портретов врагов народа. Своеобразная вражеская энциклопедия!» [27].

Чтобы почувствовать атмосферу тоталитарного диктата обратимся к некоторым документам. В постановлении партийного собрания от 13 июля 1937 г. по докладу Юсупбекова, например, отмечается:

«1. Считать совершенно правильным все те факты и выводы о гнилом либерализме и притуплении большевистской бдительности в Союзе писателей Казахстана, которые приводились на страницах газет «Соц. Қазақстан», «Лениншіл жас», «Казахстанская правда».

2. Руководители Правления СПК, в частности, Муканов, Сейфуллин, Джансугуров, Тогжанов и другие, не сделали до сих пор необходимых выводов из указаний февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) и т. Сталина, не развернули большевистскую критику и самокритику собственных недостатков и ошибок, в результате чего продолжает еще царить в Союзе писателей Казахстана идиотская болезнь – политическая

беспечность и притупление революционной бдительности. Руководители ССПК не поняли основной и главной задачи беспощадной борьбы с контрреволюционной троцкистско-националистической контрабандой в литературе».

3. Принять к сведению заявления т. Сейфуллина и Джансугурова о признании своих ошибок и недостатков в творческой работе и в работе по руководству Союзом, заключающихся в отрыве от жизни, в отказе от современной политической тематики, в боязни самокритики, в пассивном участии в политическом руководстве Союза.

4. Считать необходимым немедленное изъятие из распространения следующих произведений:

1. «Тар-жол» - Сейфуллина
2. «Адаскандар» и «Сын бая» - Муканова
3. 1 том (сочинений) Муканова
4. «Казахская литература XX века» - Муканова
5. I и IV тома (сочинений) – Майлина
6. I том (сочинений) – Джансугурова
7. «В тени прошлого» и «Караш-Караш» - Ауэзова
8. «Абай» - Тогжанова
9. «Сын за отца» и «Токзан» - Сарсенова» [28].

Гонению подверглись и такие пролетарские казахские писатели, как Беимбет Майлин и Габит Мусрепов. Так, в протоколе собрания первичной парторганизации при Союзе писателей Казахстана об исключении из рядов КП(б)К Б. Майлина от 8 октября 1937 г. Говорится следующее:

«Слушали: о Майлине

Постановили:

- а) Майлина Б., как врага народа, исключить из рядов КП(б)К;
- б) ввиду того, что о Майлине не раз ставился вопрос о разоблачении как националиста-контрреволюционера, тов. Мусрепов Г. будучи членом правления Союза писателей и зав. Культпросветотделом ЦК КП(б)К, в июне месяце выступил на партсобрании Союза писателей с открытой защитой врага народа Майлина; кроме того приостановил выпуск газеты (не будучи её редактором) со статьей, где Майлин разоблачался как националист, переделал эту статью в пользу Майлина.

Есть и ряд других многих фактов, подтверждающих связь т. Мусрепова с Майлиным и другими врагами народа (Сейфуллиным, Лебеденко, Тогжановым, Хусаиновым, Нуртазиным, Гатаулиным, Джаманкуловым, Айсариным и др.) Передать дело Мусрепова на рассмотрение о его партийности в парторганизацию ЦК КП(б)К.» [29].

Не остался в стороне и Тогжанов – один из первых литературных критиков творчества Абая, М. Жумабаева и Ж. Аймауытова. Критикуя труды С. Сейфуллина, Б. Майлина, С. Муканова, он не сумел показать их творческую деятельность во всем объеме, допускал безосновательную критику. Его книга «Литература и вопросы критики» явилась первым опытом постановки сложных

вопросов теории и методологии литературоведения. Литературно-критические труды Тогжанова оказали известное влияние на развитие казахской литературы. В его работах была предложена разработка методологии и классификации казахского литературного наследия, куда он, в первую очередь, включал казахский эпос, фольклор, устную народную литературу и только потом советскую литературу. Свое критическое отношение к советской литературе Тогжанов мотивировал тем, что не могут писатели быть истинно пролетарскими, если они по происхождению не соответствуют этому статусу. За критику «советских» писателей, которые, по его мнению, завышали роль пролетариата, подвергся гонениям.

18 августа 1937 г. секретарь партийной организации правления Союза писателей Калкаман Абдыкадыров в газете «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература») опубликовал статью «Нужно до конца уничтожить троцкистских, бухаринских, национал-фашистских вредителей в литературе», в которой так разоблачал председателя правления Союза писателей Сабита Муканова: «Сабит в своих произведениях: в «Адасқандар» («Заблудившиеся») хвалил бая, в 1932 г. в вышедшей книге «Казахская литература XX века» говорил, что враги народа - алашординцы имеют объективно революционную роль, до последнего времени занял откровенно примиренческую позицию к врагам народа Айсарину, Жумабаеву, Асылбекову... Свои произведения дал переводить врагам народа Досмухамедову, Малдыбаеву. Желание устроить на работу Жумабаева не простая ошибка Сабита, а большая политическая ошибка».

7 сентября 1937 г. на пленуме правления Союза писателей рассматривался вопрос «Борьба с вредительскими делами национал фашистов в литературе и выращивание молодых кадров». В постановлении пленума записали: «С. Сейфуллин, С. Муканов не обращали внимания на поступки врагов народа, проявили либерализм, примиренчество и сами допустили массу политических ошибок». Это было подхвачено газетами «Правда», «Казахстанская правда», «Социалистік Казакстан». Сакен Сейфуллин был арестован 24 сентября 1937 г., а уже 2-3 октября 1937 г. на собрании Сабит Муканов был снят с должности и исключен из партии. Уже в независимом Казахстане издательство «Казахстан» выпустило сборник документов под названием «Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.» В нем приведен такой документ: «Решение бюро Алма-Атинского горкома КП(б)К по апелляции С. Муканова 2 марта 1938 г. Слушали: Апелляция Муканова. Муканов Сабит, член КП(б)К с июля 1920 г., партбилет № 1559860, рождения 1900 г., казах. По соцположению - служащий. В момент возникновения дела работал в качестве председателя СПК - писатель. Муканов обвиняется в том, что в своих литературных произведениях, как-то «Сын бая», «Мырзабек», «Темиртас», «Литература XX века», протаскивал контрреволюционные, националистические взгляды. Муканов был тесно связан с Сейфуллиным, Досмухамедовым, Асылбековым, Айсариним, Валиахметовым и Джумабаевым, разоблаченными врагами народа. Когда Джумабаев был в ссылке, Сейфуллин имел с ним переписку и

оказал денежную помощь. Муканов состоял в сейфуллинской контрреволюционной националистической группировке во время совместной работы в Союзе писателей. Муканов ограждал Сейфуллина от критики, тем самым зажимал критику и самокритику» [30].

Но дело этим не кончилось. Травля выдающихся казахских писателей продолжалась. Так, в 1937 году от лица молодых писателей некто Петр Магер утверждал, что известные казахские пролетарские писатели являются национал-фашистами и сознательно вредят развитию казахской социалистической литературы. По мнению Магера и других функционеров от литературы: «Враги народа – национал-фашистские мерзавцы не мало нагадили пробравшись на ответственные участки писательских организаций. Поставляя фашистским бандитам свою контрреволюционную националистическую брехню, враги народа – Джансугуров, Майлин, Сейфуллин, Тогжанов травили талантливую казахскую молодежь, загоняли ее на задворки, утверждая свою бездарную писанину как образец непревзойденного мастерства» [31].

В феврале 1938 года Председатель ССП М. Каратаев, редактор журнала «Литературный Казахстан» П. Кузнецов и руководитель русской секции ССПК И. Шухов обратились с письмом к первому секретарю ЦК КП Казахстана Л. Мирзояну с письмом, в котором в развале литературной работы обвиняли Г. Тогжанова. Они писали: «Долгое время журнал влачил жалкое существование. Редактировал его разоблаченный враг народа Тогжанов фактически превратил журнал в вотчину случайных околосредственных людей, в трибуну с которой протаскивали свою антисоветскую национал-фашистскую стряпню Жансугуров, Майлин, Сейфуллин, Тогжанов, Шонанов, Жургенев и другие враги народа.

Вопреки воплям об оскудении литературы в Казахстане, редакция располагает сейчас вполне зрелыми по своим художественным качествам рукописи произведений Аскара Токмамбетова, Таира Жарокова, Утебая Турманжанова и др...» [32].

Согласно решению ЦК КП(б)К осуществленных путем опроса от 28 июня 1938 г. «Об изъятии враждебной литературы» были изъяты 97 книг, брошюр на казахском, русском языках. В основном, были изъяты и уничтожены произведения С. Асфендиарова, Г. Алибаева, О. Бекова, А. Байдалдына, А. Конратпаева, И. Джансугурова, Г. Тогжанова, Н. Нурманова, Т. Жургенова, У. Кулумбетова, И. Курамысова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, Ж. Сыздыкова, К. Сарымулдаева, С. Сейфуллина, Т. Шонанова, М. Жолдыбаева. И это еще не всё. Был определен список грампластинок с записями песен на казахском языке, подлежащих немедленному изъятию.

В 30-е годы казахская литература развивалась в тесной связи с общественно-политической жизнью России, с литературами соседних тюркских народов. В указанный период плодотворно трудились писатели М. Ауэзов, И. Джансугуров, С. Сейфуллин, С. Муканов, Б. Майлин и многие

другие. Особое место в культуре Казахстана начала XX века принадлежит выдающимся поэтам, писателям и общественно-политическим деятелям – Ахмету Байтурсынову, Мыржакыпу Дулатову, Шакариму Кудайбердиеву, Магжану Жумабаеву, Жусупбеку Аймаутову, открывшим новую страницу в истории национальной культуры. В это же время начинается освоение новых для казахской культуры жанров искусства – драматургии, живописи, театра.

Таким образом, 30-е годы в СССР в целом и, конечно, в Казахстане явились решающим поворотом в сторону тоталитарной культуры:

1. Был полностью отстроен аппарат управления искусством и контроля над ним.

2. Обрела окончательную формулировку догма тоталитарного искусства - социалистический реализм.

3. Была объявлена война на уничтожение всем художественным стилям, формам, тенденциям, отличающимся от официальной догмы.

По иному говоря, в культурную художественную жизнь вошли и полностью определили ее три специфических парадокса, как главные признаки тоталитаризма: организация, идеология и террор.

Методические рекомендации:

При изучении студентами динамики культурных процессов необходимо обратить внимание на формирование соответствующего категориального аппарата. Следует учесть специфику работы с каждым из типов источников, учитывать субъективные мнения и позиции советских и современных казахстанских, российских авторов при анализе культурных процессов, происходивших в 30-е годы. Особое внимание необходимо уделить взглядам казахской интеллигенции на пути развития казахской национальной культуры.

Контрольные вопросы к теме:

Как можно обозначить период конца 20-х начала 30-х годов в культурном аспекте?

1. Почему и для чего были созданы единые творческие союзы писателей, живописцев, архитекторов, композиторов?
2. Какие задачи с точки зрения большевиков стояли перед казахской «пролетарской литературой»?
3. В чем на взгляд большевистских лидеров заключалось отставание казахской художественной литературы от задач социалистического строительства?
4. В чем заключалось большевистское видение роли художественной культуры в социалистическом обществе?
5. В чем состоят основные принципы тоталитаризма в культуре?
6. Что означает социалистический реализм в культуре?
7. Что представляла собой развернувшаяся в 1936 году дискуссия о «формализме»?
8. Какие обвинения предъявлялись ведущим казахским писателям?

9. Произведения каких писателей были изъяты согласно решению ЦИК от 28 июня 1938 г. «Об изъятии враждебной литературы»?
10. Каковы коротко итоги развернувшейся в 30-х годах борьбы с казахскими творческими деятелями?

ТЕСТЫ

Закрытые задания с выбором одного правильного ответа. Обведите букву правильного ответа

1. Когда состоялся первый краевой съезд казахских пролетарских писателей?

- A) в 1929 г.
- B) в 1932 г.
- C) в 1934 г.
- D) в 1935 г.
- E) в 1936 г.

Ответ: B)

2. В каком году проходил Первый всесоюзный съезд советских писателей?

- A) в 1929 г.
- B) в 1932 г.
- C) в 1934 г.
- D) в 1935 г.
- E) в 1936 г.

Ответ: C)

3. Кто выступил с докладом на Первом всесоюзном съезде советских писателей?

- A) И. Сталин
- B) А. Жданов
- C) М. Горький
- D) И. Эренбург
- E) Н. Бухарин

Ответ: B)

4. Какие функции были главными в литературе социалистического реализма?

- A) художественные
- B) нравственные
- C) воспитательные
- D) эстетические
- E) агитационно-социалистические

Ответ: E)

5. Кому принадлежит определение писателей как «инженеров человеческих душ»?

- A) В. Ленину
- B) И. Сталину
- C) Н. Бухарину

- D) А.Жданову
- E) М. Горькому

Ответ: B)

6. Когда был создан единый Союз писателей СССР?

- A) в октябре 1932 г.
- B) в январе 1933 г.
- C) в августе 1934 г.
- D) в июне 1935 г.
- E) в апреле 1936 г.

Ответ: C)

7. Когда было принято решение ЦК КП (б) Казахстана «Об изъятии враждебной литературы?»

- A) в октябре 1930
- B) в июле 1932
- C) в декабре 1934
- D) в марте 1935
- E) в июне 1938

Ответ: E)

Открытые задания со свободно конструируемым ответом:

1. Что входило в понимание «социалистического гуманизма»?
2. Какие достоинства и недостатки имел социалистический реализм?
3. Кто из казахских писателей обвинялся в формализме?

Расправа с так называемыми буржуазными писателями, проводилась в контексте широко организованной кампании борьбы с _____

Особое место в культуре Казахстана начала XX века принадлежит выдающимся поэтам, писателям и общественно-политическим деятелям --

Задания на установление соответствия:

Большие писатели не могли творить по указке партийных функционеров, все чаще и чаще их упрекают в отсутствии партийного, классового подхода, симпатиях к _____

Тема 3. Развитие образования и просвещения

Цель: показать основные тенденции развития образования и просвещения в Казахстане в 20-30-х годах XX века, определить основные направления, содержание и динамику развертывания сети учебных заведений.

Основные понятия: единая трудовая школа, ликвидация беграмотности, народное просвещение, Комиссариат по делам просвещения, профессиональное обучение.

В 20-30-х годах проблемы образования и просвещения по-прежнему являлись основными в деятельности казахской интеллигенции, при этом как алашевская, так и новая казахская интеллигенция стояли на позициях развития просвещения в Казахстане по европейскому, светскому пути. В вопросах образования и просвещения казахская интеллигенция в основном поддерживала главные начинания большевиков. Важнейшим звеном в осуществлении советского культурного строительства являлась ликвидация безграмотности, так как грамотность есть первооснова культуры. Декретом Советского Правительства от 30 сентября 1918 года повсеместно вводилась единая трудовая школа, в декабре 1919 года было принято решение о ликвидации безграмотности. Согласно декрета Совета народных Комиссаров (Правительства) Туркестанской АССР от 17 ноября 1920 года «О ликвидации безграмотности среди населения» все население страны от 8 до 50 лет обязано было обучаться грамоте на родном или русском языках.

К середине 1921 года в Туркестанской АССР действовало свыше 1000 школ Ликбеза с числом обучающихся в 50 тысяч человек, 70 процентов которых составляли представители коренного населения.

За первых пять лет после выхода Ленинского декрета о ликвидации безграмотности удалось лишь ненамного поднять грамотность населения. Перепись 1926 года дала не очень позитивную картину - более 60,4 процентов населения СССР было неграмотным [33].

В Казахстане эти показатели были еще ниже и потребовалось несколько советских пятилеток, чтобы поднять грамотность людей до уровня развитых капиталистических стран. Например, во Франции в 30-х годах прошлого столетия неграмотных насчитывалось около 6 процентов, в США - 5,9 процента.

Советская власть исходила из того, чтобы строить социалистическое общества - это значит вовлечь в строительство новой жизни миллионы людей, пробудить их творческую активность, поднять культурный и образовательный уровень, без чего невозможно решение задач индустриализации и коллективизации.

Надо признать, что первоочередные задачи строительства новой жизни партия большевиков определила верно и для укрепления Советской власти считала необходимыми следующие меры: вовлечение низов в управление делами государства (обработивание советского аппарата); борьба с бюрократизмом и саботажем; вовлечение в ряды партии передовых сил из рабоче-крестьянской среды; переустройство всего быта. Все это объективно требовало политической грамотности, повышения образовательного и культурного уровня, главным образом, трудящихся масс. Следовательно, в программах и директивах партии и правительства дело ликвидации безграмотности рассматривалось как задача политическая, классовая.

Подводя итоги просветительской работы в Казахстане, главная газета (на русском языке) того времени «Советская степь», с гордостью отмечала, что «при безусловном наличии дефектов, ошибок, неточности в работе, все-

таки проделана большая работа, такая творческая работа, которая возможна лишь при советской системе, при коллективном напряжении энергии и воли широких трудовых масс под непосредственным руководством стальной ленинской партии» [34].

Вопросы школьного обучения всегда находились в центре внимания представителей казахской интеллигенции, так находясь в Москве еще в октябре 1920 года, Т. Рыскулов направляет обстоятельное письмо в Наркомнац (Каменскому и Сталину). В нем достаточно подробно доложено состояние дел в народном образовании Туркестанской АССР. Указывая на основные проблемы школьного образования, Т. Рыскулов подчеркивает: «Миллиарды денег отпускались на содержание комиссариатов продовольствия, земледелия, Совета Народных Комиссаров, а на Народный Комиссариат просвещения отпускались лишь 60-80 млн., из них только 10% приходилось лишь на туземные школы, все остальное - на европейские школы». Для примера Т.Рыскулов обрисовал состояние просвещения среди киргизского населения Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, в которых насчитывалось тогда 3,5 млн. человек жителей. «Для всех киргизов одно лишь педагогическое училище на 500 человек, три школы-приюта в Ташкенте, около 20 курсов и Школ в уездах. Недавно организовано 2-ое педагогическое училище в Черняеве. Все здания киргизских интернатов, их было около 50, отданы под Советские учреждения» [35].

В этот период отчетливо обозначились контуры принципиальных разногласий между казахской интеллигенцией и представителями большевистского центра. К примеру, Полномочный представитель ВЦИК И. А. Апин докладывал в Центр о состоянии в сферах культуры и просвещения и отмечал: «переорганизацию дел на началах и по образцу Центральной России. Это дало возможность поставить работу на правильный путь и иметь более благоприятные результаты». В то время как казахская интеллигенция указывала на то, что необходимо развивать сеть школ на родном языке. Однако, стандартизация и унификация школьного образования по русскому образцу шла в Казахстане полным ходом. За октябрь 1918 г. по 6 февраля 1919 года на народное образование было отпущено средств для районов Юга Казахстана - 3 млн. 130 тысяч, Черняевскому и Казалинскому - 910 тысяч рублей. К началу июля 1919 года были созданы отделы народного образования в 12-ти уездах Южного Казахстана (Казалинской, Перовский, Туркестанский, Черняевский, Ташкентский уездный (без города), Аулие-Атинский, Верненский и Семиреченский областной, Лепсинский, Копальский, Голодностепинский и Джаркентский. В обязанности этих отделов входило, согласно Положения от 18 сентября 1918 года, общее руководство делом народного образования.

Начиная с 6 декабря 1918 года, эти функции возлагались на Народный Комиссариат просвещения. 20 августа 1919 г. ЦИК Туркестанской Республики обязал органы Наркомпроса осуществлять «общее руководство делом просвещения, выработка общего плана постановки народного образования и установление общих принципов последнего, а также вопросов школьного

устройства, непосредственное заведывание школами, учебными заведениями и культурно-просветительными учреждениями» [36].

По состоянию на конец октября 1920 года в системе Наркомпроса имелись 165 киргизских (казахских) школ, из них в Семиреченской области - 80 школ; на территории нынешних узбекских областей - 17 школ (в Ташкенте - 4, в Самаркандской области - 5, в Ферганской - 8); в городе Казалинск - 28, в Перовске (Кзыл-Орда) - 21 школа.

В школах-коммунах и интернатах, их общее число было в Сыр-Дарьинской области - 52, в Семиреченской - 21. Учащихся в них соответственно 4777 и 3813 детей. Из них в Киргизском (Казахском) интернате в Ташкенте воспитывались 628 детей, в Черняевском - 283 детей из казахских семей, в Арысской школе - коммуне находились 65 детей [37]. Для подготовки учительских кадров функционировали в том же 1920 году краткосрочные летние курсы, в которых обучение прошло свыше 1200 человек. Из них в г. Верный (Алма-Ата) - 228 учителей, в г. Чимкенте - 472 школьных учителей [38].

О значении, которое придавалось развитию народного образования в Казахстане, свидетельствуют материалы расширенного совещания деятелей культуры и просвещения, проходившего 11 ноября 1923 года под председательством Т. Рыскулова. В своем вступительном слове Председатель Совнаркома отметил: «Нужно, прежде всего, сказать, товарищи, что дело просвещения в Туркестане, в стране, которая была колонией, в стране отсталой в культурном отношении, имеет колоссальное значение в деле нашего государственного строительства. Ибо без успеха в построении народного просвещения, нельзя достигнуть успехов и в остальном строительстве, в том числе и в хозяйственном, и в этом отношении нам все еще приходится изживать наследие царского строя. Не вдаваясь, однако, здесь в разбор того, что было и что есть, я хотел бы только отметить, что у Советского Правительства за 6 лет его существования достижения большие в деле народного просвещения. Оно, прежде всего, устранило те преграды, те препятствия, которые не давали населению возможности свободно развиваться. Теперь мы видим, что Советская власть дает населению полную свободу развивать свою культуру и открывать школы на родном языке. Если взять статистические данные по этому вопросу, прежнего времени и сравнить их с тем, что имеется в настоящее время, то мы увидим колоссальную разницу. Одним из главных факторов, отражающихся в этом вопросе, является настроение самого населения по отношению к вопросам культуры и просвещения» [39].

Т. Рыскулов отметил недостатки в постановке народного образования, подчеркнув, что неправильно и нерационально построено распределение бюджета Комитета просвещения, большая часть которого уходила на содержание самого аппарата, а затем театров и других зрелищных организаций. В результате развитие школьной сети, школьного дела на местах находилось в крайне тяжелом положении, что выразилось в сокращении численности школ, недостатке учителей, учебников и т. п.

Т. Рыскулов считал: «Таким образом, первоочередной задачей, стоящей перед нами, является создание основной школы - школы первой ступени, а затем только, во вторую очередь, приходится обращать внимание на среднюю и высшую ступени. Пока мы не создадим устойчивую сеть основных школ на родном языке на местах, мы не сможем сказать, что у нас с делом народного просвещения обстоит благополучно» [8]. Из года в год росло количество общеобразовательных школ. Так, если в 1914 году в Туркестанском крае насчитывалось около 500 начальных школ с числом учащихся не более 30 тысяч, то в 1920 году было уже две тысячи начальных школ, в которых обучалось 170 тысяч детей. При этом детей коренных национальностей в этих школах было в 16 раз больше, чем в 1915 году [40].

К концу 1920 года в Туркестанской АССР насчитывалось школ первой ступени 2290, из них 1078 школ для детей местного населения. Из общего числа учащихся в 419800 человек, 198800 детей было из коренных жителей. Правда, школ второй ступени было для местного населения всего 8, для европейцев - 70 школ, т.е. дети из европейских семей имели более «высокое» образование. Зато для местного населения организовывались школы - коммуны и интернаты, количество которых к концу 1920 года было 91. За первые три года Советской власти, самых трудных в становлении нового строя, в Туркестанской Республике в то время открывалось около 700 школ ежегодно [41].

Продолжая анализ состояния просвещения в Казахстане, отметим, что к примеру, в Семиреченской области в начале 20-х годов детей школьного возраста было 154776 человек, из них учебой было охвачено 20823 ребенка, т.е. чуть больше 12 процентов детей. Из указанного числа учащихся (20823 чел.) в городах обучалось 6393, а в сельской местности - 14430 детей. По национальному составу это число учащихся распределялось следующим образом: европейцев - 9238 учеников; киргиз (казахов) - 7913; узбеков - 2830; другие - 842 ребенка. Среди 242 учителей количество киргиз (казахов) составляло 200 человек, узбеков - 79, других - 15 человек.

Таким образом выглядят сводные данные, характеризующие состояние школьного дела в Семиречье:

Таблица 1 – Состояние школьной сети Семиреченской области в 1923 году

Типы школ	Всего школ	Учащихся	Учителей
Европейских	105	9283	242
Киргизских (казахских)	125	7913	200
Узбекских	37	2830	79
Прочих	9	842	15
ИТОГО:	276	20868	536

--	--	--	--

При этом одной из самых сложных проблем являлось финансирование, которое было крайне недостаточным. Так, в смете 1923-1924 бюджетного года для народного образования выделялось 2 182 757 рублей, а фактически было выдано около 1 044 000 рублей, т.е. менее половины. Но это было все-таки несколько больше, чем в 1922-1923 финансовом году, когда для народного образования было отпущено меньше 0,5 млн. рублей. На 1924-1925 финансовый год финансирование образования было заложено в бюджет в общей сумме 719 472 рубля, т.е. около 4 рублей 60 копеек в расчете на каждого ребенка школьного возраста. Таково было состояние финансирования народного образования по губернии.

В своем докладе Т. Рыскулов отмечая недостатки в развитии образования в Казахстане, особо указывал, что «...что в настроении населения произошел небывалый перелом и начинается стихийное стремление к просвещению и к организации школ. Это движение нами совершенно не использовано, не организовано в наших интересах, все идет по инерции, без всякого плана, без какой-либо согласованности с общим направлением государственной работы. Что на местах имеется сильная тяга к образованию, видно из бесчисленных примеров: так, в Семиречье, в Каракольском уезде, киргизы выстроили по собственному почину на собранные средства 2 здания для школ, то же самое наблюдается и в других уездах, где, по почину того или другого работника, создаются школы на частные средства. Вся беда в том, что эти средства не находят правильного применения, а между тем, если бы правильно использовать это настроение населения в пользу просвещения, объединив получающиеся благодаря этому средства с серьезной помощью государства» [42].

По мнению Т. Рыскулова школьное образование в Казахстане должно развиваться с учетом особенностей региона. «Так, в аулах и кишлаках должна быть 3-х классная школа, соответствующая европейской первой ступени. В уездах должна быть 5-ти классная школа. Программа, так и объем этих школ должны быть ниже европейского в силу низкого культурного уровня коренных народностей. Касаясь вопроса о европейском образовании, я нахожу, что в туземных школах должны быть параллельные классы для изучения русского языка, только таким путем мы сделаем доступными эти заведения Профобра для коренного населения» [43].

«Советская степь», полемизируя с авторами других точек зрения на вопросы просвещения в Казахстане, писала, что те, которые утверждают, что при царизме в Казахстане были школы, что в процессе национально-освободительного движения зарождалась национальная письменность, либо не понимают сущности национальной школы и национальной письменности, либо сознательно стараются затемнить завоевания октябрьской революции в национальном вопросе. Ибо дооктябрьские школы преследовали цель русификации инородцев и вербовки мелкобуржуазного чиновного кадра,

необходимых как переводчики между колонией и метрополией, как поборники проникающего на Восток капитализма. Выпады «Советской степи» относились, прежде всего, к представителям казахской алашевской интеллигенции, внесшим огромный вклад в развитие просвещения в Казахстане. А по сути, реально создавшим стройную систему образования, включающую сеть школ, институтов по подготовке учителей, издательств по выпуску учебников на казахском языке, высших учебных заведений. Одной из характерных особенностей национально-духовного развития Казахстана было то, что вплоть до конца 20-начала 30-ых гг. сложившаяся ещё до революции казахская национальная интеллигенция занимала определенные общественные позиции, могла в определенной степени служить развитию национальной науки, духовности, образования.

Это отмечал даже такой сталинский ставленник как Ф.И. Голощёкин: «Для нас не было явным – кто руководит народным просвещением – крайком или академический центр, в котором руководящую роль играет Байтурсынов... Относительно учебников – пока мы не взяли дело в свои руки, их не было, их писали чужие люди, на чужом языке и проводили вредные идеи... Нетерпимо такое положение, когда чуждые, совершенно враждебные нашей идеологии элементы очень сильно влияют на различные стороны нашей жизни» [44].

Таким образом, мы можем наглядно видеть, что влияние старой интеллигенции ощущалось и довольно сильно. Что касается учебников, о которых упомянул Голощёкин, то это такие книги как «Азбука» и «Грамматика», написанные А. Байтурсыновым, «Хрестоматия» М. Дулатова, «Природоведение» и «Зоология» Х. Досмухамедова, «Общая география» и «География Туркестана» И.Тохтыбаева, «Курс педагогики» Табылбаева, сборники стихотворений и басен А.Байтурсынова, М.Дулатова, М.Джумабаева, Карашева, С.Дунентаева и т.д [45].

Автором первого учебника по высшей математике был профессор Алимхан Ермеков, выпускник Томского технологического института, один из активных деятелей партии «Алаш-Орды». Автором ряда учебников по казахскому языку был выдающийся казахский просветитель и общественный деятель Ахмет Байтурсынов. В 20-е гг. учебники по ботанике, арифметике, педагогике, географии были написаны Жумаханом Кудериным, Миржакупом Дулатовым, Магжаном Жумабаевым, Кошмагамбетом Кеменгеровым. Эти имена сегодня широко известны в народе» [46].

Благодаря созданному под руководством А. Байтурсынова Академическому центру началась систематизированная работа по изучению казахского языка, его графики; появились первые учебники на казахском языке. Ахмет Байтурсынов считал совершенно неприемлемым вредным стремление партийных органов, советских учреждений к ограничению роли и места казахской национальной культуры, языка, духовно – нравственных традиций и т.п. Он сравнивал это с колониально – русификаторскими действиями царизма [47]. При этом он совершенно лояльно,

доброжелательно относился к русской культуре, науке, образованию, к межнациональному культурному взаимодействию. Именно перегибы, нарушение баланса национальных интересов, умаление их роли в социокультурном строительстве вызывали у него резкую критику, оппозиционность действиям властей. Он совершенно правильно указывал, что фундаментом воспитания и формирования гармоничной личности ребенка является этнокультура, этнотрадиции и обычаи народа, отраженные в устном народном творчестве, песенной и музыкальной культуре народа.

Педагогические идеи А. Байтурсынова нашли отражение в таких работах, как «Об обучении», «Об обучении по - казахски», «Нужды школы», «Начальная школа» и многих других. В данных работах автор поднимал многочисленные проблемы школы того периода, подробно останавливался на самых основных – слабой материальной базе, отсутствии программ, учебников на казахском языке, нехватке квалифицированных специалистов.

Байтурсынов являлся создателем национальной системы письменности, автором первых школьных учебников на казахском языке, публицистом, рассматривающим разнообразные проблемы народного образования и воспитания. Байтурсынов утверждал, что успех воспитания и обучения подрастающего поколения определяется учителя, его духовным обликом, знаниями, мастерством, педагогической подготовкой. «Учитель – душа школы. Какой учитель, такова и школа, то есть качества знаний учащихся непосредственным образом зависят от того, насколько подготовлен сам учитель, насколько он владеет приемами обучения» [48]. Предъявляя довольно высокие требования к учителям, педагог – просветитель одной из важных задач наставников считал необходимость пробуждения интереса у учащихся к учению, развитие самостоятельности и творческой активности ребенка.

Прогрессивные взгляды А. Байтурсынова на развитие теории воспитания и обучения, становление массовой национальной школы во многом разделял талантливый журналист и писатель, поэт-просветитель, общественный деятель и педагог Мыржакип Дулатов. Ученый-педагог считал, что просвещение должно содержать специальную развивающую направленность, включать учащихся в самостоятельную творческую деятельность, тренировать у них память и развивать в себе умение определить собственную позицию, точку зрения. Вместе с тем, Дулатов подчеркивает, что процесс воспитания и обучения должен соответствовать национальным особенностям детей. Поэтому обучение родному языку, арифметике, труду, пению и другим предметам в казахской школе должно иметь свою специфику, психологические и методологические особенности [49].

Оригинальный взгляд на проблему духовного воспитания был у Жусупбека Аймауытова, выдающегося педагога и психолога [50]. Ведущее место в воспитании подрастающего поколения, считал он, принадлежит школе: «конечной целью образования является подготовке выпускников

школ к самостоятельному пониманию и осмыслению окружающего мира, умению использовать полученные знания и в практической жизни» [51].

Ученый и педагог отмечал, что казахи, являясь непросвещенными в европейском понимании, тем не менее, отличались богатством чувств и что все богатейшие проявления «своих тончайших движений» умели выражать в зеркале музыки, «... казахи хоть и отстали в смысле материальной культуры, но в отношении ума, фантазии, чувств, или, иначе говоря, духовной культуры никому не уступают» [52].

В современных условиях актуально звучат мысли Ж.Аймауытова о необходимости изменить содержание образования и программы начальной школы, приблизив их к местным условиям и подняв значение учебных предметов, посвященных изучению родного края и окружающей жизни. Этим, полагал он, будет обеспечиваться не только научение знаниям, но и воспитание любви к своему народу, культуре, языку, формирование эстетического отношения к природе и окружающей действительности и на основе этого эстетических потребностей, стремления к творческому преобразованию окружающего мира. Вместе с тем, ученый-педагог предостерегал, что нельзя игнорировать или преуменьшать значение мировой науки и культуры.

Магжан Жумабаев стоял у истоков педагогической науки, являлся автором первого учебника по педагогике, большого количества газетных и журнальных статей. Его работы «Родная речь в начальной школе» (1923), «Методы обучения в начальной школе» (1925), «Обучение грамоте» (1926) и многие другие заложили основы казахской этнопедагогике.

Первая теоретическая работа ученого «Педагогика», вышедшая в Оренбурге в 1922 г. была очень своевременна, имела большой успех и признание современников. Автор учебника раскрывает понятие процесса воспитания в его широком и узком смысле, определяет цель, излагает структуру воспитательного процесса, формулирует предмет педагогики и основные ее категории. Авторские рекомендации, педагогические выводы и положения органически соединились с поэзией, бытом, обычаями и лучшими традициями казахского народа. Неординарность исследования еще и в том, что психология вошла в педагогику как ее неотъемлемая часть, способствовавшая формированию духовной жизни личности. Говоря о целях и задачах воспитания, Жумабаев связывает их с требованиями и запросами общества: «Задача воспитания не в том, чтобы воспитать похожего на себя, а в том, чтобы воспитуемый соответствовал запросам будущего». Конечной целью процесса воспитания и образования ученый считал, формирование гармонически развитой личности (умственно, физически, нравственно, эстетически) и гуманистических качеств на базе национальных и общечеловеческих ценностей [52].

Идеи о формировании творческой активности, духовно обогащенной личности, были в центре педагогической системы Жумабаева. При этом Ученый-педагог отмечал огромную роль и влияние учителя в процессе

становления всесторонне развитой личности, предъявлял высокие требования к нему.

Одной из важнейших задач Комиссариата Народного образования являлась подготовка учителей для школ. Для обеспечения всеобщего обучения необходимо было иметь более 3-тыс. учителей, но такое огромное количество необходимых педагогических кадров отсутствовало. Решение данной проблемы руководство видело в создании краткосрочных курсов, которые должны были быть открыты в крупных городах Туркестанской республике. Идея создания краткосрочных курсов была предложена Т. Рыскуловым, который подчеркивал необходимость привлечения молодых кадров, желающих служить делу просвещения. По предложению Т. Рыскулова, для оказания помощи в открытии казахских педагогических курсов был приглашен один из опытных работников народного образования Н. Тюракулов. Непосредственно им была подготовлена смета расходов для обучения первых 9-ти учеников, обучавшихся с сентября 1918 по май 1919 гг. Расходы на 9 месяцев учебы составили 59774 руб.

Н. Тюракулов являлся активным сторонником развития национальных школ, еще в 1918 году в сотрудничестве с одним из основателей узбекской исторической школы профессором Пулатом Салиевым Н. Тюракулов они открыли курсы по подготовке учителей для национальных школ в г. Скобелеве (Фергане).

Газета «Советская степь», критикуя сторонников национальной школы, подчеркивала, что есть и другая установка, утверждающая, что дело народного образования в Казахстане фактически началось с 1923-1924 гг., ибо Казахстан, как государственное объединение, юридически оформлен в 1920 году, и 2-3 года ушли на работы чисто организационного порядка, как-то: «Собирание Казахской земли», борьба с разрухой, бандитизмом, эпидемией, голодом и т.д.). Эта установка формально правильна, а фактически не верна, ибо идея советской трудовой школы, её программа вчерне стали проникать в Казахстанскую степь почти на другой день Октябрьской революции» [53].

К числу сторонников большевистской концепции развития образования в Казахстане относился Сакен Сейфуллин, внесший значительный вклад в создание школ советского типа и стоявший на позициях тесной связи школьного образования с практикой. Так, только в 1920 году, при ближайшем содействии и участии С. Сейфуллина были открыты сельскохозяйственная школа, две технические школы, 104 школы 1-й ступени, 3 школы 2-й ступени, 6 школьных мастерских. Он был сторонником партийно-классового подхода в процессе воспитания подрастающего поколения. В то же время, требуя усиления идейно – политического аспекта просвещения, известный педагог предостерегал от недостаточного внимания к национально – культурному компоненту образования, казахскому языку и литературе» [54].

О том, какое значение придавали представители интеллигенции Казахстана развитию обязательного светского школьного образования свидетельствует документ, хранящийся в фондах Кызылординского областного архива. В нем обязательное образование приравнивается к трудовой повинности: «Российская Федеративная Республика ставит своей задачей достижение всеобщего обязательного бесплатного обучения для всех без исключения детей обоего пола, дабы поднять народное образование до максимальных пределов. Между тем, наблюдаются случаи оставления учащимися учебных заведений до окончания курса иногда по мотивам, не имеющим достаточных оснований. Необходимо иметь в виду, что в трудовом социалистическом государстве все граждане должны нести трудовую повинность, в том числе и учащиеся до известного возраста должны нести трудовую повинность – обучаться в школах. На основании изложенного категорически воспрещается учащимся оставлять учебные заведения до прохождения известного минимума программы по усмотрению отдела народного образования. Оставление учебного заведения допускается в каждом отдельном случае только лишь по разрешению отдела народного образования. Об изложенном довести до сведения всех отделов, советов, совдепов, профессиональных союзов и комиссариатов с просьбой тех учащихся, которые оставили самовольно школу, не принимать на службу без удостоверений отдела народного образования. Всех учащихся, оставивших самовольно школу, лишать продовольственного пайка» [55].

Т. Рыскулов также придавал большое значение профессионально-техническому образованию, отмечая: «В этом отношении у нас имеются директивы и решения как Федерации, так и Турккеспублики о том, что необходимо привлечь в Госаппараты побольше местных людей и из их среды подготовить техников, специалистов и т. д. Но которые создавали бы лиц с техническим образованием у нас нет: мы имеем отдельные технические училища, но в них пока дела обстоят неблагополучно» [56].

Роль и значение послеоктябрьских преобразований состоят в том, что они дали значительные результаты в деле создания в Казахстане школьной системы, как основы всенародного движения к просвещению и науке, как базы для подъема благосостояния культуры народа, в особенности той части населения, которая относилась к неимущим слоям, т.е. выражаясь большевистской терминологией, являлась угнетенным классом. Обратимся к статическим данным. По результатам школьной переписи 1927-1928 года в Казахстане учащихся первой степени: казахов - 82806, русских - 90728, украинцев - 54752, белорусов - 643, татар - 10347, немцев - 3617, узбек - 4899, таранчинцев - 1744, дунган - 258, евреев - 362, мордвы - 1519, таджиков - 80, туркмен - 70, кара-калпаков - 670, караимов - 17 и прочих - 1887 детей, всего – 253839.

В школах повышенного типа в том же учебном году обучалось 6915 казахской молодежи, 29733 русских, 5642 украинцев, 137 белорусов, 3159 татар, 234 немцев, 209 узбеков, 306 таранчинцев, 294 евреев и других. Всего в

этой повышенного уровня системе школ учебой было охвачено 47238 человек. Всего школ в Казахстане было 4461, в которых учились 301077 детей школьного возраста. Установленный план охвата детей школьным образованием (на 1928-29 учебный год) выполнен в следующих показателях по школам первой ступени: казахов 94410 человек (или 12 процента детей школьного возраста); русских (42 процента); 5163 татарской молодежи (42 процента); 5704 узбека (15 процента) и т.д. Планировалось на следующий учебный год довести до 130952 человека из числа казахской молодежи, или это составляло 18,8 процента детей школьного возраста казахского населения.

Приведенные здесь цифры, являются официальными и документальными, говорят о том, что по сравнению с числом учащихся из русских и татарских семей (в них более 42 процента детей охвачено учебой), среди казахского населения охват детей школьным образованием был невысоким. Но в тех трудных условиях становления советского образования повсеместно было развернута широкая сеть школьных и культурно-просветительных учреждений.

Тем не менее, темпы развития школьного образования и просветительской работы заметно отставали от темпов промышленно-хозяйственного строительства. Недостаточность квалифицированных кадров была видна повсюду, особенно из трудоспособного населения республики. Растущая экономика требовала подготовки инженерно-технических кадров, ученых и педагогов. Планы и перспективы развития казахстанской экономики были наиболее высокими по сравнению с другими советскими республиками. Причина тому: огромные запасы минеральных ресурсов Казахстана, которые необходимо было использовать для ускоренной индустриализации Советского Союза. Как известно, Центральный Комитет партии большевиков 15 февраля 1930 года принял постановление «О задачах подъема экономики Казахстана в первой пятилетке» [57]. Суть решения высшего партийного всесоюзного органа состояла в том, чтобы пересмотреть первые планы развития экономики и культуры республики на 1929 год, которые были признаны не соответствующими возможностям Казахстана, в них слабо учтены природные богатства и перспективы экономического его развития.

Центральный Комитет партии большевиков обязал Высший Совет Народного хозяйства (ВСНХ), народные комиссариаты сельского хозяйства, транспорта, торговли, а также Госплан РСФСР пересмотреть и составить новые планы экономического и культурного развития Казахстана на оставшихся три года первой пятилетки. Новые рубежи Казахстанской перспективы были рассмотрены и одобрены на Седьмой краевой партийной конференции, в июне 1930 года были утверждены Правительством СССР.

В соответствии с этими решениями на ускоренное развитие Казахстана было выделено вместо ранее намеченных 1,8 млрд. рублей из общесоюзного бюджета в 3,5 раза больше, т.е. 6,3 млрд. рублей. Это было по масштабам планов первой пятилетки огромное бюджетное распределение для Казахстана. Тем не менее, надо отдать должное тому, что значительные усилия советской власти

по формированию культуры и просвещения советского образца принесли свои плоды. В 1930-31 учебном году был внесен всеобуч в оседлых районах, а с 1931 года - в районах с кочевым населением. В результате в Казахстане сформировалась довольно значительная сеть учреждений образования, в которых обучалось 1132326 учеников. В таблице приведена динамика количества школ и численности учащихся в 1939/1940 г. по сравнению с 1914/1915 г [58].

Таблица 2 - Развитие сети школьных учреждений и количества учащихся в них в разрезе областей Казахстана

области	Число школ (ед.)			Количество учащихся (чел.)		
	1914	1939	в %	1914	1939	
Алма-Атинская	155	709	457,4	7505	109628	в 14,6
Акмолинская	187	708	378,6	10494	90942	8,7
Актюбинская	148	738	498,7	7499	64157	8,7
Восточно-Казахстанская	123	685	556,9	6556	107706	16,4
Гурьевская	155	290	187,1	6021	45953	7,6
Джамбулская	55	345	627,3	3331	56863	17,1
Западно-Казахстанская	372	636	171,0	16138	71794	4,4
Карагандинская	79	412	521,5	4085	60641	14,8
Кзыл-Ординская	45	329	731,1	3655	54306	14,9
Кустанайская	153	711	464,7	8248	74971	9,1
Павлодарская	119	553	464,7	6078	49252	8,1
Северо-Казахстанская	187	837	447,6	11060	108445	9,8
Семипалатинская	109	499	457,8	6491	70635	10,9
Южно-Казахстанская	104	869	835,5	5336	128253	24
Г.Алма-Ата	20	60	300,0	2837	38780	13,7
Итого по Казахстану	2011	8381	416,8	105239	1132326	10,8

Приведенные данные свидетельствуют о действительно массовом развитии сети школьных учреждений, как в целом по Казахстану, так и по отдельным областям. Наибольший процент прироста наблюдался в Южно-Казахстанской и Джамбулской областях. Три области Северного Казахстана – Кустанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская по проценту прироста находились несколько выше среднереспубликанского уровня (соответственно 464,7, 464,7 и 447,6 %). Более низкие темпы прироста школьных учреждений в Северном Казахстане были обусловлены сравнительно высоким их количеством в 1914/1915 г.

С первых дней большое внимание уделялось подготовке педагогических кадров для казахских и других национальных школ. Так, еще

22 июля 1918 года было принято решение об организации краткосрочных курсов для подготовки учителей. В Постановлении Исполкома Верненского отдела народного образования требовалось: «Курсы открыть не позже 1 августа по следующей программе: общая методика, педагогика, методика первоначального обучения тюрко-татарскому языку, методика арифметики, методика естествознания, географии, истории, ручного труда, социология, формы управления государством на новых началах, программы различных социалистических партий, практические уроки, экскурсии, о дошкольном воспитании и обучении, гигиена и пение».

При этом состав лекторов должен был состоять из учащихся Верненских и других городских мактабов области, а преподавание должно было вестись на «тюрко-татарском языке, занятия должны состоять из методических лекций и образцовых и практических уроков в школе при курсах» [59].

Большое значение придавалось открытию народных университетов, в которых шла подготовка кадров из местного населения. Вопрос о возможности организации казахского народного университета поднимался в среде казахской интеллигенции еще в 1918 году, о чем свидетельствует следующий архивный документ: «Мандат. 10 мая 1918 г. Выдан заместителю Председателя мусульманской секции Туркестанско-народного университета Исе Тохтыбаеву в том, что он командирован Правлением Народного университета для пропаганды организации и устройства Народного университета среди киргиз в гор. Перовск» [60].

В 1919 году был образован Верненский народный университет. «Первым был организован технический факультет... Факультет этот ...взял на себя подготовку технического персонала для нужд области и, во-вторых, быть проводником технических знаний и умений в среду населения. Для осуществления этих обеих целей технический факультет, во-первых, открыл 3-х летние Курсы для подготовки техников от низших до высших. Пока на специальном курсе имеется возможность готовить технический персонал по строительному, дорожному и гидротехническому делу. В дальнейшем намечается еще ряд специальностей, например, горное отделение» [61].

Деятели казахской интеллигенции, вошедшие в состав правительства Туркестана с начала 20-х годов заметно усилили внимание к вопросам организации крупных стационарных педагогических учебных заведений, призванных подготавливать квалифицированные учительские кадры для национальных советских школ республики. С целью усиления эффективности работы в этом направлении 27 апреля 1920 года по решению ТуркЦИКа был образован новый состав Коллегии Комиссариата просвещения, в которую вошли Н. Тюрякулов (Комиссар просвещения), Лепешинский (зам. комиссара), члены: Н. Ходжаев, Дволайцкий, И. Тохтыбаев. Уже к июню 1920 года Коллегией Наркомпроса было разработано и утверждено Положение об Институтах народного образования: «1) им. К.А. Тимирязева для всех народностей Туркестана с преподаванием

на русском языке. 2) Институт с преподаванием на киргизском языке; 3) на узбекском языке; 4) на татарском языке» [62]. Все эти институты предполагалось открыть в сентябре 1920 года.

Огромную роль сыграли представители казахской интеллигенции в создании и развитии высшей школы в Казахстане, да и в Узбекистане тоже. Так, благодаря их усилиям в апреле 1918 года в Ташкенте был создан первый университет в Средней Азии, а в ноябре 1918 года Н. Тюрякулов вместе с П. Салиевым выступили организаторами Кокандского народного университета.

Началом создания КазИнпроса стало принятие решения Народного Комиссариата Просвещения ТуркАССР открыть при Русском педагогическом училище киргизское (казахское) отделение. С 1 июня 1919 г. Киргизское отделение было преобразовано в самостоятельное училище. С 1 октября 1919 г. училище было реорганизовано в Казахский институт просвещения (Казинпрос). В нем преподавали: М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, С. Ходжанов, И. Тохтыбаев, М. Жумабаев, К. Жаленов, Х. Болганбаев, Хонир Ходжа Ходжиков, Ф. Култасов, Е. Табынбаев, С. Утегенов, А. Байтурсинов, Ж. Аймауытов, Д. Адилов, Д. Сарсенов и др. [63].

В протоколе Киргизского института просвещения мы находим упоминание о том, что «1 окт. 1923 г. Параграф №1. С сего числа отчисляется от занимаемой должности Жумабаев Магжан - преподаватель родного языка. Основание: Выезд в Москву для продолжения образования» [64].

В числе преподавателей института встречаются имена женщин-казашек и узбечек, так в протоколе значатся Касимова Мадина – преподаватель; Джаленова Полина – преподаватель; Байгурина Гулаим – преподаватель Чанычева Фатима – преподаватель [65].

О большом внимании к подготовке учителей из числа казахов свидетельствует распоряжение председателя Совнаркома Туркестанской Республики Т. Рыскулова от 31 октября 1923 года. Согласно ему в Казинпрос были приняты студенты Абдулла Майликов, Султан Уразбаев, Айткул Ибикеев, Мамбетахун Умирбаев, Шаймерден Камбаров, Юсуп Байсергиев, Мухамметбай Бекешев, Турсунходжаев, Хожаахмет Атанаев, Нугман Исабаев [66].

Чрезвычайно сложными были хозяйственные вопросы, поскольку бюджетные ассигнования, выделяемые по линии Наркомпроса, были мизерными. Они не могли покрыть тех огромных финансовых затрат, которые требовались для нормального функционирования института. Тогда педагогический коллектив решил обратиться за помощью к населению, например, М. Тынышпаев собрал средства в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах.

Представители казахской интеллигенции придавали огромное значение развитию высшей школы. Так, в докладе Т. Рыскулов указывает: «Из высших учебных заведений у нас имеется только университет и он находится в стадии начинания. Затем есть высшие Комуниверситет и

Институт Востоковедения, все они в положении, что стройной системы в их работах нет и все существуют от случая до случая» [67].

В целях оказания практической помощи национальным учебным заведениям, включая Инпросы, по инициативе Турара Рыскулова стали создаваться специализированные общественные объединения. В частности, еще с лета 1923 года, с учетом недостаточности бюджетных средств, выделяемых национальным учебным заведениям, было образовано «Шефское Бюро при Совнарком Туркеспублики», которое сосредоточило внимание на сборе и распределении финансовых поступлений, исходящих от государственных органов и населения по шефской линии.

Наряду с Шефским Бюро, в целях повышения эффективности учебно-воспитательной работы национальных учебных заведений и усиления процессов просвещения коренного населения по инициативе Т. Рыскулова было образовано «Краевое Бюро содействия просвещению в ТАССР». На заседании президиум этой Бюро, которое состоялось под представительством Т. Рыскулова 9 декабря 1923 года, было принято решение и утверждено «Положение о Культурном Совете» при нем в качестве вспомогательного органа. Одновременно участники заседания признали необходимым организовать на местах в областном и уездном масштабе подобие Краевого - Культурные Советы при соответствующих Бюро содействия просвещению».

Значительное внимание уделялось современному методическому обеспечению учебного процесса в КирИнпросе. Так, М. Тынышпаевым в 1923 году была составлена программа курса по истории тюрков - монголов для студентов 3-го курса. М. Джумабаев разработал факультатив по тюркской литературе. Но методической литературы продолжало не хватать.

В июле 1923 года группа студентов Казинпроса приняла участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве по отделу быта и этнографии казахов. Среди них в качестве певца был слушатель института Курманбек Джандарбеков, преподаватель Магжан Джумабаев и др. На выставку от Киринпроса и Киргизской научной комиссии были отправлены различные документы, книги, сборники материалов. Всего около 100 экспонатов. В их числе «Жалованная грамота», данная Тимуром Туркестанской мечети Азрети Яссави, книга Исы Тохтыбаева «Географический очерк Туркестана», Турара Рыскулова «Джетысуйские вопросы» и др.

В 1923-24 учебном году общее количество учащихся Киринпроса составило 259 человек из различных областей Туркестана, из них казахов - 195 [68].

После завершения в 1924 году процесса национально-государственного размежевания в Средней Азии Ташкент, где была сконцентрирована вся казахская интеллигенция, не мог больше выполнять функции культурного центра Казахстана, чем он де-факто был все двадцатые годы. Базирувавшийся в Ташкенте Казпедвуз подлежал ликвидации.

Среднеазиатский университет все более становился воплощением нового статуса Узбекистана. Было ясно, что перенос в Алма-Ату научно-культурного потенциала казахской интеллигенции остро стоял на повестке дня.

В 1926 г. в Ташкентском высшем педагогическом институте был образован казахский факультет. В 1928 г. факультет был переведен в Алма-Ату и преобразован в Казахский государственный университет. Два года спустя он был переименован в Казахский педагогический институт, а в 1935 г. получил имя Абая Кунанбаева.

Открытие педагогического вуза с казахским языком обучения было в тот период первостепенной задачей для казахской интеллигенции, что диктовалось целями введения всеобщего обучения.

Значительную роль в создании высших учебных заведений в Казахстане сыграла реорганизация САГУ (Средне-Азиатского государственного университета), проведенная благодаря предложению С. Ходжанова. Говоря о Среднеазиатском университете, он подчеркивал его всесоюзное значение и вместе с тем реально ставил вопрос о коренизации состава учащихся и преподавателей. Так, он указывал: «Как ни родственны в культурном и хозяйственном отношении Азиатские республики, но все они настолько отличаются друг от друга, что требуют создание вузов, отвечающих потребностям каждого из них. Поэтому высшее сельскохозяйственное образование и педагогическое образование должны быть децентрализованы изданием специальных отраслевых институтов в каждой из республик в районах массового распространения определенных культур» [69].

В связи с этим им предлагалась следующая схема реорганизации САГУ: «В процессе реорганизации САГУ, как многопрофильный ВУЗ, совершенно ликвидируется, распавшись на ряд институтов и передав ряд специальностей в другие ВУЗы.

1) В целях уничтожения параллелизма сельфак САГУ постепенно ликвидируется с передачей целого ряда отделений в национальные высшие учебные заведения, как зоотехника, садоводство, лесоводство, ветеринария и т.д. САХИНИ должна быть поручена разработка организации на Агрохлопковом факультете, кроме имеющихся отделений: хлопководство, механизации и др., также отделения шелководства и агрохимии с одновременным усилением кафедры биологии. Что же касается проектируемых новых факультетов, как лесной и ветеринарный, то лесной в случае необходимости должен быть организован в национальных вузах, а ветеринария должна войти как особое отделение в зоотехнические факультеты вузов национальных республик.

Что касается богарного земледелия, то в виду того, что оно не имеет ярко выраженных особенностей, как специальное учение, не должно быть организовано отдельным факультетом, а может войти как составная часть целого ряда кафедр в соответствующих вузах национальных республик.

Вопросы селекции и генетики, как носящее опытно-исследовательский характер также не могут войти в обычные рамки отделения, а должны являться частью научно - исследовательских институтов, где студенты, желающие посвятить себя научной работе, проходят практику.

Таким образом, Сельскохозяйственный факультет САГУ должен быть совершенно ликвидирован.

2. Факультет Совхозправа, превращаясь в Экфак по той программе, которая предложена САГУ, должен быть, реорганизован в специальный Экономический Институт и выделен из состава САГУ, как совершенно самостоятельный вуз.

3. Медицинский факультет должен быть превращен в Институт с отдельными специальными факультетами.

4. Востфак, как изживший себя совершенно ликвидируется. Что же касается подготовки работников для наших торговых сношений с сопредельными восточными странами, то в случае необходимости - такое отделение можно создавать при Экономическом Институте. Педагогическое дело целиком передается в соответствующие ВУЗы национальных республик.

7. Для подготовки кадров слушателей во все выше упомянутые ВУЗы необходимо реформировать систему среднего образования с передачей им специальных производственных уклонов.

Все высшие учебные заведения в Средней Азии должны поставить своей задачей оказание помощи республикам, в разработке методики преподавания, увязки среднего технического образования и девятилеток со специальными производственными уклонами со специальными вузами, как в программном, так и организационном

8. Принимая такую схему Средне-Азиатских учебных заведений необходимо все здания и оборудование сельфака САГУ передать другим учебным заведениям» [70].

Благодаря этому в 1929 г. в Алма-Ате был открыт зооветеринарный институт, а в 1930 – сельскохозяйственный, в 1931г. - первый в республике медицинский институт. Открываются педагогические и учительские институты в Уральске, Семипалатинске, Актюбинске, Петропавловске, Чимкенте и Кустанае. В 30-е годы начинает развиваться система заочного обучения.

В 1934 г. в Алма-Ате состоялось открытие двух новых вузов - Горно-металлургического института и Казахского государственного университета им. С.Кирова. У истоков создания первого университета стояли нарком просвещения Ураз Джандосов, первый ректор университета Санджар Асфендиаров и Турар Рыскулов. К этому времени относится и публикуемый документ – соглашение между народным комиссаром просвещения Уразом Джандосовым и заместителем ректора Казпедвуза профессором, членом-корреспондентом Российской академии наук Халелом Досмухамедовым о

переезде последнего в Алма-Ату после ликвидации Казпедвуза для участия в организации Казгосуниверситета.

Из воспоминаний Абдыкалыкова Мухамеджана Абдыкалыковича, 1907 года рождения. В 1928 году – студент Казахского государственного университета. С 1942 по 1947 год был секретарем ЦК Компартии Казахстана по идеологии. «Мы с моим другом Ергазы Абдрахимовым в числе 23 учащихся Казахского института просвещения были направлены в 1928 году из Кзыл-Орды, где размещался Казинпрос, в Алма-Ату для поступления в первый Казахский госуниверситет. Туда же тогда приехали 40 или 50 человек студентов ликвидированного Казпедвуза из Ташкента вместе с Халелом Досмухамедовым. Всего на первый курс набрали 120 человек. Причем все сдавали экзамены на первый курс. Хотя в Кзыл-Орде мы уже учились на третьем. Санджар Джафарович Асфендиаров приехал из Москвы с целой группой профессоров и преподавателей, имевших опыт работы в классических российских университетах еще дореволюционной школы. Халел Досмухамедов был проректором по хозяйственной части и преподавал анатомию и физиологию человека. Асфендиаров все время старался пригласить новых профессоров из Москвы. Зимой 1930 года к нам приехал преподавать химию известный профессор Караваев, а математику – тоже известный профессор Вайндфильд» [71].

Практически все преподаватели нового университета из числа казахской интеллигенции состояли в Алаш-Орде – А. Байтурсынов, Х. Досмухамедов, А. Ермаков и не могли считаться лояльными Советской власти.

Назначение в 1933 г. Т. Жургенева наркомом просвещения Казахской АССР состоялось в очень сложное для республики время. Новое руководство Казкрайкома ВКП (б) прилагало огромные усилия к исправлению допущенных в период коллективизации грубых политических ошибок, имевших трагические последствия для местного населения. Много проблем накопилось в области народного образования. Организаторский талант Жургенева раскрылся в ходе осуществления всеобщего начального образования, развития ликбезов и вузов республики. Для изучения дел в народном просвещении он совершает многочисленные поездки по различным районам, выступает с докладами и статьями.

Таким образом, в 20-30-е годы развитие образования в Казахстане получило интенсивность, росла сеть школ, в том числе и с казахским языком обучения, значительно вырос охват детей и молодежи школьным образованием, началось строительство системы профессионально-технического образования, были образованы и стали действовать первые высшие учебные заведения в республике.

Методические рекомендации:

Для того, чтобы усвоить текст данной лекции, необходимо не только простое прочтение и проработка данного текста. Для качественного усвоения материала данной лекции обратите внимание на список рекомендованной литературы. Кроме этого просмотрите последние публикации казахстанской прессы, посвященные анализу развития образования в Казахстане. Для уверенного овладения материалом по данной теме ответьте на нижеследующие вопросы. Успешное выполнение данных заданий поможет вам в освоении материала этой темы.

Контрольные вопросы

1. По какому пути предлагали развивать просвещение в Казахстане представители старой и новой интеллигенции?
2. Какое направление являлось важнейшим звеном в осуществлении советского культурного строительства?
3. Какие первоочередные задачи в строительстве новой жизни выдвигала партия большевиков?
4. Каковы принципиальные разногласия между казахской интеллигенцией и представителями большевистского центра в вопросах образования?
5. Какие функции возлагались на Народный Комиссариат просвещения?
6. Какое значение придавалось развитию народного образования в Казахстане?
7. В чем Т. Рыскулов видел первоочередную задачу в вопросах образования?
8. Какие основные проблемы мешали развитию просвещения в Казахстане?
9. Какой вклад внесен представителям казахской алашевской интеллигенции в развитие просвещения в Казахстане?
10. Как осуществлялась подготовка учителей для школ в Казахстане в 20-30-е годы?
11. Какой вклад внес Сакен Сейфуллин в создание школ советского типа?
12. Какова роль и значение послеоктябрьских преобразований в развитии образования?
13. Как происходило формирование высшей школы в Казахстане?

ТЕСТЫ

Закрытые задания с выбором одного правильного ответа. Обведите букву правильного ответа

1. Какое направление являлось важнейшим звеном в осуществлении советского культурного строительства?
А) создание библиотек

- В) развертывание клубов
- С) школьное строительство
- Д) создание вузов
- Е) ликвидация безграмотности

Ответ: Е)

2. Когда был принят Декрет Совета народных Комиссаров Туркестанской АССР «О ликвидации безграмотности среди населения»?

- А) 17 ноября 1920 года
- В) 1 января 1918 г.
- С) 15 марта 1919 г.
- Д) 23 июня 1922 г.
- Е) 30 сентября 1924 г.

Ответ: А)

3. Сколько процентов населения в СССР согласно данным переписи 1926 года было неграмотным?

- А) 90 %
- В) 25 %
- С) 30 %
- Д) 60 %
- Е) 10 %

Ответ: Д)

4. Какие задачи по мнению Т.Рыскулова являлись первоочередными в культурном строительстве в Казахстане?

- А) Создание культурно-просветительных учреждений
- В) Зрелищных
- С) Формирование аппарата управления
- Д) Создание профессионального образования
- Е) Создание школ первой ступени

Ответ: Е)

5. Кому принадлежит заслуга в создании реальной системы образования в Казахстане?

- А) большевикам
- В) новой казахской интеллигенции
- С) царскому правительству
- Д) религиозным объединениям
- Е) алашской интеллигенции

Ответ: Е)

6. Какое количество учителей требовалось первоначально для работы в школах Казахстана в начале 20-х годов?

- А) 500
- В) 1000
- С) 3000
- Д) 200
- Е) 2000

Ответ: С)

7. Когда был введен всеобуч в оседлых районах Казахстана?

А) 1930/31

В) 1932/33

С) 1934/35

Д) 1936/37

Е) 1938/39

Ответ: А)

Открытые задания со свободно конструируемым ответом:

1. С учетом чего, по мнению Т. Рыскулова, должно было развиваться школьное образование в Казахстане?

2. Когда и кем были созданы первые учебники по математике, казахскому языку, биологии, географии и др?

3. С чем сравнивал Ахмет Байтурсынов стремление партийных органов, советских учреждений к ограничению роли и места казахской национальной культуры, языка, духовно – нравственных традиций?

Т.Рыскулов отмечал недостатки в постановке народного образования, подчеркнув, что неправильно и нерационально построено распределение бюджета Комитета просвещения, большая часть которого уходила на содержание _____

К числу сторонников большевистской концепции развития образования в Казахстане относился Сакен Сейфуллин, внесший значительный вклад в создание школ советского типа и стоявший на позициях тесной связи школьного образования с _____

Задания на установление соответствия:

Темпы развития школьного образования и просветительской работы заметно отставали от темпов промышленно-хозяйственного строительства. Недостаточность квалифицированных кадров была видна повсюду, особенно из трудоспособного населения республики. Растущая экономика требовала подготовки _____

Тема 4. Сохранение культурного наследия и развитие науки

Цель: раскрыть проблему сохранения культурного наследия и проследить становление науки и научных учреждений в Казахстане в период силовой модернизации

Основные понятия по теме: культурное наследие, общество изучения Казахского края, Общество ревнителей казахской культуры «Талап», Казахская научная комиссия, Шежире, фольклор, эпос, Комиссия по истории казахского народа

Проблемы сохранения казахской истории, культуры, культурного наследия являлись одним из важнейших направлений в культурном развитии Казахстана в 20-30-е годы.

В период гражданской войны развивались преимущественно прикладные научные проблемы, разработка которых была вызвана насущными потребностями. Так, в 1918 г. в Ташкенте был создан Туркестанский восточный институт, а в 1919 г. - историко-статистический отдел при штабе Казвоенкомата, делившийся на историческую, этнографическую и естественно-географическую секции. В 1920 г. отдел был преобразован в Ученую Комиссию и передан в ведение Наркомпроса, причем к существовавшим трем секциям была добавлена археологическая. В том же году группа сотрудников комиссии, считая, что ученые не могут плодотворно работать будучи должностными лицами, основали Общество изучения Казахского края, как преемника Оренбургского отдела РГО и Оренбургской ученой архивной комиссии. В 20-х годах увидели свет научные труды членов Общества А. Чулошникова, Ф. Рязанова, А. Диваева, М. Тынышпаева, М. Дулатулы. В 1924 г. в Общество входили 84 ученых. В подъеме культурного, образовательного уровня казахского народа в начале 1920-х годов большая заслуга принадлежит Обществу ревнителей казахской культуры «Талап». Созданное в 1922 г. в г. Ташкенте совместными усилиями Х. Досмухамедова, М. Тынышпаева, М. Ауэзова, его деятельность заключалась в сборе, изучении материалов по истории, этнографии, культуре, традициям, обрядам казахского и киргизского народов. Большую помощь и поддержку «Талапу» оказал Т. Рыскулов, бывший в то время Председателем совнаркома Туркестанской республики.

В январе 1921 г. при Народном комиссариате просвещения республики была организована Киргизская (Казахская - авт.) научная комиссия, председателем которой был Х. Досмухамедов.

Необходимо отметить, что в 1920-е годы, благодаря покровительству Т. Рыскулова, С. Ходжанова и других, большая группа казахской интеллигенции оказалась в Ташкенте. Часть из них работала в Казахском институте просвещения (КазИНПРОС).

В 1923 г. выходит первый номер журнала «Сана» - печатного органа научной комиссии. В его работе принимали участие видные ученые, политические и общественные деятели Казахстана: А. Диваев, О. Джандосов, С. Ходжанов, Т. Рыскулов, С. Асфендияров, М. Ауэзов, А. Байдильдин, А. Байгарин, М. Тынышпаев, Х. и Ж. Досмухамедовы, М. Жумабаев и многие другие. Ведущее место в научно-публицистических материалах занимает историческая проблематика. Не случайно, уже в первом номере журнала «Сана» публикуется статья М. Тынышпаева «История тюрков-монголов», а в 1925 г. отдельной книгой выходит его труд «Материалы к истории киргиз-казахского народа». Не имевший специального исторического образования, но, как и другие представители алашской интеллигенции, обладавший разносторонними, энциклопедическими знаниями, М. Тынышпаев обращается к сложным проблемам истории, этнографии, этногенеза Казахстана. При этом он рассматривает историю формирования казахского этноса в неразрывной связи со всем тюркским миром [72]. Также он активно

занимался научными изысканиями. В частности, во многом углубила представление о древней истории Казахстана написанная им работа «Материалы к истории казахского народа» (1925). Этот капитальный труд и по сей день, вызывает повышенный интерес у исследователей Центральной Азии.

Важной стороной научной жизни М. Тынышпаева тех лет явилось его активное участие в работе Туркестанского кружка любителей археологии, а также образованных в последующем на его базе научных объединений. К сожалению, в отечественной историографии этот аспект научной биографии ученого слабо отражен. Между тем обращение к нему позволяет полнее охарактеризовать его творческие связи с известными российскими востоковедами, историками, археологами, этнографами, оказавшими заметное воздействие как на формирование исторической концепции М. Тынышпаева, так и на становление национальной казахской исторической школы.

Туркестанский кружок любителей археологии был создан в 1895 году в городе Ташкенте. Его руководителем долгое время был выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Через три года начал действовать в столице края Туркестанский Отдел Русского Географического общества (ТОРГО), ставший одним из деятельных объединенной краевой интеллигенции. Позже в советское время, ТОРГО был преобразован в Среднеазиатский Отдел Государственного Русского Географического общества, который возглавил видный археолог М. Массон.

В сферу интересов названных объединений входили вопросы истории, археологии, нумизматики, этнографии, эпиграфии, а также собирания, изучение и публикации восточных рукописей. Одной из плодотворных форм их работы явились научные сообщения членов общества. В том числе не раз с обстоятельными докладами выступал М. Тынышпаев. Так, с горячим интересом было воспринято на заседании ТОРГО, выступление М. Тынышпаевым на тему: «Предание о казахском хане Тауке и батыре его Алдияре», которое он записал в Лепсинском уезде со слов Дайржана Арапова – потомка Алдияра в 7 колене. В своем выступлении М. Тынышпаев привел многие неизвестные ранее сведения об этих исторических личностях, о взаимоотношении казахов и каракалпаков на рубеже XVII-XVIII вв.

Столь же заинтересованно было воспринято выступление М. Тынышпаева на заседании секции этнографии и археологии Среднеазиатского Отдела Государственного Русского Географического Общества, посвященное описанию «развалин города Илан-Балыка». В своем сообщении ученый, опираясь на информационно насыщенный документальный материал, доказал, что древний город Илан-Балык находится между Алтын-Эмельским перевалом и рекой Или.

В повестке дня секции этнографии и археологии Среднеазиатского Отдела Государственного Русского Географического Общества говорится: «Доводит до сведения членов Отдела, что в пятницу 2 марта в помещении

читального зала Вост Факультета САГУ состоится очередное собрание». Третьим пунктом в повестке заседания значился доклад Тынышпаева: «3. Развалины города Илан-Балык, доклад М. Тынышпаева» [73].

О многогранной научной деятельности М. Тынышпаева, его неустанной поисковой работе, нацеленной на пополнение знаний об истории и духовном наследии казахского народа, свидетельствуют хранящееся Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан его дружественное письмо известному востоковеду А.А. Семенову. Автор письма по служебным делам побывал в Жетысу, где обнаружил следы древнего пребывания казахов. На основе увиденного он сообщал «Жетысу в археологическом отношении чрезвычайно богат... и изобилует археологическими памятниками». В частности, в письме отмечалось, что здесь находятся тысячи могильных курганов, древнейшие оросительные системы, развалины древних крепостей. Их раскопки, по мысли М. Тынышпаева «...могли бы открыть многое и тем самым пролить свет в неизвестное прошлое жизни казахского народа» [74]. Одновременно М. Тынышпаев с радостью писал «наконец, достав снимок с рисунка на камне селения Карабулак», который и посылает адресату. По его предположению этот рисунок с орхонской надписью относится к временам Коль - Тегина.

Большое внимание М. Тынышпаев уделял родословной казахов, им была составлена собственная версия Шежире.

Огромный интерес к истории казахского народа и научная эрудиция М. Тынышпаева не позволили ему бесстрастно пройти против искажений, допущенных в книге А.П. Чулошникова [75]. М. Тынышпаев отмечает научную недостоверность этой книги. Так, он пишет: «В предисловии автор говорит, что он задался целью «подвести научный итог ко всей проделанной до сих пор работе по киргизскому прошлому», «оттенить промахи и пробелы предшествующей историографии», которую нужно было «исправить и дополнить»; в то же время оговаривается (введение XII), что работал в «глухой провинции, вдали от культурных центров», «с большим трудом и даже случайно добывал нужные книги и исторические материалы, не нашел ни одного лица, сведущего и опытного» [76].

Тынышпаев обращает внимание на то, что Чулошниковым «ни одного слова не сказано о древнейшей культуре в низовьях реки Сыр-Дарьи, о чем имеется обширная литература. Не упомянута остальная Семиреченская (Джетысуйская) область, совершенно не затронуты четыре степные области (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская). Так что о самой Киргизской степи в это главе ничего не сказано».

Кроме того, М. Тынышпаев отмечает, что автор вообще не представляет себе связи предков современных казахов с Золотой Ордой.

В целом М. Тынышпаев выносит следующий вердикт труду А.П. Чулошникова:

«1) Не менее 1/4 книги не имеет отношения к киргизам.

2) Автор не разобрался в главнейших исторических событиях, неверно представляет себе происхождение киргиз-казахов, не разобрался в родовых делениях, во взаимоотношениях их друг к другу, смешивает историю династий с историей народа (все казахи с джаныбековцами, все узбеки с шейбанидами), много места отвел несущественному, пропуская в то же время главнейшие события: немалым недостатком является незнание языка, неумелое пользование преданиями, бесцеремонные обращения с терминами (народность, племя, род) с эпитетами и т.д.

3) Исторические события то старается выводить из материалистического миропонимания, то рассматривает как результат деятельности отдельных личностей.

4) Большую часть примечаний, выносок, отдельных мыслей приводит так, как будто они взяты непосредственно из первоисточников (мусульмане, историки, русские архивы) и что будто отдельные сличения произведены самим автором, тогда как они большею частью переписанных из книги Вельяминова-Зернова».

Ввиду изложенного книгу А.П. Чулошникова, как солидный научный труд, рекомендовать мы не можем [77].

Таким образом, научные поиски М. Тынышпаева содействовали существенному углублению исторических знаний о прошлом казахского народа. Но его портрет как талантливого ученого – историка воссоздан еще не полностью. Потребностью времени в этом отношении выступает задача адекватной оценки вклада М. Тынышпаева в духовную сокровищницу казахской нации, в развитие отечественной исторической мысли и моровой тюркологии.

Среди большого числа научных, общественно-политических и литературных трудов Н.Тюракулова важное место занимает рецензия на книгу академика В. Бартольда «Истории Туркестана», вышедшая в свет в Ташкенте в 1922 году. Эта книга известного востоковеда представляла собой конспект лекций, прочитанных им на историко-филологическом факультете Туркестанского госуниверситета.

Краткая, но емкая по содержанию рецензия Н. Тюракулова, которая была опубликована в еженедельной газете «Жизнь национальности», дает полное представление о книге Бартольда «История Туркестана», вышедшей в Ташкенте в 1922 году. В этом труде использован, отмечал рецензент, огромный материал из литературы греков, арабов, персов по истории Туркестана. Для интересующихся этим вопросом книга представляет огромное значение в том смысле, что она вводит в круг сведений об истории Туркестана и сопредельных с ним стран. Так оценил курс лекций В.В. Бартольд Н. Тюракулов.

Весьма актуально и современно звучит мысль Н. Тюракулова об особенностях развития кочевых обществ, которые ученые того периода не понимали. Так, Тюракулов пишет: «...современный читатель, нуждающийся в объяснении причинной связи явлений, прочитав эту книгу, конечно, не

поймет, почему, например, с быстротой создавались огромные империи кочевников и с такою же быстротою они распадались; какие социально-экономические и политические причины двигали развитием этих государств. Однако, этот пробел следует считать естественным, если полагать, что акад. В.В. Бартольд и не ставил себе такой задачи» [78].

Вместе с тем рецензент указал на спорные моменты. Например, В.В. Бартольд считал, что Туркестан - это страна прошлого. То есть вопрос касался значения Туркестана в будущем. «Туркестан, Кашгар и провинция Или,- писал тогда Н. Тюракулов, - втягиваются в орбиту внимания международного капитала. По мере развития народного хозяйства Советской России будет расти и промышленное значение Туркестана, особенно в горной и текстильной отраслях промышленности» [79].

Предвидение о росте внимания западных держав к Туркестану в геостратегическом плане является научным открытием.

Главным делом жизни Алихана Букейхана являлось исследование жизни, быта, традиций, культуры собственного народа. Он находит время и для сбора и изучения образцов устного народного творчества - духовного богатства народа. Собрал, систематизировав памятники устного творчества, фольклорного наследия казахов, и пишет научные труды по этнографии, литературоведению. «А. Букейхан был... историком, экономистом, фольклористом. Он был первым ученым, который с научной точки зрения проанализировал казахский эпос и фольклор» - констатируют английские ученые из Общества изучения Средней Азии при Оксфордском университете. А известный советолог Александр Беннигсен в книге «Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 года» утверждает, что «... его (А. Букейхана) замечательные труды по казахскому эпосу, подписанные псевдонимом «Қыр баласы», во многом способствовали развитию национального чувства его соотечественников» [80].

Алихан Нурмухамедович являлся не только одним из первых исследователей устного народного творчества, но и серьезно интересовался произведениями своих современников и писал критические статьи на них. Как свидетельствуют ученые Оксфордского университета, «он... играл ведущую роль в развитии литературы в подъеме сознания и культуры народа, он прилагает усилия для объединения рядов казахской интеллигенции. Ему удалось сплотить вокруг себя таких видных писателей и поэтов, как Ахмет Байтурсынулы, Мир-Якуб Дулатулы, Шакарим Кудайбердыулы, Магжан Жумабайулы, Гумар Карашулы, Султанмахмут Торайгырулы, Жусипбек Аймауытулы, Жиханша и Халел Досмухамедовы и многих других. Но особо надо отметить его усилия, связанные с именем Абая Кунанбаева. Именно он, А.Н. Букейхан, является основоположником абаеведения. Он стал первым исследователем творческого пути Абая. Он первый познакомил русскую аудиторию с произведениями великого поэта.

А. Букейханов, сосланный в Москву в 1926 г., продолжал заниматься научной работой. По приглашению Президиума Академии наук СССР он

являлся постоянным экспертом по Казахстану в составе Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. А. Букейханов руководил научной экспедицией по исследованию малоизученных районов Казахстана - Адаевского уезда. Впервые им были проведены антропологические работы относительно местного населения данного региона. По итогам работы экспедиции им был опубликован научный очерк «Казахи. Антропологическое исследование» [81].

В своем поиске национальной идентичности, казахская интеллигенция придавала огромное значение исследованию истории. Подчеркивая жизнеспособность исторического знания, М. Дулатов интерпретировал историю народа, как «душу» и «залог» национальной идентичности и достоинства. А. Букейханов, утверждал во введении к его очерку по казахской истории, «история это гид по жизни, указывающий правильный путь».

В условиях растущего внимания общества к началу XX века, ряд казахских писателей и историков инициировали проект по написанию казахской истории. В поисках письменного исторического свидетельства о казахах в прошлом, они рассматривали разные персидские, китайские и русские исторические и этнографические расчеты, откуда информация была объединена в их анализ. Тем не менее, главным источником их данных было Шежире - устно переданные рассказы, описывающие родственные отношения и генеалогическое продолжение казахских семей, родов, племен, и жузов. Они собрались и обратились к распространенному генеалогическому знанию, создавая единое казахское Шежире, многочисленные версии которого были опубликованы между 1900 и 1925 гг. Шежире появилось как устная традиция генеалогического подсчета в казахской социально-политической системе, развитие которого совпадало с формированием Казахского Каганата в XVI в. Эта традиция служила для формирования политических альянсов, социальной структуры, племенных ответвлений, и была, в конечном счете, связана с разделением пастбищ и ежегодных миграционных маршрутов. Как таковой, Шежире развился как мощное дискурсивное представление и предание, которые окружали каждое общественное событие, которое заметно отражало социально-политическую организацию, из которой оно происходило в какой-то упрощенной форме. Основной вопрос «қай қазақсың» («Какой казах ты?») может быть адресован казаху даже сегодня, подразумевая имена, истории, и мифы, описывающие далекую и более близкую родословные.

М. Дулатов опубликовал в 1923 г. работу в журналах «Шолпан» и «Қызыл Қазақстан», в которых не претендуя на всесторонний охват и освещение этнической истории казахов и киргизов, он выделяет те ключевые проблемы, без которых невозможно создание объективного научного исследования. Прежде всего, он обращает внимание на отсутствие среди казахов профессионалов-историков. Ибо они, считает он, могли бы написать работы, используя традиционные для кочевого общества методы передачи

исторической информации - шежире с другими источниками и научно выверенными фактами [82].

Также как Ш. Кудайбердиев, А. Букейханов, Х. Досмухамедов, М. Тынышпаев, М. Дулатов анализирует и пытается дать свою интерпретацию этнонима «казах». При этом он замечает, что в исторической памяти народа наряду с этим названием сохранилось и другое - «Алаш» [83].

Алаш-Орда, самая влиятельная казахская политическая партия была названа в честь предка, чье имя прославлено в Шежире. «Мы дети Алаша» была идиома, через которую казахи все больше и больше заявляли о своей групповой принадлежности. Несомненно, этнический образ казахов, созданный в Шежире, стал центральным для историческом сознании казахской интеллигенции. Как писал Султанмахмуд Торайгыров (1893-1920), поэт и активный член Алаш-Орды, в Айтыш поэме, опубликованной незадолго до того, как его партия сформировала Казахское автономное правительство в 1917:

Я казах, и я горжусь этим,
Я использую имя Алаш как мой боевой клич,
Я казах, и я люблю свою казахскую жизнь,

Следует ли мне держаться подальше от своей принадлежности к казахской этнической группе? [84].

Глубокого исследования, считает он, требует вопрос присоединения Казахстана к России. Однако, этот факт по твердому убеждению М. Дулатова, явился основополагающим в потере казахами своей независимости и государственности. Он солидарен с А. Букейхановым, указавшего на вынужденный характер принятия казахами российского подданства.

Составной частью данной проблемы является история национально-освободительной борьбы казахов против колониального ига. Анализ работ А. Букейханова, Х. Досмухамедова, М. Ауэзова, М. Жумабаева и других свидетельствует о закономерном научном, художественном интересе к данной проблеме, обусловленном попыткой осмысления исторического опыта предшественников в их борьбе за национальную независимость. Особое место в них занимают работы по истории движения Кенесары Касымова (1837-1847 гг.). При этом важным представляются суждения и выводы представителей национальной интеллигенции относительно самой личности Кенесары Касымова, ибо данный вопрос непосредственно был связан с проблемой роли лидера в переломные исторические периоды развития казахского общества.

Так, еще до революции, А. Букейханов, исследуя «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи», подробно охарактеризовал основные этапы принятия казахами русского подданства. При этом посчитал необходимым отметить тот факт, что «признав свою зависимость от русского правительства, киргизы (казахи - авт.) не сразу смирились с этим положением и даже пытались потом снова восстановить свою независимость, но эти попытки закончились неудачей». Эту попытку А.

Букейханов связал с именем Кенесары Касымова, который «пытался поднять под свое знамя весь киргизский народ» [85]. Однако они не увенчались успехами, так как огромная масса кочевого населения осталась равнодушной к воззванию Кенесары. Свое замечание автор оставил без объяснений, ограничившись общими фразами о смелости и удалстве Кенесары и его сподвижников, что осталось в народной памяти. Видимо, из-за цензурных ограничений и запретов он не смог дать должную оценку движению и самой личности хана Кене.

К истории движения Кенесары Касымова он вернулся уже в советское время, опубликовав «Материалы к истории султана Кенесары Касымова» в 1923 г. Эту работу А. Букейханов посвятил памяти своего отца, сопроводив оригинальным стихотворением:

«За годом год хромали годы, Но дух его бунтарской воли,
Прошло их много с той поры, Его борьбы кровавый след,
Как вольный сын степной свободы, Был маяком киргизской голи,
Казнен батыр Кенесары. До дней свободы, дней побед»

Обращают на себя внимание слова автора о том, что борьба Кенесары вдохновляла прежде всего простой народ. Учитывая новую историческую обстановку, приоритет классового принципа в оценках исторического прошлого, А. Букейханову необходимо было подчеркнуть всенародный характер движения для объективной оценки истории движения Кенесары Касымова. Автор считал ошибочными характеристики некоторых современных исследователей, отражавшие те, что в свое время были даны колонизаторскими чиновниками: «Историки Туркестана только вскользь упоминают о нем, - отмечает А.Букейханов,- и видят в нем стремление добиться ханского достоинства». А между тем, он признает личность Кенесары как «крупную величину, ...стремящегося всеми средствами достичь объединения для борьбы с захватными действиями русского правительства» [86].

Раскрыть истинные мотивы действий хана или, как выражается автор, «выяснить настоящую физиономию Кенесары Касымова», это дело будущих историков. Приведенные далее воспоминания Калигулы Алибекова - участника описываемых событий, раскрывают трагические страницы последних сражений Кенесары, его брата Наурызбая и их сподвижников с киргизскими манапами.

Таким образом, А. Букейханов очертил главные контуры будущих исследований по истории национально-освободительного движения Кенесары Касымова: личность самого Кенесары Касымова как руководителя восстания, его взаимоотношения с основной массой казахского населения, причины поражения. В силу объективных причин, прежде всего, негативного отношения к нему со стороны советских властей А. Букейханову, как и в условиях российского самодержавия, не удалось самому исследовать эти проблемы.

Попытки выяснить природу народных движений, роль лидеров в истории казахского народа были предприняты Х. Досмухамедовым. Цикл его исторических работ посвящен изучению национально-освободительной борьбы казахского народа под предводительством Срыма Датова, Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова, Кенесары Касымова. При этом Х. Досмухамедов рассматривает данные восстания как единый непрерывный процесс развития национально-освободительного движения казахского народа в период колониализма. Основной лейтмотив его исследований - выяснение проблемы взаимоотношений основной массы народа и руководителей, роль последних в исторических событиях Степного края.

Также как и А. Букейханову Х. Досмухамедову было важно выявить причины поражений этих восстаний, исходя из комплексного анализа традиционных социальных отношений в самом казахском обществе и постепенного их разрушения под влиянием, прежде всего, внешних факторов. В условиях усиления российского колониального присутствия в регионе, ликвидации ханской власти, отчуждения пастбищных земель, роста налоговых платежей происходил постепенный рост оппозиционных выступлений казахской знати. Поэтому Х. Досмухамедову необходимо было определить степень влияния представителей верховной власти на умонастроения своих соплеменников, ибо в этом, считал он, кроется причина побед и поражений.

Вопросы культурного наследия в деятельности казахской интеллигенции теснейшим образом переплетаются с выбором дальнейшего пути развития казахского общества, необходимостью его тесной связи с историческими и культурными особенностями народа. Так, национальная интеллигенция выступила за эволюционный путь изменения. Такой подход национальной интеллигенции противоречил основным установкам Советской власти. М. Дулатов по этому поводу писал: «Большевики против мнения о том, что в один день нельзя изменить обычаи, нравы, быт народа» [87]. Наиболее ярко прослеживается идея эволюционного развития у С. Садвакасова, который писал: «Хозяйство Казахстана изменяется с каждым годом. Такие перемены в разные периоды своей жизни переживает любой народ. Такова историческая закономерность [88].

Солидарны с ним были С. Садвакасов, Т. Рыскулов, С. Мендешев. Казахская интеллигенция, не согласившись с принципом национализации земли, считала, что казахская земля должна являться национальной собственностью казахов. Этой точки зрения придерживались Ж. Мынбаев, Н. Нурмаков, К. Токтабаев, С. Садвакасов, А. Букейханов. Свой вынужденный переход на сторону Советской власти алашская интеллигенция рассматривала как возможность предотвращения очередной катастрофы для казахского народа.

Большое внимание представители казахской интеллигенции уделяли исследованию народного фольклора. В послеоктябрьский период работа по изучению казахского культурного наследия возглавлялась Казахской

научной комиссией. Важнейшей задачей комиссии являлась научная обработка огромного этнографического материала, собранного учеными.

Председатель комиссии Х. Досмухамедов в 1921 году отмечает: «Разработка и систематизация собранных двумя экспедициями по Сырдарьинской и Семиреченской областей этнографических материалов. Этот материал для своей разработки и систематизации потребует значительного времени. На разборку его придется обратить особое внимание, чтобы определить его научную ценность» [89].

В докладе Казахской Научной Комиссии говорится о том, что было сделано по сбору памятников народного творчества. «В Кир.Науч.Ком. имеется огромное собрание киргизской народной литературы.

Эта литература состоит из трех частей:

- 1) Материалы, собранные этнографом Диваев в течение 34 лет по Туркестану.
- 2) Материалы, собранные по Семиреченской области.
- 3) Материалы, собранные по Сырдарьинской области Диваевский материал описан, систематизирован и часть переписан по новой орфографии для печати.

По Семиреченскому материалу составлена опись. По Сыр-Дарьинскому материалу составляется опись» [90].

Ценность данной работы, считал Х. Досмухамедов, не только в его научной значимости, но и в том, что этот материал «является книгой для чтения детей школьного, дошкольного возраста, и пособием по изучению грамматики и теории словесности киргизского языка» [91].

Значительный вклад в изучение истории и культуры казахского народа внес сам Х. Досмухамедов. Так, им написаны статьи, посвященные этнографии и истории казахского народа: «Оратор Шернияз», «Предание о том, как был построен медресе Кугельташ в Бухаре» (1927), «Родословная Жаланташ-батыра, воздвигнувшего медресе Телли-Кары Шиддар в Самарканде» (1928), был опубликован очерк «Устная литература казахского народа», посвященный теоретическим вопросам казахского фольклора.

Х. Досмухамедов придавал большое значение изучению культурного наследия казахов, им были изданы сборники произведений устного народного творчества: «Слова Мурат-акына» (1924), «Исатай-Махамбет» (1925), «Аламан» (1928). Досмухамедов осуществил подробный анализ различных жанров казахского народного творчества. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: эпос (жыр) – героический, исторический, животный; сказки (ертек), пословицы и поговорки (мақал және мәтел), загадки (жұмбақ), приметы (ырым сөз), скороговорки (жаңылтпаш), поверия, легенды и т.д [92].

Такой подход к результатам научных изысканий, имевший конкретно-прикладной характер способствовал бы овладению знаниями широких масс. Необходимость в этом для казахов, считал Х. Досмухамедов, заключается в том, что «современная эпоха - эпоха культуры. Только знания приведут к

культуре. Знания сами по себе не приходят, чтобы овладеть ими надо много трудиться».

В удостоверении Народного комиссариата просвещения Туркестанской республики, выданном М. Жумабаеву указывается: «Государственный Ученый Совет Наркомпроса Туркестанской Республики настоящим уполномочивает сотрудника Киргизской Научной Комиссии тов. М.Е. Жумабаева вести переговоры с учреждениями, издательствами и частными лицами по вопросам этнографии, педагогики и другим отраслям, имеющим отношение к научной культурно-просветительской работе коренных народностей Туркестана, главным образом, в области Киргизоведения» [93].

Активными собирателями народного фольклора были и многие другие деятели казахской интеллигенции: Ахмет Байтурсинов, Миржакуп Дулатов, Алимхан Ермеков, Магжан Жумабаев, Кошмагамбет Кеменгеров, Жумахан Кудерин и т.д [94].

Значительную роль в сборе, сохранении и издании произведений из культурного наследия выдающихся казахских сыграл Сабит Муканов. Еще в 1924 году в статье «Казахская литература и Ибрая» пишет о том, что стихи Ибрая – это чистейший казахский язык. Высоко оценивая литературное наследие Ибрая Алтынсарина Сабит Муканов считал необходимым собрать сохранившиеся благодаря устной передаче стихотворные произведения Ибрая и издать их в полном объеме.

Большую роль в сборе, изучении и сохранении культурного наследия казахов сыграл М. Ауэзов. Весной двадцать третьего года М. Ауэзов по предложению крупного этнографа, историка и фольклориста А. Диваева, принимает участие в научной комиссии в Чингизскую волость Каркаралинского уезда «для сбора и приемки сохранившихся рукописей переводов работ Дрейпера, Льюиса, Спенсера» и оригинальных трудов Абая – философских заметок и стихов. Спутниками Ауэзова были Х. Досмухамедов и М. Жумабаев.

Летом 1925 года Мухтар Ауэзов отправляется в экспедицию по аулам Семиречья, собирая образцы песенно-фольклорного творчества казахов. Незадолго до этого он успевает застать последнюю в истории Каркаралинскую ярмарку с ее прославленными айтысами – состязаниями акынов. Результатом этих путешествий стала объемная статья «Казахское народное творчество и его поэтическая среда» с ключевым тезисом: «Ни один значительный факт в жизни казаха не проходит для него просто так, не будучи отмеченным хотя бы давно устоявшейся традиционной формой поэтического слова. Несомненное, неколебимое, полновесное значение поэтического слова, унаследованное, как устойчивая традиция, от далекого прошлого казахов и до настоящего времени, для огромного большинства степного населения не потеряло... своего актуального значения» [95].

В 1926 году М. Ауэзов заключает с Наркомпросом Казахстана договор на издание уже написанной «Истории казахской литературы» на казахском

языке, едва отпечатанный тираж которой идет под нож. Редакция Большой Советской Энциклопедии предлагает М.Ауэзову заказ на составление словника и написание статей о заметных фигурах казахской и киргизской литератур.

По окончании Ленинградского университета в августе 1928 года Мухтар Ауэзов продолжает образование в аспирантуре при восточном факультете Среднеазиатского государственного университета г. Ташкента. Изучая литературу «средне-азиатских тюрков» и эпос «Манас», он старается разгадать тайну долголетия и неиссякаемой поэтической энергии этого памятника. Результат – научное исследование «Сказители «Манаса» и слушательская среда». В 20-е годы, пору научной юности и писательской зрелости, М. Ауэзов становится профессиональным ученым-фольклористом. В учебном пособии «Әдебиет туралы» М.О. Ауэзов подробно анализирует различные жанры казахского народного творчества. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: героический эпос («Кобыланды», «Ер Тарғын», «Ер Сайын»), исторический, животный, сказки (ертек), легенды (аңыз), пословицы (мақал) и поговорки (мәтел), загадки (жұмбақ) и т.д. « [96].

Таким образом, следует отметить, что М.О. Ауэзов проделал огромную работу по сбору и систематизации устного народного творчества своего народа.

О.Исаев также придавал огромное значение сохранению культурного наследия казахов. 21 ноября 1931 года он писал наркому просвещения Садвокасову: «Мне кажется, что у нас бесповоротно пропадает огромное количество ценнейших материалов, имеющих большое культурное и историческое значение, как-то: 1) Песни Абубакириулла «Гумар Карашев», Даукен Чулаков (Зап. Казахстан), Абай и др.

2) Многочисленные «ШЕЖИРЕ», целые поэмы передаваемые наизусть из поколения в поколение...» [97].

По его мнению, требовалось в срочном порядке заняться сбором и систематизацией этих материалов, а главное, необходимо было пропагандировать это ценнейшее наследие.

Одним из важных направлений научных изысканий 20-х гг. было изучение богатейшей казахской национальной музыкальной культуры. В 1920 г. музыкальный отдел художественного сектора Наркомпроса Туркестана обязал отделы народного образования собирать сведения обо всех выдающихся народных певцах и певицах, игроках на домбре и других народных музыкальных инструментах, сочинителях народной музыки. Предлагалось также сообщать все сведения о лицах, изучающих музыкальный фольклор, об известных мастерах по изготовлению национальных музыкальных инструментов.

В 1920 г. в Оренбурге возникло Общество изучения Киргизского края. В качестве основной задачи оно ставило всестороннее изучение Казахстана в

историко-археологическом, естественно-географическом и этнографическом отношении [98].

В 1927 году вышла в свет работа Т. Рыскулова «Казахстан», в котором описываются традиции и обычаи, образ жизни, быт, культура, религиозные верования, жилище казахов [99].

Восстановление народных праздников и введение их в практику всенародного празднования явилось крупным вкладом в сохранение традиционной культуры и культурного наследия казахов. Эта заслуга по праву принадлежит Т. Рыскулову. Благодаря его деятельности в Казахстане стали праздновать наурыз. «Согласно постановления ЦИК Советов Турк.Сов. Респ-ки РСФ от 20 сего марта, постановлено: день 22 марта считать всенародным праздником «Начала Весны - Наурыз» [100].

С. Асфендияров внес важный вклад в развитие академической науки Казахстана. В 1931-1933 гг. он является заместителем председателя Казахстанской базы АН СССР, возглавляет комиссию научной консультации и пропаганды, историко-археологическую комиссию, комиссию казахского словаря и, кроме того, являлся заведующим сектором истории Казахского научно-исследовательского института национальной культуры. Автор многих работ по истории Казахстана, он являлся также способным исследователем-филологом и писателем. Написал повесть «Шатер мира» о жизни народов Востока, статьи о казахском эпосе и национальной культуре.

С.Д. Асфендияров в 30-ые годы высказывал некоторые интересные с научной точки зрения мысли об этногенезе казахского народа, делении его на три жуза, одним из первых утверждал, что казахи как этнос в своем историческом развитии миновали рабовладельческую формацию и т.д.

С.Д. Асфендияров полагал, в частности, что деление казахского этноса на три жуза связано с географическим фактором, поскольку Казахстан естественным образом делится на три части: Семиречье (Старший жуз), Западный Казахстан (к западу от Мугоджар – Младший жуз) и Восточный Казахстан (Средний жуз). Для каждой из этих зон была характерна своя специфика этносоциальных и этнокультурных процессов [101].

В 1930 г. был созван первый всеказахстанский краеведческий съезд. Работа съезда носила научно-исследовательский характер, в ней приняли самое активное участие ученые России (прежде всего – Москвы и Ленинграда). На заседаниях секций съезда были заслушаны важные для развития казахстанской науки в научно-теоретическом и методическом отношении следующие доклады: Асфендияров С.Д. Из истории развития общественных форм на Востоке; Кун В.Н. О систематическом изучении жизненного режима казахов в связи с проблемами этнографии казахов; Руденко С.И. Итоги и перспективы научно-исследовательской работы АН СССР в Казахстане.

В том же 1930 г. был проведен также Всеказахстанский съезд краеведческих музеев. В 1932 г. состоялась Всеказахстанская краеведческая конференция. Данные съезды и конференции способствовали некоторой

активизации краеведческой деятельности в республике. Однако следует отметить, что «в начале 30-х годов, несмотря на проведенные съезды и конференции, в области живой этнографической работы деятельность существовавших краеведческих учреждений дальше более интенсивного сбора экспонатов и обновления музейных экспозиций по существу не пошла... Этнографические экспедиции в начале 30-х годов вообще не работали» [102].

27 февраля 1932 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Казахской базы Академии наук. База была создана в марте того же года. Первым председателем Казахской базы АН СССР стал известный востоковед, тюрколог академик АН СССР А.Н. Самойлович. Членом Президиума, а затем заместителем председателя был С.Д. Асфендиаров.

Академик Б.Д. Греков предложил создать в структуре базы Институт истории и археологии, но первоначально были организованы две научные комиссии: Историко-археологическая комиссия и Комиссия казахского языка, которые в 1935-1936 гг. были преобразованы в секторы [103].

В 1933 г. состоялся расширенный пленум Государственной академии истории материальной культуры. На данном пленуме был поднят целый ряд важных в научно-теоретическом и методологическом отношении вопросов, касавшихся подходов к изучению культуры и истории казахов и вообще номадических этносов. Были рассмотрены проблемы этногенеза, этнической истории, культурного развития номадов. Правда, основной лейтмотив данного пленума был все же в марксистском духе:

- были опровергнуты» (а точнее – ошельмованы и подвергнуты жесточайшему антинаучному остракизму) концепции, признававшие наличие у казахов (и других номадов) даже в XIX-начале XX вв. родового строя;

- были признаны «ошибочными» теории о существовании особого азиатского способа производства, отличного от европейского рабовладения и феодализма;

- были указаны задачи «дальнейшего изучения патриархально-феодалных отношений у казахов с позиций марксистско-ленинского учения и в интересах социалистического строительства».

В 30-е годы в казахской науке интенсивно насаждались «марксистские», а точнее псевдомарксистские методологические положения, поскольку те, кто их насаждал сами не читали не Маркса, ни Ленина, ограничиваясь трудами Сталина и беглым просмотром последних постановлений партии и правительства.

В 1936 г. была создана Комиссия по истории казахского народа. Данному вопросу было уделено столь пристальное внимание партийного и государственного руководства, что первым председателем Комиссии по истории казахского народа был избран (пусть и формально) бывший в тот период первым секретарем республиканской парторганизации Л. Мирзоян.

В 1935-1936 гг. началось некоторое оживление деятельности Общества изучения Казахстана. «Все эти мероприятия создали необходимые условия

для нового подъема научных исследований в Казахской республике, для подготовки национальных кадров историков, археологов, этнографов» [104].

В 1935-1936 гг. С.Д. Асфендиаров совместно с известным этнографом, профессором П.А. Кунте впервые в советской литературе опубликовал сборник источников, документов и материалов по истории и этнографии казахского народа «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» в двух томах.[105]. Книга содержит многочисленные извлечения из трудов античных, древневосточных, средневековых авторов, содержит интереснейшие сведения по истории и этнографии не только казахского народа и его предков, но также и других народов Центральной Азии. Для своего времени это был значительный шаг вперед по расширению источниковедческой базы историко-этнографических исследований. Этот сборник не потерял своего исторического, этнографического, общенаучного значения до сих пор.

В то же время сбором произведений устного народного творчества занимался целый ряд научных экспедиций в 1934-1940 гг. Такие исследователи как Б.Г. Брусиловский, Б.Г. Ерзакович, А. Жубанов и др. систематически изучали музыкальный фольклор казахского народа. Правда, следует отметить, что «в труднейшем положении, в условиях тоталитарной политизации науки находились работники музеев... Включение в состав этнографических экспозиций экспонатов из жизни и быта коренного населения поощрялось, как правило, лишь тогда, когда эти экспонаты отражали бедственное положение низших слоев общества, «эксплуатируемых масс».

Наличие в экспозиции изделий народных мастеров-умельцев (золотошвеев, ювелиров, кружевниц и других, образцов праздничной утвари, одежды, головных уборов и т.п.) было чревато обвинениями в пропаганде кулацкого быта, воспевании образа жизни эксплуататорской знати. А отсюда нередкая практика увольнений за утрату классово-бдительности. И в этой сфере науке насильственно навязывались чуждые ей апологетические функции; стремление превратить гуманитарные науки, в исполнительницу воли административно-командной системы» [106].

В 1936 г. в Москве была устроена Выставка казахского народного искусства, в 1937 г. экспозиция Казахстана принимала участие в Выставке музыкальных инструментов народов СССР.

В целом следует отметить, что период 1930-ых годов характеризовался в развитии казахской науки двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, развивался институциональный потенциал науки, росло число учреждений и организаций, занимавшихся научными исследованиями, появлялись новые теоретические и методологические подходы.

С другой стороны, осуществлялся прямой геноцид по отношению к ценнейшим научным кадрам – этнографам, историкам, археологам, краеведам. Это не могло не сказаться на общем уровне казахстанской науке, которая была спасена от полного разрушения и забвения трудом и заботами

чудом уцелевших в сталинско-ежовско-бериевской «мясорубке» ученых, подлинных подвижников науки. В дело спасения народа от этой катастрофы активно включились К. И. Сатпаев, М. О. Ауэзов, А.Х. Маргулан.

Несмотря на то, что 1930-е гг. XX века явились сложным и трагическим периодом в истории Казахстана в целом, и его науки – в частности, тем не менее, развитие науки не остановилось. Напротив, казахский народ показал жизнеспособность своей интеллектуальной элиты, на смену ученым, погибшим в период необоснованных репрессий встали новые научные кадры, подготовленные для работы в самых сложных социальных условиях. Благодаря этому следующий исторический период развития казахской науки характеризуется многими достижениями.

Методические рекомендации:

При изучении данной темы необходимо обратить внимание на противоречивость становления научных учреждений в Казахстане, разногласия в вопросе изучения и интерпретации истории и культурного наследия казахов между казахскими интеллигентами и представителями Центра.

Контрольные вопросы к теме:

1. Какое значение в развитии культуры играли проблемы сохранения казахской истории и культурного наследия?
2. Когда и с какой целью было создано Общество ревнителей казахской культуры «Талап»?
3. Какова роль М. Тынышпаева в сохранении культурного наследия казахского народа?
4. Какова роль А.Букейхана в изучении казахского эпоса и фольклора?
5. Какое значение придавала казахская интеллигенция исследованию истории?
6. Какие события казахской истории находились в центре научных интересов казахской интеллигенции?
7. Какие цели стояли перед Казахской научной комиссией?
8. Какую роль в сборе, изучении и сохранении культурного наследия казахов сыграл М. Ауэзов?
9. Кем было осуществлено восстановление народных праздников и введение их в практику всенародного празднования в Казахстане?
10. Какой вклад в развитие науки внес С. Асфендияров?
11. Когда и с какой целью было принято решение о создании Казахстанской базы Академии наук?
12. Какая помощь была оказана Центром в становлении научных учреждений в Казахстане?

Тема 5. Вопросы языка, искусства и религии

Цель: Раскрыть особенности становления профессионального искусства, выявить разные позиции по поводу перевода казахской письменности на латинский шрифт и кириллицу, уточнить и конкретизировать позиции интеллигенции и большевиков по поводу религии.

Основные понятия по теме: отделение религии от государства, мусульманский пролетариат, антирелигиозная пропаганда, реформа алфавита, реформированная арабица, нацтеатр.

Религия играет важную роль в жизни каждого народа и является составной частью его культуры. Однако, большевистское правительство считало необходимым оторвать человека и народ от религии и поэтому пошло в наступление против нее. 20 января 1918 г. В.И. Лениным был учрежден «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Данный документ не был направлен на «уничтожение» или «запрещение» церкви и религии и не запрещал быть верующим или атеистом.

Но уже в марте 1918 г. становилась очевиднее потребность в специальном органе, который бы организовал и контролировал деятельность местных органов власти в реализации положений декрета, координировал действия комиссариатов и других центральных органов, касающихся «церковной политики», и вместе с тем мог бы давать квалифицированные разъяснения декрета и других законов. 8 апреля 1918 г. Совнарком принимает постановление, обязывающее Наркомюст образовать специальную комиссию для выработки в «срочном порядке» инструкции по проведению в жизнь декрета. В постановлении специально оговаривалось участие в ее разработке представителей религиозных организаций. Однако на местах складывались определенные условия для противодействия правительственной агитации и деятельности духовенства и церковных активистов, особенно это касалось национальных окраин. Это понимали и большевики. Так, выступая на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин говорил: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после опыта с попами, помогло нам их скинуть... Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: мы скинем ваших эксплуататоров? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно [107].

Надо сказать, что большевики насильственно и ускоренно провели «дифференциацию пролетариата», физически уничтожили предводителей политических и религиозных организаций, на штыках провели в жизнь свои программные установки. Факты неопровержимо свидетельствуют, а факты не подлежат дискуссии и они есть «мускулы истории», что в течение 2-3 лет красноармейские отряды покончили с антисоветскими силами. Надо отдать должное, силы эти были огромные, представляли всю совокупность мусульманских и демократических политических организаций. Они отчаянно

пытались остановить развитие и углубление революции среди местного населения. В апреле и сентябре 1917 года по инициативе «Шурой Исламия» и «Шурой Уламо» состоялись съезды мусульман Туркестана, а также съезд туркестанских и казахских мусульман, на котором присутствовали около 500 представителей областей Туркестанского края, Тургайской и Уральской областей Казахстана. В октябре 1917 года прошел съезд мусульман Сыр-Дарьинской области.

Протесты мусульманских съездов, их резолюции не были реализованы, не нашли широкой поддержки у народов Туркестана. Лидеры этих организаций не имели серьезного политического опыта, не прошли суровую школу классовой борьбы. Потому и не выдержали натиска отрядов Советов.

В представлениях казахской интеллигенции новой волны национальная и конфессиональная принадлежность были идентичными понятиями. Признавая и требуя усиления большевистского влияния в Казахстане, они тем не менее полностью ассоциировали казахов как мусульман. Так, в резолюции 1 съезда КП Туркеспублики «О партийной работе среди мусульманского населения» говорится: «В широкие массы мусульманского пролетариата необходимо внедрить идеи классовой борьбы и приобщить его к единой и тесной семье международного пролетариата. Работу эту необходимо провести быстрым темпом для углубления и расширения завоеваний социальной революции» [108].

Для широкого вовлечения мусульман Казахстана в партийное строительство лидеры Туркестанской республики считали необходимым признание языка местного населения государственным, организацию отделов по национальным делам, печати на языках коренных наций. В вышеупомянутой резолюции требовалось «немедленно провести в жизнь следующие положения, характеризующие автономию Туркестана, созданную для раскрепощения мусульманского пролетариата:

1. Для привлечения широких мусульманских масс к строительству новой жизни, признание языка местного населения, преобладающего во всей республике - тюркского - государственным, наряду с русским, со всеми мероприятиями отсюда вытекающими.

2. Образование при всех областных, уездных и местных Совдепах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе.

3. Обязательное издательство всех официальных органов на русском и мусульманском языках.

4. Организация при ЦК подготовки кадров опытных партийных работников для пропаганды среди мусульманского пролетариата идей классовой борьбы и коммунизма, идеала, к которому стремится международный пролетариат.

5. Оказание полнейшего доверия мусульманскому пролетариату, осуществив организацию необходимой для защиты социалистической родины Красной Армии из среды мусульманского пролетариата.

б. Издательство партийной литературы на мусульманском языке, являющееся необходимым и важным подспорьем в работе партийных аппаратов среди мусульманского пролетариата» [109].

Только при проведении в жизнь этих положений считали лидеры Турккеспублики мусульманский пролетариат проникнется идеями Интернационала.

Однако, в вопросах религиозного образования практически все казахские интеллигенты стояли на позициях развития светских школ. 14 декабря 1918 года Наркомнац просвещения Турккеспублики приказом №6486 прекратил какую-либо финансовую поддержку классическим мусульманским мактабам и поручил местным органам выяснить их готовность к реформированию и обретению советского общереспубликанского облика [110]. Всем старометодным мактабам предлагалось в качестве начальной меры перейти на новометодное обучение.

20 мая 1919 года коллегия Наркомпроса Туркестана впервые официально обсудила вопрос о мусульманских мактабах. Нарком С. Абдусаттаров, члены коллегии Горький, Кастецкий, Богот, Миронов, И.Тохтыбаев, С. Ходжанов по докладу заведующего отделом «О закрытии мусульманских мактабов и об организации для их учителей летних педагогических курсов» приняли решение: дабы не давать повод для возмущения коренного населения, мусульманские мактабы не закрывать, а ограничиться прекращением им субсидий и кредитов из государственной казны [111].

На середину 20-х годов приходится пик религиозного оживления населения в Казахстане. Судя по архивным документам, мусульманские учреждения действовали почти во всех областях Казахстана и объединяли служителей культа разных национальностей: казахов, уйгур, дунган, узбеков, татар. К 1924 г. в республике насчитывалось несколько десятков религиозных школ, действовало мусульманское судопроизводство, строились мечети, отмечалось возрождение суфийской практики.

Казахское духовенство, ранее распыленное, после 1923 г. вошло в состав Центрального духовного управления мусульман России и Сибири в г. Уфе. Примечательным фактом первого десятилетия советской власти стала благотворительность мусульманской общины, особенно в южных областях, в оказании финансовой помощи новым адресатам: местным органам власти, профсоюзам, комсомолу и так далее. Это свидетельствовало о том, что новые порядки, вводимые новой властью, в том числе идея отделения религии от государства, еще не укоренилась в обществе, оставшемся по своей сути патриархальным.

Взгляды казахских интеллигентов на роль ислама убедительно и доказательно высказал Н. Тюрякулов в статье «К вопросу об антирелигиозной пропаганде на Востоке». Так, он писал: «Серьезная антирелигиозная пропаганда в Средней Азии, как везде должна предполагать наличие двух существенных вещей: 1) знание Ислама и 2)

знание местной среды, ее социальных, экономических и бытовых отношений. Только при соблюдении этих двух условий антирелигиозная пропаганда может вестись под углом вскрытия классовой сущности Ислама в данное время и в данной среде» [112].

В 1928-1929 годах вошло в силу дискриминационное законодательство, направленное против служителей культа и проповедников всех конфессий. Им стало гораздо труднее находить кров и работу, а их детям был закрыт доступ к высшему образованию. Закон о религиозных обществах (действовавший с 1929 почти до конца 80-х годов) существенно ограничивал права верующих и практически ставил вне закона такие виды деятельности, как воспитание собственных детей в религиозном духе, получение духовного образования, миссионерскую деятельность, сбор денег на религиозные нужды и благотворительную деятельность. В то же время усиливалась антирелигиозная пропаганда, стало обязательным атеистическое воспитание в школах и вузах, публиковалось большое количество атеистической литературы, а также создавались советские праздники, замещающие религиозные, например, советская версия празднования конца Рамазана, Троицы, Рождества.

Следующим откликом на «злобу дня» стало постановление ЦИКа и СНК СССР от 11 февраля 1930 г. «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». В нем говорилось: «Предложить правительствам союзных республик поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, пересмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них кулаков, лишенцев и иных враждебных лиц Советской власти» [113].

В Казахстане, как и по всей стране, начинается массовое закрытие церквей, администрирование в отношении верующих и религиозных организаций. Например, в Актюбинском, Кустанайском и Тургайском уездах до постановления функционировало 93 православных церкви и молитвенных дома, на каждый из которых приходилось 3498 человек, то после были закрыты 82 религиозных учреждения и число верующих сократилось в 200 раз.

Введение в 1929 г. латинской графики взамен арабской должно было ослабить позиции ислама в обществе, привести к унифицированию культурного пространства, основой которого должна была стать культура советского человека, и последовавшая замена латиницы кириллицей, обеспечила успех приобщения казахов к «пролетарской культуре».

Почему большевики так яростно боролись с казахским языком. Хорошо известно, что письменность, кроме просветительского значения, имеет еще и ярко выраженный идеологический и политический характер. С этой точки зрения письменность обладает своеобразным дополнительным цензурным свойством. Культура, насаждающая свои ценности в чуждой среде, должна быть уверена, что эти ценности прочно оседают в умах людей,

а потому ею контролируются не только слово и мысль, но и способ, посредством которого эти слова и мысли воплощаются в книгах и газетах. Письменность как действенный рычаг контроля за умонастроением социума, своего рода обезличенный цензор, естественно, наталкивается на сопротивление той части социума, против которого направлен этот контроль. Насаждаемая и цензорская по своей сути письменность не способна к созиданию, ее возможности ограничены, и при малейшей возможности насильственное закрепление такой письменности преодолевается.

Известно, что коммунистическое сознание нацелено в своих идеологических и политических прокламациях на людей малообразованных и интеллектуально не искушенных. В самой России сразу после прихода большевиков русская орфография была упрощена (в 1918 г.). Эта реформа вызвала возражения многих интеллектуалов, протестовал Александр Блок, а выдающаяся русская поэтесса Марина Цветаева в письме Константину Бальмонту придавала реформе явный идейно-политический аспект: «Милый Бальмонт! Не заподозри меня в перемене фронта: пишу по-старому, только печатаюсь по-новому».

Реформистская деятельность большевиков в области письменности была перенесена и в Центральную Азию в целом, и в Казахстан в частности. Большевики сначала перевели письменность центрально-азиатских народов с арабской на латинскую графику, а затем в конце 30-х гг., посчитав этот шаг недостаточным, провели и вторую реформу. С латиницы Центральная Азия перешла на кириллицу, т.е. на славянский шрифт. И более того, с самого начала арабская графика стала преследоваться, а хранителей книг на арабской графике подвергали репрессиям. Сама письменная культура Центральной Азии, целиком основанная на арабской графике, быстро и бесповоротно гибла.

То, что сделали коммунисты с арабской письменностью и книгами на арабской графике в Центральной Азии – одно из величайших их преступлений против мировой культуры. Письменность – это одно из важнейших средств фиксации исторической памяти. Известный русский писатель Андрей Платонов сказал: «Без меня народ неполный». Неполнота памяти казахов насчитывает сотни имен. Коммунисты, вводя в обиход русскую графику и преследуя русификаторские и политические цензорские цели, абсолютно не заботились о сохранении письменной культуры подвластных народов. Это им было не нужно, любая иная культура рассматривалась ими как нечто маргинальное по отношению к базисной культуре русского народа.

Можно подытожить сказанное: насильственный перевод на новую графику лишает культуру исторической памяти, лишает ее существенной части самой себя. Без национальной графики язык утрачивает одну из своих основ, свой дух, свою гибкость, утрачиваются секреты и тонкости языка, исчезает его своеобразие. На смену приходит язык обыденный, не могущий оказать существенного сопротивления чужеродным влияниям.

В 20-ые годы XX века в среде казахской интеллигенции шла борьба различных течений за реформу алфавита. Можно выделить несколько основных направлений:

- а) за сохранение неизменного старого арабского алфавита,
- б) введение реформированного (известным ученым А. Байтурсыновым) нового арабского алфавита, больше учитывавшего особенности казахского языка,
- в) за переход к латинской графике [114].

Ахмет Байтурсунов, основатель «Казаха» и выдающийся лидер партии Алаш-Орды, отнесся к социальному изменению, инициированному в пределах страны как наиболее основному фактору в успешном сопротивлении колониализму. В статье «Казаха» в первый выпуск 2 февраля 1913 года, он писал: «Что нас ожидает в будущем? Согласно историческому развитию, которое мы наблюдаем, нетрудно определить, что если новоприходцы сильнее в культурном смысле, чем местное население, тогда будущие будут поглощены на протяжении времени. И наоборот, если они культурно равные, они будут способны сосуществовать, иметь равные права и сохранять их национальную уникальность. Эти дни экономические перемены в кыргызском (казахском) обществе неизбежны. Само существование кыргызской (казахской) нации стало острой проблемой. Чтобы сохранить наше существование, мы должны бороться за образование (на казахском языке) и развитие культуры. Мы должны развивать нашу собственную литературу на казахском языке. Только тот народ, который был успешен в создании своей литературы, может независимо существовать» [115].

А. Байтурсынов как ученый продолжил свои исследования в области казахской лингвистики, совершенствуя и разрабатывая арабскую графику. В статье «Правописание», опубликованной в журнале «Айкап» еще в 1912 г., он отмечал главную проблему - несоответствие звуков казахского языка с их графическим оформлением. Этому посвятил свое исследование А. Байтурсынов, разрабатывая и совершенствуя казахский алфавит. В результате кропотливого и тщательного изучения и отбора звуков казахского языка и арабской графики к 1924 году была создана оригинальная «байтурсыновская орфография». По признанию крупнейшего российского языковеда с мировым именем Е.А. Поливанова именно эта орфография не нуждается в исправлениях, представляет последний шаг в «историческом формировании национальной графики, которым могут гордиться киргизские (казахские) деятели просвещения - создатели реформы, как культурным завоеванием» [116].

В развернувшейся в это время дискуссии о переходе на латинскую графику, А. Байтурсынов, отстаивал необходимость сохранения арабской графики. Его главным аргументом являлся тезис о том, что переход на латиницу приведёт к потере национальной духовности и культуры, накопленных веками казахским и другими тюркоязычными народами. Не

отрицая трудности в освоении арабской графики, он предложил продолжить работу по ее усовершенствованию. Свидетельством тому могут служить его иллюстрированные буквари, выдержавшие несколько изданий в 1926 -1928 годах, «Букварь для взрослых» (Оренбург, 1924 г.), «Букварь для красноармейцев» (Семипалатинск, 1926 г.), методические пособия для учителей на казахском языке, «Хрестоматия».

Защитники реформированной арабицы в Казахстане, как и в других республиках, подверглись репрессиям. Ставилась задача перевода письменности на латиницу, которая была объявлена «орудием ленинской национальной политики», «началом культурной революции среди тюрков». Латинизации алфавита тогда подверглось около 20 млн. представителей в основном тюрко-мусульманской культуры» [117].

В 1925 г. на V съезде Советов А. Байтурсынов как ревностный защитник и реформатор родного языка поставил вопрос о возвращении народу подлинного имени, основываясь на его истории и культуре. Делегаты съезда единогласно проголосовали за это предложение и приняли постановление о переименовании «Киргизской АССР» в «Казахскую».

Во всех просветительских трудах Байтурсынова красной нитью проходит мысль о развитии родного языка, сохранении его чистоты, о необходимости его широкого внедрения в массовую национальную школу. Видный педагог-просветитель рекомендовал создать систему национальных школ с родным языком обучения от аульных школ до университетов включительно. Родной язык считал главным наряду с культурно-духовным наследием и традициями средством воспитания и развития чувств и качеств личности. Только после основательного изучения родного языка он рекомендовал приступать к русскому языку. Анализируя состояние грамотности казахов, он пишет, что воспитание и обучение на родном языке имеет много изъянов. В то же время, подчеркивает Байтурсынов, все должны иметь возможность овладеть русской грамотой. Борясь за чистоту родного языка, видный педагог – просветитель писал: «Чтобы не допустить таких казусов (искажений) нужно обучать всякого ребенка, какой бы то ни было национальности сперва на родном языке. И только когда он освоит все тонкости, можно приобщить его к другим языкам. Если мы хотим уберечь наш язык от всякого рода необоснованных заимствований, нам следует усвоить это правило» [118].

Таким образом, рассматривая родной язык как один из важнейших средств воспитания, Ученый-педагог уделял большое внимание его правильному развитию, сохранению его специфических особенностей. Вместе с тем он не отрицал, а, наоборот, подчеркивал важность овладения языками других народов, в частности русским языком.

Историческая значимость деятельности А. Байтурсынова заключается в том, что он создал национальную систему письменности, занимался изучением казахской духовной культуры. Особое место в творчестве великого просветителя занимал труд «Теория словесности» 1928 года

издания, где собраны образцы устного народного творчества и некоторые произведения представителей казахской письменной литературы. Рассматривая вопросы теории воспитания и образования, А. Байтурсинов фундаментом образования и воспитания считал культурное наследие народа, национальные традиции и обычаи. Главным средством воспитания и развития, по его мнению, является родной язык, который отражает душу и историю народа. Огромное значение он придавал казахской литературе, музыке, песенному творчеству и фольклору. В процессе становления новой школы высокие требования предъявлял учителям, их педагогическому мастерству. Не случайно при обучении этим и другим предметам, видный педагог рекомендовал использовать все имеющиеся средства народной педагогики, примеры из фольклорных произведений. Обращение учителей к пословицам, поговоркам, загадкам, сказкам, песням, прикладному искусству, народным обычаям и традициям способствовало более тесному приобщению подрастающего поколения к культурному наследию своего народа. Тем самым в значительной мере повышалось качество воспитания.

М. Дулатов также оставил много ценных идей по вопросам эстетического воспитания подрастающего поколения. Причем наибольшее внимание он уделял воспитанию личности ребенка средствами народного искусства, призывал молодежь к широкому овладению искусствами. В своей педагогической деятельности призывал к широкому просвещению народа, развитию национальной культуры, духовности. Им разрабатывались вопросы формирования самостоятельности, творчески активной личности. Особое внимание в своей просветительской деятельности ученый-педагог уделял воспитанию подрастающего поколения. Фундаментом духовного воспитания он считал культурное наследие казахского народа.

Тесно связанным с родным языком, музыкой средством воспитания Жумабаев считал устное народное творчество, народную литературу: сказки, легенды, пословицы, поговорки, наследие великих предков – жырау, акынов, известных поэтов. Отмечая сильное развитие у казахских детей воображения и фантазии, он указывал на необходимость повседневного использования литературных богатств в эстетическом воспитании ребенка. «Сказки не имеют цены в духовном обогащении детей, для развития ума, языка, мысли и поднятия настроения. Дети не понимают простых назидательных слов, но зато хорошо понимают образно сказочные» [119].

В своей педагогической системе особое место Жумабаев, как и известный педагог Ушинский, уделял воспитанию ребенка в стихии родного языка, раскрывая в ярких образных красках и неисчерпаемые возможности его в формировании гармонически развитой личности. Ученый-педагог с восхищением отмечал: «В казахском языке отражены то тихая, безветренная ночь, то ураганная желтая степь, длительные перекочевки с места на место, медлительный и спокойный характер народа. Как широка степь, так широк и богат казахский язык» [120].

В языке, указывал Жумабаев, отражаются быт, обычаи, традиции, культура народа, духовно-нравственные ценности, природа, как место обитания. Освоение языка – это освоение национального духа и народного своеобразия, национальной неповторимости, того, что, что каждый народ отличает от другого. Осознавая значение родного языка в формировании подрастающего поколения, Жумабаев говорил о высоком и духовно – нравственном развивающем воздействии его на учащихся. Известный педагог советовал молодым матерям сделать все, чтобы речь, родные напевы сопутствовали ребенку с рождения: петь ему колыбельные песни, играть на домбре, вести душевные беседы. Поэт приводит текст своей колыбельной песни, безусловно, патриотического характера: молодая мать хочет видеть своего сына смелым, мужественным джигитом.

Будучи преподавателем словесности Жумабаев принимал непосредственное участие в разработке вопросов орфографии, проблем терминологии казахского языка. В 1923 г. ученым – педагогом было написано методическое руководство к учебнику «Родной язык в начальной школе».

Таким образом, особое внимание в педагогических взглядах Жумабаева отводилось роли родного языка в формировании и развитии личности. Познавая всю красоту родного языка, ребенок, считал он, познает душу народа, его духовные ценности и богатую культуру. Любовь к своему народу, родному языку пронизывает все его творчество.

Родной язык

Язык отцов – наследие святое,

Глубокий, острый, сильный, словно крик.

Своих детей заботливой рукою

К себе притянешь, мой родной язык!

М. Дулатов считал язык основной характеристикой нации. Находясь в тюрьме на допросе в 1929 г., в ответ на обвинение в «национализме» он пояснил: «Мы хотим, чтобы наше отечество принадлежало нам». М. Дулатов резко выступил против реформирования арабского алфавита, считая языковую реформу средством разорвать связи народа с письменной историей народа, которая положит начало потере родного языка, отчуждению народа от собственной истории. Он остро почувствовал лицемерие тогдашних деклараций о якобы «государственном статусе» казахского языка и всячески старался отстоять права казахского языка и религии.

Даже перед несправедливым судом он не склонил головы и заявил в последнем своем официальном слове: «Ради будущего своего народа я обязан делать все возможное. Если я заблуждаюсь, то вместе с народом. Рано или поздно, истина восторжествует» [121].

Дулатов выступал за народную школу. При этом он подчеркивал обязательность обучения детей народному языку. Ученый-педагог отмечал: «Материалы родного языка должны отражать дух нации, его традиции, культуру, быт народа». Поэтому казахская школа должна преследовать цель:

давать учащимся не только знания, но и воспитывать их в духе народной педагогики [122]. Подчеркивая воспитательное и образовательное значение родного языка, Ученый-педагог считал, что содержание духовного воспитания должно быть увязано со знакомой для школьника окружающей средой, жизнью и бытом, с учетом национальной психологии, природой ребенка.

Ж.Аймауытов отмечал, что богатство казахов заключается не только в богатых полезных ископаемых, в недрах ее земли, сокровища таит в себе внутренний мир казахов. Это музыка, литература, родной язык. Придавая важное место искусству в духовном воспитании молодежи, ученый-педагог образно сравнил отношение к искусству с обращением верующего к молитве. Ж.Аймауытов важнейшим средством воспитания считал родной язык, который он ставил на первое место в школьном образовании. Родной язык, по его мнению, фундамент воспитания, формирования целостной гармонически развитой личности.

Рассматривая вопросы образования, известный ученый и педагог С.Сейфуллин, основной упор делал прежде всего на родной язык учащихся, посредством которого наиболее успешно усваиваются знания и формируется отношение ребенка к окружающему миру. Рассматривая казахский язык как язык обучения и воспитания, Сейфуллин отмечал, что к нему не относятся как к науке, как к наиболее важному учебному предмету. Преподавателями народного языка в школе нередко работали некомпетентные и безграмотные люди. Это, по его мнению, наносит большой ущерб образовательной и воспитательной деятельности школы [123].

С целью широкого просвещения Сейфуллин переводил русскую классическую литературу на родной язык – Пушкина, Лермонтова, Горького. Чтение русской классики по его мнению, дает возможность выйти из ограниченного круга представлений, вступить в полосу широкого и всестороннего развития.

В своей практической деятельности учитель Сейфуллин, прежде чем приступить к обучению учащихся русской грамоте, старался привить любовь к этому предмету, интерес к жизни и быту русского народа. Ученый-педагог подчеркивал красоту, величие русского народа, его общественную роль, говорил о том, что, зная русский язык, каждый может свободно общаться с русским народом, познать его богатую культуру. С.Сейфуллин еще в то время был инициатором придания казахскому языку статуса государственного. Даже придумал механизм стимулирования для изучающих язык – предложил назначить к окладу 25-процентную надбавку.

В 20-30-х гг. проводилась большая работа по методическому обеспечению школ. В 1921 г. в Семипалатинске отпечатали учебники «Есеп кұралы», «Оқу кұралы» и «Тіл куралы» А.Байтурсынов и М.Дулатов. При Госиздате была образована редакционная коллегия для создания новых учебных пособий, к написанию которых были привлечены А. Бокейханов («География»), М.Жумабаев («История Казахстана», «Педагогика»),

Ж.Аймауытов («Дидактика»), Б. Омаров («Алгебра») и другие известные представители национальной интеллигенции. О роли национальной интеллигенции в развитии изданий на казахском языке свидетельствуют факты из фондов ЦГА РУз. «До 1922 г. Киргизская Комиссия не имела никаких связей с Госиздатом. Киргизские учебники до этого времени печатались очень медленно и небрежно. В начале текущего года Киргизская Комиссия обратила внимание Госиздата на медленное и небрежное печатание книг на киргизском языке. Госиздат принял это заявление чрезвычайно близко к сердцу, и постановил в интересах дела допустить представителей Национальных Научных Комиссий в заседаниях Коллегии. С этого момента Киргизская Научная Комиссия работает в контакте с Госиздатом и достигла многого в ускорении печатания и улучшения в техническом внешнем отношении выпускаемых книг. Нужно отдать справедливость лицам, стоящим во главе Госиздата в том отношении, что они относятся весьма серьезно к улучшению постановки мусульманской печати, в особенности научной и учебной литературы на туземных языках и насколько возможно идут навстречу заявлениям национальных Научных Комиссий» [124].

В 1927-28 учебном годах для казахских школ было издано уже более 30 наименований учебников общим тиражом 575 тыс. экземпляров.

Тяжелый удар по системе образования нанес переход казахского языка в 1929 г. с арабской графики на латинскую. Одновременно с борьбой за всеобщую грамотность власти пытались оторвать казахов от огромного духовного наследия веков, зафиксированных в книгах с арабским шрифтом. Кроме того, даже после усовершенствования А. Байтурсиновым в 1924 г. арабица позволяла казахам читать любые тюркоязычные издания, в т.ч. и выходявшие за рубежом, что считалось политически вредным. Сотням тысяч казахов, умеющим читать по-казахски на основе арабской графики, пришлось вновь стать неграмотными и осваивать новый алфавит. Однако, еще в первой четверти XX в. передовые представители интеллигенции Ирана, Турции, Азербайджана и Казахстана в лице Мирзы Мелькомхана, Али Мухамадхана Увейси, Саида Нафиси, Мирзы-Фатали Ахундова, Халела Досмухамедова, Назира Тюрякулова, Мухтара Мурзина и других на основе тщательного историко-лингвистического анализа пришли к выводу, что арабская письменность не соответствует природе языков народов их стран. После революции 1917 г. с установлением советской власти считалось, что переход на более простую и доступную народным массам графическую основу письма был насущно необходим ввиду экономических и культурных потребностей народов СССР. В тот период попытки советской власти перевести письменность тюркских народов СССР на кириллицу встретили ожесточенный спор и вынудили власть в целях предотвращения возможного истолкования такого решения как рецидива старой, русификаторской политики царизма искать окольные пути, промежуточных переходных ступеней.

Решение V сессии Верховного Совета Казахской ССР от 10 ноября 1940 г. о переходе на русскую графику также осуществлялось в течение нескольких лет, хотя к тому времени кириллица почти полностью вошла в обиход нерусского населения. Периодическая печать Казахстана (в том числе газета «Социалистик Казакстан») в течение ряда лет публиковала материалы в одной и той же полосе на основе и кириллицы, и латиницы. Одновременно, как и в 30-е годы все население было охвачено овладением новой графики. Таким образом, в 20-х - начале 40-х гг. XX века в Казахстане дважды проводилась реформа письменности.

Естественно-исторической и, соответственно, правомерной графической основой современного казахского языка может выступать латиница, поскольку она ближе к рунической письменности тюрков, нежели чем кириллица. К этому, например, стремились и призывали такие великие казахские мыслители как А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Жумабаев, М. Шокай, Ж. Аймауытов, М. Дулатов и другие, которые всегда думали о будущем казахского народа, культуры и языка.

Значительное внимание придавалось казахской интеллигенцией развитию театрального искусства. Благодаря их стараниям: «Казахский государственный драматический театр создан в январе 1926 года под названием «Нацтеатра». Но разногласия, противостояние наблюдались и в сфере театральной деятельности. Творчество многих выдающихся деятелей подвергалось критике, называлось националистическим и считалось, что они препятствуют созданию социалистического театра. Так, в тезисах к 10-летию Нацтеатра первый директор Динмухамед Адилев назывался «отъявленным алаш-ордынцем и контрреволюционером. Сменивший его Байсеитов был объявлен «из того же лагеря. К тому же пантуркист» [125].

По поводу репертуара даже такие замечательные произведения выдающихся казахских писателей, как «Қаракөз» и «Шернияз» были объявлены алашордынскими и вражескими. Так, в тех же «Тезисах» говорилось: «что хотя и был объявлен конкурс на пьесы, но первую премию получила такая пьеса, как «Қаракөз», вторую – «Шернияз», остальные – в этом роде. Все это подтверждает то положение, что театр алашордынцев должен был выполнять функции контрреволюционного, буржуазно-националистического очага» [126].

Новый директор театра Ж. Шанин также приравнивается к контрреволюционерам, ему вменяется в вину постановка пьесы Кеменгерова. «В 1929 году в репертуар театра включается контрреволюционная пьеса Кеменгерова «Кунасыз Кергендер». Местные власти запретили постановку этой пьесу, но директор специально едет в Кзыл-Орду и добивается разрешения на эту постановку».

«Тезисы» констатируют по поводу творческой деятельности театра: «В течение первых пяти лет – полное националистическое влияние» [127].

Критике подвергается и бывший в тот период наркомом просвещения И. Токтыбаев, он обвиняется в поддержке националистов только на том

основании, что считал, что в Казахстане имеются свои театральные кадры и казахский театр не нуждается в приглашении режиссеров из других республик. По этому вопросу авторы «Тезисов» стоят на другой стороне и считают себя представителями пролетарского интернационализма. Так, сообщается: «На одном из совещаний работников искусств председатель группкома Рабис потребовал приглашения для казахского театра крупного русского или татарского режиссера, но был обвинен тогдашним Наркомом Просвещения Токтыбаевым в шовинизме» [127]. На наш взгляд, абсолютно верная позиция наркома, правильно оценившего создавшуюся ситуацию и не побоявшегося обвинений в национализме.

Мировой опыт развития, опыт развитых стран, а также опыт родственных казахам Турции, Азербайджана и Татарстана убеждает нас в том, что герменевтическое движение сознания происходит через национальную письменность, культуру более содержательно и целостно. Вместе с тем, гигантская деформация тела и духа казахской культуры в эти грозные десятилетия, особенно в 30-х годах, когда казахский народ стоял перед гранью физического выживания не породил в толще народного сознания признания своей ущербности и психологии изгоя истории, обреченного на неизбежное угасание и исчезновение с исторической арены. Все последующее развитие казахской культуры, опредмеченной в текстах, оформленных на кириллической графике, несло на себе отпечаток навязанного, контролируемого движения, определяемого из центра другой, пусть и комплиментарной, культурно-цивилизационной идентичностью. Апокалиптические ужасы 30-х годов, развернувшиеся на необъятных просторах Великой степи огненными письменами выжжены в подсознании миллионов простых казахов...

Методические рекомендации:

При изучении данной темы необходимо обратить внимание на различия и совпадения во взглядах казахской интеллигенции и большевиков в вопросах религии и языка. Особенное внимание следует обратить на роль языка в культуре народа и этнической идентификации.

Контрольные вопросы к теме:

1. С какого документа началось наступление большевиков на религию?
2. Что означала «дифференциация пролетариата» в политике большевиков?
3. Каким образом мусульманские и демократические политические организации пытались противостоять большевикам?
4. Какие меры для широкого вовлечения мусульман Казахстана в партийное строительство предлагали лидеры Туркестанской республики?
5. Каковы были взгляды казахских интеллигентов на роль ислама в культуре Казахстана?
6. Как осуществлялось дискриминационное законодательство против служителей культа и проповедников всех конфессий?

7. Каковы были причины перевода казахской письменности на латиницу, а затем кириллицу?
8. В чем заключается значение письменности в культуре народа?
9. Как проходила борьба различных течений за реформу алфавита в Казахстане?
10. Какова роль А. Байтурсынова в сохранении и развитии казахского языка и письменности?
11. Почему первоначальные попытки советской власти перевести письменность тюркских народов СССР на кириллицу не получили поддержки в Казахстане?
12. Какие разногласия и противостояние наблюдались в сфере строительства театральной деятельности в Казахстане?

Тема 6. Большевистская стратегия борьбы с национальной интеллигенцией и формирования новой казахской пролетарской интеллигенции

Цель: Раскрыть особенности и закономерности создания новой интеллигенции в Казахстане; выявить причины изменения стратегии большевиков в сотрудничестве со старой интеллигенцией.

Основные понятия по теме: алашская интеллигенция, пролетарская интеллигенция, спец, бай, аткаминер, социальная сущность интеллигенции.

Нарастающая политизация всех сторон жизни в Казахстане во второй половине 1920-х годов, привела к усилению «разоблачительных», «обвинительных» подходов к алашской интеллигенции в целом. Особенно активизировался этот процесс после 3-й Всеказахстанской партконференции, рассматривавшей наряду с другими вопросами и идеологическую ситуацию в крае. Выступавший на конференции секретарь ЦК РКП(б) Е. Ярославский обвинил руководящих казахских работников республики в приверженности к идеологии Алаш-Орды и в целом в националистических ошибках, что вызвали бурный протест со стороны Н. Нурмакова, С. Сейфуллина, С. Садвокасова, А. Асылбекова и других [128].

Особенно кампания по разоблачению «контрреволюционной» деятельности алашской интеллигенции усилилась с приходом Ф. Голощекина на должность секретаря Крайкома ВКП (б). Установка по разоблачению алашских интеллигентов, выдвинутая им в Отчетном докладе Казкрайкома РКП (б) Всеказахстанской партийной организации конференции в 1926 г. стала, по существу, руководством к действию против старой интеллигенции. Между тем, примат национального единства в подходе к решению проблем общественного развития и модернизации казался вполне естественным во взглядах казахской интеллигенции. Однако он являлся, с точки зрения коммунистов, «сильнейшим препятствием к росту коммунистического влияния на киргизскую бедноту», как говорилось на 3-й Казахстанской облпартконференции в 1923 году [129].

Это определило стремление партии жестко контролировать все стороны жизни и деятельности национальной интеллигенции. Ф. Голощекин озвучил тезис об «объективно-революционной роли» движения казахской интеллигенции до февральской революции и о «контрреволюционном его перерождении после», что и стало отправной точкой в отношении к представителям «старой» интеллигенции.

Подготовка новых кадров интеллигенции на основе советской системы образования и воспитания предусматривала создание лояльного власти культурного слоя и сочеталась с комплексом мер, направленных на вынужденное использование дореволюционной интеллигенции, наиболее подготовленной к участию в хозяйственном развитии и политической жизни. Партия большевиков была вынуждена признать консолидирующую роль «мелкобуржуазной» интеллигенции в слабо структурированных, по меркам классовой парадигмы, этносах, и в казахском, по их мнению, в том числе. Именно взаимоотношения с этой частью интеллигенции составили наибольшую сложность для большевиков, особенно если учесть, что, несмотря на свою относительную малочисленность, она обладала непререкаемым авторитетом в казахском обществе. Национальные деятели, перешедшие на сторону Советской власти и имевшие несопоставимо более весомый авторитет в массах, хотя и принимались в ряды партии и вводились в руководящие органы власти, при этом не пользовались полным доверием и всегда находились под пристальным контролем присланных из центра эмиссаров. В этот период деятельность института эмиссаров Наркомнаца РСФСР была наиболее активной. Так, эмиссары Наркомнаца направлялись на места по заданию отдела. На них были возложены политические задачи, связанные с советским строительством, изучение положения дел на местах и оказание содействия местным советским органам. Эмиссарами при Казахском отделе являлись Иса Кисыков из Тургайской области, Шафкат Бекмухаметов из Букеевской орды. По известным нам данным, только в первой половине 1918 г. в различные районы страны ВЦИК направил несколько тысяч эмиссаров, Военно-революционный комитет - 106 комиссаров и 61 эмиссара, крестьянская секция ВЦИКа - 1321 агитатора [130].

Обеспокоенность советских руководителей вызывало стремление казахской интеллигенции развивать культуру и образование в казахском обществе. Еще на Общеказахском съезде в Оренбурге, состоявшемся 5-13 декабря 1917 г., А. Букейханов, А. Байтурсынов, И. Омаров, С. Доцанов и М. Дулатов, поставили задачу развития образования во главу угла. По вопросу о народном образовании выступил Миржакип Дулатов, в своем докладе он отметил необходимость создания национальных школ, учебников на казахском языке [131]. По докладу съезд принял постановление о создании Комиссии по составлению для казахских начальных и средних школ учебников. Комиссия должна была приступить к практическим мероприятиям с начала 1918 года, в первую очередь, опубликовав в газете

программу своей деятельности. Несмотря на политическую неудачу, решения съезда по вопросам создания национальных школ и учебников были частично претворены в жизнь его участниками во время их деятельности на ответственных постах при советской власти. Стремление казахской интеллигенции к развитию просвещения своего народа рассматривалось партийным центром, как форма национализма, ведь советская диктатура стремилась к унификации культуры и образования. Поэтому любые попытки развития национального образования жестко пресекались, а представители казахской интеллигенции подверглись гонениям. Тем не менее, представители старой интеллигенции сумели многое сделать для развития образования в Казахстане, обеспечили условия для формирования новой интеллигенции и привлечения старых кадров. Так, например, ЦИК и Совнарком КАССР, учитывая важное значение образования в крае, приняли решение о привлечении в Народный комиссариат просвещения лучших работников и немедленной «выдаче членам полного боевого пайка с обмундированием, а также обеспечение их жильем, одеждой и обувью» [132].

Была объявлена мобилизация всего грамотного населения. Предусматривалось равномерное и целесообразное распределение работников по Народным комиссариатам, что означало подготовку работников путем привлечения более грамотных на практическую работу в учреждениях. План мобилизации грамотных казахов был поручен А.Байтурсынову. Проблема обеспечения кадрами решалась также путем откомандирования в обязательном порядке 10% работников местных органов в краевые учреждения. В ноябре 1920 г. на заседании Совнаркома КАССР была утверждена Коллегия Наркомпроса, в который вошли А.Байтурсынов, Ж.Аймаутов и другие представители комиссариатов [133].

В области культурного строительства вообще и, в частности, в деятельности Народного комиссариата просвещения республики большая заслуга принадлежит первому Наркому просвещения А.Байтурсынову. Именно с его именем связано становление государственного аппарата по руководству культурным строительством. В период, когда по всей советской империи прокатилась волна репрессий против представителей старой интеллигенции, в республике началась волна «разоблачений» бывших лидеров Алаш-Орды. В той обстановке одним из главных объектов гонений стал Ахмет Байтурсынов. Аналогичная участь постигла почти всех деятелей, стоявших у руководства органами просвещения.

Особенно жесткие формы преследование национальной интеллигенции принимает после прошедшего в июне 1923 г. совещания в ЦК РКП(б). На представителей национальной интеллигенции обрушились репрессии. Еще в 1922 г. со всех руководящих постов были смещены представители «старой» интеллигенции - бывшие члены партии Алаш. Однако, представители новой казахской интеллигенции, вопреки ожиданиям партийных функционеров из центра выступили против гонений на «алашординцев». Так, С. Садвакасов

постоянно призывал к широкому привлечению представителей либеральной интеллигенции к руководству. Аналогичную позицию занимал один из туркестанских лидеров С. Ходжанов.

Более конкретно попытался определить конкретные пути продвижения в этом направлении Т. Рыскулов. Он считал, что интеллигенцию можно с успехом использовать для организации образования, культурно-просветительной, научной работы и т.д. Нельзя предполагать при этом, что старые специалисты сделались коммунистами, но «задача партии заключается в том, чтобы не проводить национальную политику через разных инженеров и спецов, а самим руководить этим делом» [134].

В середине 20-х годов с партийных трибун постоянно звучали призывы, привлекая старые кадры, преодолеть как переоценку национальных особенностей населения, покровительство и преувеличение роли национальной интеллигенции т.н. правыми элементами, так и исключить непонимание необходимости «настойчивого вовлечения в государственные органы лояльно настроенных национальных элементов при одновременной решительной борьбе с национализмом внутри партии, тенденции механического пересаживания ... методов работы в центральных промышленных районах без достаточного учета особенности обстановки, вытекающей из иного социального состава населения» [135].

Впрочем, этот рефрен партийных директив по мере развертывания «наступления социализма по всему фронту» приобретал все более демагогический характер и далеко не соответствовал истинному положению национальной интеллигенции и ее взаимоотношениям с властью.

В 1925 г. студенты-казахи, обучавшиеся в Москве, обратились с открытым письмом к руководству республики по поводу роли старой интеллигенции в культурном строительстве [136]. Трудно сказать, насколько самостоятельной была эта инициатива, но речь шла по существу о судьбе казахской интеллигенции в целом. В прошедшей в казахстанской печати дискуссии по этой проблеме доминировал приоритет классового: провозглашался тезис о дифференцированном подходе к дореволюционной интеллигенции в зависимости от ее политической и социальной ориентации. Эти мысли были опубликованы в статье Т. Рыскулова «Об ауле, интеллигенции, Компартии и культуре», 10 июня 1926 г. в ответ на вышеназванное письмо казахской молодежи [137].

А в 1928 г. объединенный пленум Казкрайкома и краевой контрольной комиссии ВКП(б) обосновал неизбежность «буржуазного национализма» интеллигенции и таким образом предопределил отношение к ней. Но больше всего тревожило руководство страны и республики сохранявшееся как в национальных массах, так и в среде руководящих работников-казахов влияние старой интеллигенции. В ноябре 1924 г. секретарь Киробкома партии В.И. Нанейшвили (1878-1940) сообщал в ЦК, что восточная группа казахских руководителей находится «в слишком близких, больше, чем можно, отношениях с «беспартийной» кадетской (алашординской)

интеллигенцией, настолько близких, что теряется грань между киргизом-коммунистом и киргизом - беспартийным интеллигентом. Вместе с последними обсуждаются самые, можно сказать, партийные вопросы в узком смысле этого слова. Беспартийная интеллигенция влияет на киргиз-коммунистов, а не наоборот» [138].

По существу, ни в центре, ни в республиках старой интеллигенции с ее демократическим видением путей гармонизации межэтнических и межкультурных отношений и осуществления политики в отношении народов СССР не удалось найти понимания. Конкретные же мероприятия в политической, социальной, экономической и культурной сферах все больше рассматривались в том числе и как способ дискредитации и устранения национальной интеллигенции, нивелирования национального самосознания, укрепления унитарного характера государства. Это, между прочим, точно чувствовали и местные работники. В ноябре 1928 г. председатель Сыр-Дарьинского губисполкома член ЦИК СССР Мустамбаев обратился к Сталину: «Простите меня, товарищ Сталин, но я перед вами как перед вождем хочу быть откровенен: прежние отношения метрополии и колонии мало в чем изменились...» [139].

Классовые приоритеты возобладали над всеми другими соображениями и мотивами. Ф.Голощекин продолжал борьбу со старой интеллигенцией и утверждал, что оседание кочевой нации – это вопрос классовой борьбы, и баи и аткаминеры, получившие образование в русских гимназиях, не «сложат ручки в брючки» [140].

Несколько ранее в Казахстане развернулась дискуссия о роли национальной интеллигенции в истории национально-освободительной борьбы казахского народа. Поводом к ней послужила работа Т. Рыскулова «О восстании казахов и каракиргизов в 1916 г. (К 10-летней годовщине). Основные экономические и политические причины восстания». На основе анализа всех указанных факторов автор вскрыл причины восстания, сделав вывод о его национально-освободительном характере, показал расстановку политических сил накануне восстания. При этом Рыскулов указывал, что единственной силой, способной пробудить национальное самосознание являлась казахская интеллигенция. Социальную природу движения Алашской интеллигенции Т. Рыскулов определил как буржуазно-националистическую, либеральную, примыкавшую к кадетской партии. Выводы Т. Рыскулова, сделанные им при анализе событий 1916 г., вызвали в общественной и научной среде республики неоднозначную реакцию. Оппоненты обращали внимание, в первую очередь на отсутствие у него классового подхода к рассматриваемому явлению. Отсюда, по их мнению, имело место ошибочная трактовка им роли казахской интеллигенции [141].

Т.Рыскулов признавая факт формирования казахской национальной интеллигенции «при царском управлении Казахстаном», он выделяет в ее рядах два вида. В качестве критерия определения принадлежности к одному из них он называет полученное образование, т.е. внешний признак. К первому виду

интеллигенции Т. Рыскулов относит представителей казахского общества, «получивших образование и связанных с русской администрацией», стремящихся «при содействии русской власти приблизить казахов к европейской культуре». Интеллигенты, получившие образование в татарских, башкирских и др. мусульманских школах, стремившиеся просветить казахский народ путем распространения культуры мусульманского Востока, согласно схеме Т. Рыскулова, составляли второй вид дореволюционной интеллигенции Казахстана. Далее в качестве критерия дифференциации им указывается принадлежность к той или иной российской политической партии.

Однако, Т. Рыскулов указывал, что основной задачей в деятельности казахской интеллигенции стала проблема национального освобождения, возрождения нации, ее культуры. Позиция Т. Рыскулова в целом соответствовала официальной точке зрения о прогрессивной роли интеллигенции до Февральской революции. Различными были лишь подходы к решению проблемы. Т. Рыскулов справедливо считал, что классовый подход является слишком упрощенным в отношении к «старой интеллигенции». А Ф. Голощекин «использовав» «старую» национальную интеллигенцию, на начальном этапе советского строительства поставил цель - устранить ее как главную противостоящую силу в осуществлении политики «малого Октября» в Казахстане. Массированная атака на интеллигенцию проходила по всем направлениям политической, культурной жизни республики. На страницах партийной печати публиковались выступления Ф. Голощекина, в которых он четко определял задачи борьбы с казахской интеллигенцией. Так, на VI Всеказахстанской конференции Ф. Голощекин обвинил «Академический центр» (А. Байтурсынова) в извращении партийной линии: «Составлена и издана отдельная книга, содержащая около 5 тыс. терминов на казахском языке ... Масса в них не разбирается ... Имеются огромные извращения, кажется всем известно, что «интернационал» там переведен чуть ли не как насильник - совершенно невероятная вещь». Перейдя затем к определению роли и места интеллигенции, он сделал далеко идущий по своим последствиям вывод «... мы должны руководить ею, а не она нами ... Нетерпимо такое положение, что она, чуждая, совершенно враждебная нашей идеологии очень сильно влияет на различные стороны нашей жизни» [142].

Особой непримиримостью в отношении «старой» интеллигенции отличался Г. Тогжанов. Его оценки роли и места алашской интеллигенции отличались крайностью суждений, что вообще было характерно для идеологии «левых коммунистов, несущих в себе два противоположных начала, заложенных в абсолютном отрицании ценности любых явлений, присущих старому строю и в абсолютной идеализации будущего общества» [143]. Тем не менее, Г. Тогжанов подчеркивает, что руководство национально-освободительным движением в крае принадлежало лидерам алашской интеллигенции – А. Букейханову и А. Байтурсынову.

После публикации в журнале «Пролетарская революция» в 1931г. № 6 письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», перед казахстанскими коммунистами ставилась задача консолидировать силы для «повышенной бдительности в борьбе против чуждых нам теорий». Особое внимание отводилось борьбе со «старой» национальной интеллигенцией и их влиянию в казахском обществе.

Обращаясь к вопросу о дореволюционной интеллигенции, С.Д. Асфендияров считал, что «...несомненно, буржуазно-демократическое движение, которое начало проникать в казахскую степь и возглавлялось казахской национальной интеллигенцией, было объективно-революционным. Однако, по мере, развития этого движения ... оно переходит в контрреволюционное» [144]. С. Асфендияров особое внимание обращал на социальную, политическую и идеологическую направленность революционного движения в Казахстане. Поэтому причины возникновения национальной интеллигенции он связывал с воздействием внешних и внутренних факторов, определивших ее политическое лицо, повлиявших на ее малочисленность и неоднородность. По его мнению, «совершенно недопустимо для марксиста говорить о дореволюционной интеллигенции вообще. Ее надо делить на три группы: 1. Интеллигенция, отражавшая идеологию демократических низов (имевшая разные оттенки), 2. Интеллигенция, отражавшая идеологию либеральной и оппозиционно настроенных к русскому царизму национальной буржуазии, 3. Интеллигенция, отражавшая идеологию полуфеодалов, для которых правительство было своим правительством» [145]. Отражая интересы зарождающейся либеральной буржуазии, алашская интеллигенция, по его мнению, имела двойственность политических взглядов. Отсюда следует его вывод о ее прогрессивности в период I русской революции, когда она стремилась к национальной консолидации, занималась разработкой литературного языка и письменности. Отказывая ей в революционности, С. Асфендияров исходил из того, что движение было верхушечным, охватившим лишь немногие слои казахской буржуазии и интеллигенции, кроме того, в программе Алаш отсутствовал призыв к свержению монархии, а в «Казахе» - печатном органе движения - не публиковались сообщения о рабочем движении в России.

Полное отрицание прогрессивной роли «старой» интеллигенции стало кульминацией дискуссии о значении Алаш-орды, организованной Казахским научно-исследовательским институтом марксизма-ленинизма (КНИИМЛ) в 1935 г. Так, директор КНИИМЛ А. Лекеров указывал: «Эта дискуссия способствовала выявлению контрреволюционной сущности Алаш-Орды и окончательному разоблачению ее гнусной, подлой роли в истории казахского народа» [146].

Определяющим в отношении «старой» интеллигенции становится полное отрицание ее «объективно-революционной роли в дореволюционный период».

В конце 1928-1929 гг. были арестованы около 40 представителей «старой» интеллигенции в Казахстане, главным образом педагоги и ученые, в 30-е годы репрессированные, как и национальная элита других регионов страны.

В середине 30-х годов дискуссии о роли «старой» интеллигенции становятся все более острыми и ожесточенными. В «Очерках по истории Алаш-Орды» С. Брайнин и Ш. Шафиро оценивая значение алашской интеллигенции в революционно-освободительном движении полностью следуют утверждавшимся марксистско-ленинским принципам и методам освещения истории. Отсюда следовало примитивное толкование понятий алашской интеллигенции как «пресмыкающейся перед российским империализмом» [147]. Поэтому, считали они, алашская интеллигенция не могла руководить движением и в этом видели ее реакционность. С этой же позиции дана оценка роли и деятельности лидеров казахской интеллигенции А. Букейханову, М. Сейдалину, М. Каратаеву и другим.

Недостатки и просчеты в хозяйственном, советском, культурном строительстве, также связывались с деятельностью алашской интеллигенции, с влиянием «алашордынской идеологии». Так, А. Асылбеков видел причину торможения политики коренизации в госаппарате в «саботаже местной национальной интеллигенции» [148]. А А. Лекеров и Т. Жургуев, выступая за «научность переводов классиков марксизма-ленинизма» на казахском языке, считали необходимым отказаться от «националистических теорий в языковом строительстве и вопросах терминологии» [149].

Окончательные же решения по отношению к роли «старой» алашской интеллигенции были вынесены на I съезде Компартии Казахстана, проходившем 5-12 июня 1937 года. Одной из определяющих явилась партийная установка на показ «контрреволюционной и продажной сущности Алаш-Орды на примерах восстания трудящихся масс 1916 г., на примерах гражданской войны». Все это было необходимо для «разгрома и развенчания неверной и вредной теории об объективно-революционной роли алашской интеллигенции» [150].

Таким образом со второй половины 1920-х до конца 1930-х годов особенно четко прослеживается тенденция от признания «объективно-революционной роли» «старой» алашской интеллигенции до Октября» до полного «развенчания этой теории и показа ее антинародной сущности» после. Однако, следует отметить существование до начала 1930-х гг. двух позиций относительно алашской интеллигенции. Наглядным подтверждением тому служат публикации представителей «новой» казахской интеллигенции в республиканской партийной и советской печати. Часть сторонников показа действительной роли национальной интеллигенции, прежде всего, Т. Рыскулов, С. Садвокасов, С. Мендешев, С. Асфендияров, исходила из объективных условий возникновения и идеологического оформления взглядов алашской интеллигенции, в основе которых, по их справедливому мнению, находились вопросы национального освобождения

казахского народа, а не социального. Однако эта позиция шла вразрез с утверждающимися партийными положениями о реакционной и контрреволюционной сущности «старой» интеллигенции. Алашская интеллигенция и ее лидеры были обвинены в «предательстве» народных интересов, подверглись репрессиям, сами их имена были на долгий период буквально «стерты» из памяти.

Характерно, что превращение Казахской автономии в союзную республику произошло в 1936 году, когда ратовавшая за полнокровное национальное развитие и демократическое наполнение советского федерализма «старая» национальная интеллигенция была уничтожена не только политически, но и физически.

В большевистской теории классовой борьбы «старая» интеллигенция объявлялась сторонницей революционных преобразований лишь на первоначальном этапе. После захвата власти в 1917 году большевики уже рассматривали интеллигенцию, которую прежде называли «генеральным штабом революции», лишь в качестве попутчика, который не заслуживает доверия, так как не имеет «классовых признаков» и по этой причине отражает интересы различных классов – крестьянства и пролетариата (революционная интеллигенция) или буржуазии (буржуазная интеллигенция). Советское и партийное руководство проводило политику воспитания новой интеллигенции, преданной идеалам социализма, которая стала бы проводником марксистских взглядов во всех сферах общественной жизни, прежде всего, идеологической. Так, ученых-марксистов готовили в специально созданных учебных заведениях – коммунистических университетах, Институте Красной Профессуры, Коммунистической академии и др. Неоднократно лидер большевиков В.И. Ленин указывал о необходимости формирования новой советской интеллигенции из рабочих и крестьян [151].

Между тем социальное значение интеллигенции невысоко оценивали наиболее влиятельные деятели большевизма и советской власти, принимавшие участие в выработке политики по отношению к интеллигенции в первой половине 1920-х годов. Так, Л. Д. Троцкий, Ю. Ларин и Н. И. Бухарин считали, что «в эпоху великой общественной перестройки интеллигенция, вероятно, ранее других промежуточных классов перейдет в ряды сторонников нового строя, но социальное значение ее может быть только служебным и подчиненным» [152].

Эта оценка интеллигенции первых послеоктябрьских лет была характерна для значительной части большевистской политической элиты и, естественно, не могла не влиять на политику правящей партии по отношению к этому слою. А. В. Луначарский полагал, что, несмотря на свою малочисленность по сравнению с пролетариатом, они могли бы занять в переходный к коммунизму период очень даже выдающееся положение. Но в законченном социалистическом обществе, по его мнению, интеллигенции не должно быть.

В середине 1920-х годов прошла дискуссия о социальной сущности интеллигенции, в которой приняли участие С.Я. Вольфсон, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, В.В. Полонский и др. Характерной чертой дискуссии явилось политизированное отношение к интеллигенции, поскольку советскому правительству она не нужна была как выразитель общественного мнения. Именно тогда понятие «интеллигенция» начинает формироваться как синоним понятия «специалист».

Процесс формирования советской интеллигенции шел двумя путями: на основе привлечения старых специалистов к сотрудничеству с новой властью и путем форсированной подготовки кадров из рабоче-крестьянской молодежи. Таким же путем шло формирование новой интеллигенции и в Казахстане. Рассматривая процесс формирования «новой» интеллигенции в Казахстане, следует отметить серьезные разногласия между ее представителями в различных вопросах общественно-политической и культурной жизни республики. Первоначально многие представители казахской национальной интеллигенции шли на сотрудничество с большевиками, особенно в сфере образования и культуры, полагая, что таким образом принесут больше пользы казахскому народу. Но главное внимание национальной интеллигенции, как «старой», так и «новой» было обращено на вопросы обретения национальной государственности. Вместе с Т. Рыскуловым, С. Мендешевым представители «старой» интеллигенции А. Байтурсынов, А. Ермеков, Х. Габбасов и другие принимали непосредственное участие в подготовительной работе Учредительного съезда, провозгласившего образование КАССР. Благодаря их усилиям, скрупулезному сбору и анализу историко-статистических, экономических, этнографических, картографических данных были определены и установлены территориальные границы автономии Казахстана.

Введение в состав Казревкома алашских интеллигентов А. Байтурсынова и А. Ермекова позволило им включиться в работу по реализации в жизнь провозглашенных идей о национальном самоопределении. Встреча А. Байтурсынова с В. Лениным по вопросу создания Казахской автономии вселила алашской интеллигенции надежду на реальное воплощение этой идеи. А. Байтурсынов в письме к Ленину, написанном в 1920 году, предлагал следующее:

1. Поставить во главе управления Киргизским краем настоящих идейных коммунистов и испытанных честных работников из киргизских интеллигентов, которым народ вполне доверяет, но ни коим образом коммунистов по названию...;
2. Во всех органах власти, введении коих подлежат районы со смешанным населением, представителей угнетенной нации должно быть не менее 3/2;
3. Управление хозяйственно-экономическими учреждениями Киркрая, независимо от централизации, должно находиться в руках киргизов, без всякого раздробления и подчинения другим губерниям или областям под разными предлогами экономического тяготения;

4. Вся политико-культурная работа киргизских коммунистов и революционной интеллигенции должна основываться на Советской социалистической политике;

5. Создать военный округ, объединяющий Киргизию с управлением в г. Оренбурге, гарнизоны в городах должны быть обязательно из киргиз» [153].

Однако, стремление национальной интеллигенции к самостоятельности хотя и в рамках Российской Федерации, а затем СССР, постоянно расценивались как национал-уклонизм. В резолюции III партконференции Киргизской (Казахской) облпарторганизации (март 1923 г.) была отмечена преемственность взглядов национально ориентированных коммунистов-казахов и партии «Алаш». Поэтому Москва жестко контролировала кадровую политику. В числе первых 13 наркомов в 1920 г. было всего 5 казахов, в 1930 г. казахи занимали только 26,5 % руководящих должностей. В целом преобладание русских в руководстве сохранялось и в 40-е годы.

В 20-х годах еще не проявилось открыто стремление полностью и окончательно подчинить Москве коммунистов национальных окраин. Суть вызревавшего изменения политики в отношении национальных республик выразил Сталин в письме к В.И. Ленину от 22 сентября 1922 г.: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всем... и расценивающих вмешательство ЦК РКП (б) как обман и лицемерие со стороны Москвы» [154].

Особенно острыми были разногласия среди представителей «новой» интеллигенции по вопросам о наличии классового расслоения в казахском ауле. Концепции бесклассовости придерживались сторонники С. Садвокасова, сторонниками классового расслоения были «левые». Политическое размежевание на «левых» и «правых» (националов) было одним из главных и происходило по внутренним, обусловленным спецификой казахского общества, причинам. Такие же внутрипартийные группировки как троцкисты, «новая оппозиция» Зиновьева и Каменева, троцкистско-зиновьевский блок, группа правых Бухарина, Рыкова, Томского не имели сколь-нибудь заметной поддержки и развития в Казахстане.

«Левое» крыло в руководстве Казахстана 20-х годов представляли О. Исаев, С. Мендешев, У. Джандосов, Г. Тогжанов, С. Сейфуллин. Практически, в различиях подходов «левых» и «правых» (точнее национально ориентированных) выразилась проявившаяся в 1917-1919 г.г. сложность интеграции общеказахских интересов, различия в акцентировании внимания либо на классовом, либо национальном моментах. «Левые» абсолютизировали классовое расслоение в казахском ауле, «правые» настаивали на преобладании сотрудничества, отсутствии классовой борьбы внутри аула. Наиболее ожесточенным полем битв стали в этот период вопросы идеологии и просвещения. О стремлении большевиков поставить

под тотальный контроль развитие просвещения и культуры свидетельствует образование в составе Наркомпроса КАССР такого структурного подразделения, как Главный политико-просветительный комитет. Ответственность за деятельность такого архиважного органа легла на его председателя А.Кенжина. В подведомстве комитета находилось 6 отделов, 13 подотделов при 27 сотрудиках. В 1922-1924 гг., Главполитпросвет представляли три отдела: общий, пропаганды и агитационный. При отделе пропаганды состояли три подотделе: совпартшкол, клубов и художественных народных домов, библиотечный. В ведении Главполитпросвета находилась также Центральная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности и Бюро просвещения национальностей [155].

«Левые» О. Исаев и Н. Нурмаков, в разное время занимавшие пост председателя СНК КАССР, говорили о «правых»: «Они хотят ее (т.е. политическую борьбу - авт.) свести к средству и методам захвата руководства и отвлечь от пролетарского партийного руководства Москвы. С этим связано их понимание нашей Советской Москвы - центра нашего союза как настоящего центра метрополии. Этим самым они отражают идеологию и требование казахского байства» (О. Исаев). Слова Нурмакова: «Это они говорят про нас, что мы подхалимы, про всех тех казахских коммунистов, которые становятся на правильный партийный путь, отказавшись от всяких партийных комбинаций» [156].

Наиболее концентрированно взгляды «национал-уклонистов» выразились в деятельности и публикациях С. Садвакасова, занимавшего с 1920 до 1928 г. ряд ответственных постов, в том числе секретаря Киробкома комсомола, секретаря КазЦИКа, председателя Госплана КАССР, наркома просвещения. «Садвакасовщина» в конце 20-х годов стала усилиями Голощекина символом национал-уклонизма в Казахстане. Предложения С.Садвакасова выражали суть воззрений казахских так называемых «правых» интеллигентов - это необходимость привлечения на работу бывших алашских интеллигентов и достижение казахского национального единения; отказ от новых потрясений, вводимых под лозунгом классовой борьбы в ауле; первоочередное землеустройство коренного населения, чтобы ликвидировать последствия прежней колониальной политики переселения; увязанность решения вопросов экономического характера с проблемой фактического равенства национальностей. В области просвещения и культуры С.Садвакасов важнейшими задачами, которые он определил в статье «О состоянии и очередных задачах народного образования в КАССР», считал следующие: «а) подготовка грамотных (как технически, так и политически) трудящихся, могущих вести культурное хозяйство; б) подготовка квалифицированных рабочих и работников для промышленности и сельского хозяйства, а также для госаппарата; в) подготовка научных, культурных сил, обеспечивающих развитие национальной культуры как части общечеловеческой» [157].

Главной задачей для рассматриваемого периода была борьба с неграмотностью. С.Садвакасов призывал «...создать такую школу и построить систему народного образования таким образом, чтобы грамотность и культура были достоянием широких трудящихся масс, чтобы просвещение помогало этим трудовым массам высвободиться не только от экономической эксплуатации буржуазии (как городской, так и аульно-деревенской), но и от ее духовного веяния» [158].

По вопросу о повышении профессионально-технического образования центр тяжести, по Садвакасову, «... надо перенести на улучшение постановки работы в существующих техникумах и школах-коммунах, каждый техникум в отдельности должен получить определенную целевую установку в зависимости от условий хозяйственного быта данной местности». Главным лозунгом в осуществлении задач по образованию является «...не количество, а качество работы» [159].

Как мы видим, требования и взгляды весьма умеренные, но очень рациональные и соответствующие казахским реалиям. Высланный в Казахстан в конце 20-х годов Л. Троцкий в записках «Национальные моменты политики в Казахстане» пришел к выводу: «Среди казахских коммунистов три группировки - одна вокруг Голощекина, - это люди, всегда и во всем послушные указаниям сверху; другая, - «левая», также поддерживающая Голощекина, но... несколько независимая; третья - «правая»... Впрочем, представители «левой» иногда примыкают к «правой» [160].

Представители «левых» не придали должного значения усилению влияния Москвы в республике, а также продвижению во власть лиц, названных Л.Троцким «группой Голощекина». В течение 20-х годов руководимая ставленниками Москвы борьба внутри казахской интеллигенции и политической элиты вела к замене первого поколения советских и партийных работников, активно участвовавших в борьбе за Советскую власть, иными лицами, исполнителями воли руководства.

Новое поколение интеллигенции, вытеснявшей так называемых «националов» и заменявшей также «левых», подбиралось уже по правилам советской номенклатурной системы. Здесь сильное влияние оказали процессы дальнейшего отчуждения от традиционной культуры, и проводимая властью в 20-х гг. политика опоры на бедноту и недоверия в интеллигенции. В начале 20-х годов линия ЦК РКП (б) еще характеризовалась стремлением привлечь к сотрудничеству с Советской властью национальную интеллигенцию, ликвидировать межнациональные трения в партийной среде. Примером этого служит письмо ЦК партии «Коммунистам Кирреспублики» от 1 июня 1922 г. Практически в тот же период кадровый вопрос выдвинут в качестве важного, в числе прочих мер предусматривалось укрепление партаппарата Киробкома и местных парторганов кадрами. Перелом и ужесточение в отношениях Московского центра с казахскими руководящими работниками совпадает с приходом к

руководству Казахской партийной организацией Ф.И. Голощекина, руководившего в свое время расстрелом царской семьи Романовых.

Активно проводившаяся большевиками в 20-е годы политика коренизации аппарата (выдвижения руководящих работников казахской национальности) преследовала двуединую цель: во-первых, создать для Советской власти опору среди коренного населения, во-вторых, подготовить новую генерацию интеллигенции идеологически выдержанной, прошедшей политическое воспитание победившей партии, не бывшей под влиянием интеллектуальной интеллигенции «Алаш». Важность такой цели сказывалась в том, что зараженные духом Алаша снова и снова ставили вопросы национального самоопределения и автономии. Показательна попытка части казахской интеллигенции, обладавшей высокими постами, связанной ранее с алашской интеллигенцией и поддерживавшей дружеские отношения с ее бывшими лидерами, установить «господствующее положение» казахского населения, что привело к их выступлению на сентябрьском (1924 г.) пленуме Киробкома партии с требованием провести «размежевание внутри КАССР». При этом предлагалось отделить районы с русским населением [161].

В результате борьбы, обозначившейся в историко-партийной науке обычно как «борьба за единство (или «частоту») партийных рядов» была создана номенклатурно-партийная казахская интеллигенция. В ходе чисток в 1921-1922 гг., 1929-1930 гг., 1936-1937 гг. партия превращалась в сталинский «орден меченосцев».

Разгром троцкистской оппозиции в центре стимулировал процесс подавления инакомыслия на местах (в частности, прошел целый ряд громких «дел» - «дело оппозиционной группы националов» (т.н. «Кзыл-Ординской группы», 1928 г.), «дело о подпольной контрреволюционной организации националистов во главе с А. Байтурсуновым («раскрыто» органами ГП» в 1930 г.). Политический диктат сопровождался разрывом с прежней культурной традицией и изоляцией народа от духовного наследия предшествовавших поколений путем перехода на латиницу, а затем на русский алфавит (кириллицу). По мнению Д.И. Дулатовой и Н.Д. Нуртазиной, в Казахстане было наибольшее сопротивление сторонникам латиницы, чем в иных республиках Средней Азии, так как реформирование арабской графики А. Байтурсуновым в 1924 г. уже приспособило ее к особенностям казахского и татарского языка [162].

В дискуссиях о языке принимали участие видные лингвисты Казахстана: А. Байтурсунов, К. Жубанов, которые доказывали, что новая письменность не столь необходима казахскому народу, что это политические игры со стороны большевиков, что переход на латиницу отбросит казахов назад в деле просвещения. Тем не менее эти дискуссии о переходе на латиницу, начавшиеся с 1926 г., закончились сменой алфавита в 1929 г. Следующая смена с латиницы на кириллицу в 1940 г. произошла уже без возражений: сталинский режим добился единогласия во всем. В целом, значение эпохи 20-30-х гг. для судеб формирования казахской интеллигенции состоит в формировании

руководящего класса казахской номенклатуры как главной опоры и проводника нового режима. Новая генерация политиков, в отличие от прежних «левых» и «правых», уже безропотно подчинялась Московскому центру.

В процессе формирования «новой» интеллигенции большевиками особое внимание уделялось выдвиженчеству. По мнению В. Л. Соскина, на протяжении 20-30-х годов в СССР была осуществлена «огромная по масштабам и трагическая по значению операция подмены одного слоя интеллигенции другим. Разумеется, полного, всеобщего уничтожения интеллигенции или искажения ее облика не произошло. Но сущность ее как особого слоя – носителя свободомыслия – была решающим образом подорвана» [163]. Интеллигенция, испытывая со стороны командной системы управления, по сути, тройной диктат (экономический, политический, идеологический) постепенно превращалась из субъекта творчества в объект управления.

Уже в годы гражданской войны развернулся процесс создания новой интеллигенции, которая была призвана обслуживать общество на новом этапе. Едва укрепившись у власти, большевистская партия взяла курс на формирование собственной, социалистической интеллигенции, преданной режиму и верно ему служащей. В стране открывались новые институты и университеты (в 1927 г. их было уже 148, в дореволюционное время - 95). Еще в годы гражданской войны при высших учебных заведениях были созданы первые рабочие факультеты (рабфаки), которые, по образному выражению наркома просвещения А. В. Луначарского, стали «пожарной лестницей в вузы для рабочих». К 1925 г. выпускники рабфаков, куда по партийным и комсомольским путевкам направлялась рабоче-крестьянская молодежь, составляли половину принятых в вузы студентов. При этом выходцам из буржуазно-дворянских и интеллигентских семей доступ к высшему образованию был весьма затруднен. Для подготовки «идеологических кадров» разворачивается сеть специальных научных и учебных заведений в центре (в 1918 г. - Социалистическая академия, переименованная в 1924 г. в Коммунистическую, в 1919 г. - Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, в 1921 г.- Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт красной профессуры. Коммунистический университет трудящихся Востока, в 1923 г.- Институт В.И.Ленина) и на местах (губернские совпартшколы и др.).

Подлинный бум переживала в 30-е гг. высшая школа. Государство, испытывая острую нужду в квалифицированных кадрах, открыло сотни новых вузов, преимущественно инженерно-технических, где обучалось в шесть раз больше студентов, чем в царской России. В составе студентов доля выходцев из рабочих достигала 52%, крестьян - почти 17%. Специалисты советской формации, на ускоренную подготовку которых расходовалось в три-четыре раза меньше средств по сравнению с дореволюционным временем (за счет снижения срока и качества обучения, преобладания

вечерних и заочных форм и т. д.), широким потоком вливались в ряды интеллигенции. К концу 30-х гг. новые пополнения достигли 90% от общей численности этого социального слоя.

Серьезные изменения происходили и в средней школе. В 1930 г. в стране было введено всеобщее начальное образование, а в городах - обязательное семилетнее. Через два года в школах училось 98% детей в возрасте 8-11 лет. Декретом СНК и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. была изменена структура единой общеобразовательной школы. Упраздняются две ступени и вводятся: начальная школа - с I по IV классы, неполная средняя - с I по VII классы и средняя - с I по X классы. Постепенно свертывалось неумеренное экспериментирование в области методов обучения (отмена уроков, бригадный способ проверки знаний, увлечение «педологией» с ее абсолютизацией влияния наследственности и общественной среды на судьбу ребенка и др.). С 1934 г. было восстановлено преподавание всемирной и русской истории, правда, в ее марксистско-большевистском толковании, введены стабильные учебники по всем школьным предметам, строгое расписание занятий, правила внутреннего распорядка. Наконец, в 30-е гг. решительным приступом была в основном преодолена неграмотность, остававшаяся уделом еще многих миллионов людей. Большую роль сыграл здесь начатый в 1928 г. по инициативе комсомола всесоюзный культурный поход под девизом «Грамотный, обучи неграмотного». В нем участвовало свыше 1200 тыс. врачей, инженеров, студентов, школьников, домохозяек. Перепись населения в 1939 г. подвела итоги: число грамотных среди населения старше 9 лет достигло 81,2%. Правда, сохранились довольно резкие различия в уровне грамотности между старшими и младшими поколениями. Среди лиц старше 50 лет количество умеющих читать и писать составляло только 41%. Невысокими оставались и качественные показатели уровня образованности общества: среднее образование имело 7,8% населения, а высшее - 0,6%. Однако в этой области советское общество ожидал в близком будущем серьезный сдвиг, ибо СССР вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов.

Со второй половины 1920-х годов новая национальная интеллигенция активно включилась в культурное строительство в республике. В центре ее внимания находились проблемы развития народного образования, создания кадров интеллигенции новой советской генерации. Значительный вклад в реализацию этих задач внесли С.Асфендияров, У. Джандосов, Т. Жургуев, И. Кабулов, Т. Рыскулов, Н. Тюрякулов и др. Особое место в развитии высшей школы в Казахстане и привлечения научной интеллигенции к педагогической работе принадлежит Т. Жургуеву. Ценность его работы в конце 1930-х гг. определяется постановкой конкретных проблем подготовки специалистов для развития экономики, науки и культуры Казахстана. В его статьях «Қазақстанда сауатсыздықты жою туралы» (1936), «Культурное строительство в Казахстане» (1937) и др. излагались взгляды по проблемам развития народного образования, включая вопросы создания системы высшей

школы. Следует отметить преемственность взглядов Т. Жургенева, поскольку все те вопросы, которые поднимали А. Байтурсынов, С. Садвакасов, будучи на посту наркома просвещения, нашли отражение и в его деятельности. Время его деятельности было сложным для республики в целом из-за последствий коллективизации, имевших трагические последствия для местного населения.

В целом представители новой национальной интеллигенции внесли огромный личный вклад в дело развития народного образования и культуры. Их исследования по проблемам народного образования охватывают самые различные аспекты темы, но единым для них остается трактовка «культурной революции» в Казахстане как процесса формирования новой, народной интеллигенции; вопросы научной дореволюционной интеллигенции рассматриваются в контексте допустимости сотрудничества с ней в деле развития вузовского образования.

По мнению большевиков и «новой» казахской интеллигенции основной формой подготовки кадров интеллигенции в условиях становления и упрочения советского строя должна была стать высшая школа. В 1920-е первой половине 1930-х годов характеризуются острой полемикой по вопросам развития высшей школы в Казахстане. Проблема создания системы высшего образования в трудах Х. Досмухамедова, Н. Тюрякулова, С. Садвакасова, У. Джандосова, И. Кабулова, Т. Жургенева, Ш. Альджанова и др. рассматривается в тесной связи с трудностями развития общеобразовательной школы. При этом авторы большинства книг, брошюр и статей отражали в своих работах практическую деятельность по развитию образования и культуры Казахстана.

В этот период происходило и формирование научных кадров в Казахстане, для руководства существующими научными учреждениями и создания новых был учрежден специальный орган - Комитет науки, созданный 11 августа 1933 г. Первоначально он именовался Комитетом по заведованию учеными и учебными заведениями. Согласно Положению о нем, Комитет был создан при Казахском Центральном исполнительном комитете и подотчетен ему. «Председателем назначен Сейткали Мендешев, его заместителями - Асфендияров и Тевосян, а также 4 члена, в лице Джумабаева, Иванова, Барышникова и Момынова» [164]. Даже при формировании такого органа большевики не смогли обойтись без опыта и знаний старой интеллигенции, о чем свидетельствует участие в Комитете Магжана Жумабаева.

О процессе создания кадров научной интеллигенции свидетельствует и следующий весьма любопытный документ «Контингент высококвалифицированных ученых и специалистов» [165]. В этом документе имеется перечень лиц, которые относятся к категории специалистов и ученых республики. В их число зачислены директора вузов: педагогического (В.Алманов), ветеринарного (А.С.Аргыншаев) и другие. За ними следуют профессора и доценты, затем представители Казгостеатра (Ж.Шанин),

писатель М. Ауэзов. Сегодня исследователи считают 1922-1932 годы первым этапом формирования научной интеллигенции Казахстана. Оно было связано с началом образования республики и завершилось созданием Казахской базы АН СССР. Данная периодизация, предложенная Н. Мустафаевым, обусловлена изменениями в составе научной интеллигенции, в развитии сети научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, института аспирантуры.

В 1932 г. в республике насчитывалось 12 научно-исследовательских института, 15 опытных станций, 186 гидростанций и лабораторий. В вузах и научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Казани, Томска, Харькова, Омска, Астрахани и ряда других городов обучались 4300 посланцев Казахстана. Численность научных сотрудников неуклонно возрастала. Например, по итогам Всесоюзной переписи населения в 1926 г. в республике было: преподавателей вузов, профессоров - 47 человек, литераторов, редакторов - 58, работников библиотек и музеев - 143. Число научных работников в 1931 г. составляло 324 человек, а в 1932 г. - 558 [166].

Таким образом, в 1932 году прежнее главное направление политики большевиков использовать старую, буржуазную интеллигенцию в строительстве социалистического общества и в то же время выращивать многочисленную новую народную интеллигенцию, преданную идеалам коммунизма, сменяется на борьбу со старой буржуазной интеллигенцией. В докладе И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б) было заявлено, что в СССР создана «многочисленная, новая, народная, социалистическая интеллигенция, в корне отличающаяся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику». Отмечая значительные успехи в деле формирования новой интеллигенции, в то же время создание новой интеллигенции форсированными темпами наряду с перманентным дефицитом кадров обусловило их общий довольно низкий уровень, утрату преемственности в развитии национальных культур и языков.

Численность интеллигенции в Казахстане с 1926 по 1939 гг. выросла в 8 раз - с 22,5 тыс. до 177,9 тыс. чел. Однако в 1933 г. в 70 районах республики, где коренное население составляло более 90%, один врач должен был обслуживать 38 тыс. жителей. Между тем здесь проживало 52,8% населения и 83% казахов республики. И в 1939 г. 75% специалистов колхозов не имели профессиональной подготовки [167].

Следует отметить и то, что изжитие элементов, определявших существо национальной культуры, происходило одновременно по всем направлениям. Родной язык казахского народа, в результате несостоявшейся коренизации и введения в делопроизводство местного языка, оказался подвергнутым русификации с включением в него огромного количества русских слов и оборотов. Казахи стали забывать обряды, веками сложившиеся обычаи, из обихода стали выходить национальные жилища, убранства, предметы быта. Было покончено с другими сторонами

материальной и духовной культуры населения, в том числе с религией. А кроме того, недавно появившиеся элементы культуры, такие как театр, живопись, наука, печать также оказались подчиненными господствовавшей всеобщей идеологии. Область человеческого таланта, творчества превратилась в механизм, запускаемый по велению власти в строго ограниченных пределах, слишком узких, чтобы проявиться национальному признаку. Создается впечатление, что тем самым формировались дополнительные средства управления народом, призванные в комплексе служить обозначенной политической направленности.

Методические рекомендации к лекции.

Для усвоения материала данной лекции необходимо обратить особое внимание на особенности формирования новой интеллигенции в Казахстане, уделив значительное внимание роли «старой» интеллигенции и нарастающей волне репрессий против нее.

Контрольные вопросы к теме:

1. Что привело к усилению «разоблачительных», «обвинительных» подходов к алашской интеллигенции ?
2. В связи с чем усилилась кампания по разоблачению «контрреволюционной» деятельности алашской интеллигенции?
3. Что означал тезис об «объективно-революционной роли» движения казахской интеллигенции до февральской революции и о «контрреволюционном его перерождении после»?
4. На какой основе базировалась подготовка новых кадров интеллигенции?
5. Почему партия большевиков была вынуждена признать консолидирующую роль так называемой «мелкобуржуазной» интеллигенции в в казахском этносе?
6. Почему особую обеспокоенность советских руководителей вызывало стремление казахской интеллигенции развивать культуру и образование?
7. С чьим именем связано становление государственного аппарата по руководству культурным строительством в Казахстане?
8. Какие цели преследовали проводимые большевиками мероприятия в политической, социальной, экономической и культурной сферах?
9. Как определял социальную природу движения Алашской интеллигенции Т.Рыскулов?
10. Какие виды в составе казахской национальной интеллигенции выделял Т.Рыскулов?
11. Как проходили дискуссии о роли «старой» интеллигенции в Казахстане?
12. Какими путями осуществлялся процесс формирования советской интеллигенции?
13. Почему вопросы идеологии и просвещения стали самыми острыми в борьбе казахской национальной интеллигенции и представителей большевиков?
14. Какие задачи в области просвещения и культуры С.Садвакасов считал наиважнейшими?

Тема 7. Коренизация, как фактор культурной ассимиляции

Цель: изучить причины и характер развернувшейся в 20-30-х годах в Казахстане политике коренизации: выявить ее несостоятельность и последствия.

Основные понятия: коренизация, Weltpolitik, национальная политика, ликвидация фактического неравенства, политическое просвещение, великодержавный шовинизм, местный национализм, выдвигенчество.

Политика коренизации была одной из форм национальной политики, проводимой Советской властью в национальных республиках. Прежде всего, коренизация должна была вовлечь во властные органы

представителей национальностей бывшей Российской империи и сделать для них Советскую власть собственной властью. Таким образом предстояло укоренить и упрочить победу большевиков на национальных окраинах России, с другой стороны, коренизация смыкалась с решением национального вопроса.

Сразу же после победы революции на повестку дня ставится один из самых трудных вопросов как для предшествующей, так и для новой власти - национальный вопрос. Поскольку бывшая Российская империя включала в свой состав большое число народов и народностей, которые относились к центральной власти с большим недоверием и предубеждением, а к русским как к завоевателям и колонизаторам, то неудивительно, что для Советской власти стремление привлечь на свою сторону эти народы - было одним из самых актуальных и животрепещущих. Кроме того, немаловажное значение имеет тот факт, что в это время большевики рассчитывали на мировую революцию, и, во избежание межнациональных трений, которые могли ослабить их престиж на мировой арене, они всячески заигрывали с национальностями. Так, обращаясь в сентябре 1921г. к А.А. Иоффе, находившемуся в то время в Туркестане, В.И. Ленин писал: «...Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы уклана в эту сторону не потерпим. Это мировой вопрос, без преувеличения, мировой. Тут надо быть архистрогим.» [168].

«Декларация прав народов России», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», решения X и XII съездов партии, IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей объясняются именно этими соображениями. Эти постановления провозглашали свободу и равенство наций, населявших Россию, их право на самоопределение, оказания помощи в развитии и укреплении Советской государственности, органов власти, в подготовке национальных кадров. Также провозглашалось широкое использование родного языка этих народов во всех сферах жизни.

Особый интерес представляет собой резолюция X-го съезда партии, определение в которой национальной политики впоследствии переключалось не только в решения последующих съездов и конференций по данному

вопросу, но и в историческую науку. Резолюция провозглашала: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профтехнического характера на родном языке для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего просвещения» [169].

Именно эти же моменты впоследствии отмечались во всех выступлениях руководителей партии и правительства при анализе коренизации.

Кроме того X-й съезд констатировал, что для ликвидации фактического неравенства, необходима упорная и настойчивая борьба с двумя уклонами в национальном вопросе: с преуменьшением национальных особенностей в партийной и советской работе (великодержавный шовинизм) и с преувеличением этих особенностей, оставляющем в тени классовые, интернациональные интересы трудящихся (местный национализм).

Оба эти уклона довольно часто муссировались партийными и советскими лидерами, как препятствующие решению национального вопроса. Также, в зависимости от политической ситуации, менялось и отношение к этим уклонам. Если до середины 20-х годов особой критике подвергался великодержавный шовинизм, то с середины 20-х большей критике стал подвергаться местный национализм.

Главной задачей Советской власти в Казахстане и в других национальных республиках было решение национального вопроса, поскольку именно в национально-культурном своеобразии большевики видели основную угрозу для себя. Еще в мае 1921 г. Сталин в своей статье «К постановке национального вопроса» выделил четыре основных признака коммунистического отношения к этническим проблемам. Одним из этих признаков являлись так называемые «меры фактического выравнивания наций», которые являлись скорее мерами культурной унификации и стандартизации. Эти меры стали практически осуществляться с середины 20-х гг. Предполагалось, что оказание помощи и содействия отсталым нациям будет выражаться в том, чтобы помочь им подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций, и должно включать в себя пять основных мероприятий:

- 1) изучение хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей;
- 2) развитие культуры;
- 3) политическое просвещение;

4) постепенное и безболезненное приобщение к высшим формам хозяйства;

5) налаживание хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций» [170].

Ключ к решению национальных проблем виделся в идеологическом аспекте: сначала требовалось решить вопросы политические, а именно укрепить советскую власть, затем заняться проблемами культуры и, наконец, продвинуть экономику региона под единое плановое хозяйство всей страны.

Решение всех этих проблем в комплексе и входило в концепт «выравнивания уровней». Решая вопросы административно-территориального размежевания, партия стремилась, прежде всего, решить политические задачи, а именно, создать унифицированное жестко централизованное государство с опорой на трудовое, маргинальное население, не отличающееся национальными, культурными, религиозными различиями. Советская власть в культурно-бытовых и социально-экономических различиях казахского и русского населения видела угрозу для стабильности своего существования. Поэтому она стремилась сгладить эти противоречия. Прежде всего, необходимо было сформировать и заставить местное население принять стандартные унифицированные системы администрации, юстиции, образования, социального развития, воинской повинности и т.д. Другой способ заключался в проведении роста численности переселенческих хозяйств из европейской части СССР. И третий способ состоял в том, чтобы провести фундаментальную языковую реформу, конечная цель которой – отрыв народа от его национальных корней.

Чтобы процесс не имел прерывистости в своем развитии, на основе территориального размежевания и коренизации были созданы социалистические нации там, где до этого существовали совершенно иные тождества. Переход к модернизации и изменение образа жизни привели к драматическому столкновению между требованиями государства и традиционной культурой коренного населения.

С самого начала проведения политики центра на национальных окраинах был выбран некорректный механизм для реализации программы так называемых «социалистических преобразований». Растущая концентрация власти и административного контроля в Москве требовала сосредоточения идеи модернизации вокруг русского ядра. Политика центра была направлена на унификацию и стандартизацию народов России по русскому образцу. Из национального самосознания вытравлялись его культурные и бытовые особенности. Все велось к тому, должны существовать типизированные граждане, составляющие единую социалистическую нацию.

Итак, целью национальной политики большевиков в период перед началом проведения силовой модернизации в Казахстане ускоренно осуществлялась политика уничтожения традиционной структуры казахского

кочевого общества и замены ее унифицированной моделью центра. Эта политика осуществлялась в короткие сроки и использовала жесткие методы давления и принуждения. Создание политически стабильного общества в Казахстане, а также промышленной и сельскохозяйственной базы для центральных регионов СССР осуществлялось путем оседания кочевого казахского населения, коренизации переселенческого населения и увеличения его численности в структуре населения. «Политика модернизации в Советском Союзе, - пишет Т. Раковска-Хармстоун, - преследовала цель раскола традиционного общества под влиянием экономических и социальных факторов и замену традиционной этнической идентичности общей «современной» идентичностью [171].

Как показал этот исторический этап 20-30-х годов, минимальная возможность влияния на свою судьбу, вынудили национальную идентичность изменить формы своего поведения. Трансформация национальной политики от «права нации на самоопределение» в вопрос фактически лишенный своего содержания отдалил основную массу казахской интеллигенции и всего казахского населения от большевистского государства. В таких условиях единственным фактором воздействия последнего оставался силовой нажим. Свобода реализовать свои национальные интересы стала лозунгом для внешнего применения, а внутренняя политика стала исключительной прерогативой центра.

Ленинское понимание классового начала в любых проявлениях развития общества стало исходным при дальнейшей разработке вопросов национально-культурной политики. Категория «классовая обусловленность» являлась сущностным моментом при восприятии любого общественного явления. В этом понятии приоритет отдавался классовому, а не общечеловеческому содержанию, главная преобразующая роль отводилась пролетариату.

Ведущее место в формировании кадров национальной интеллигенции, с большевистской точки зрения, принадлежало выдвижению передовых рабочих и крестьян в органы управления. В Казахстане этот метод приобрел характерные особенности, связанные с политикой коренизации. Таким образом, при комплектовании местных советских и партийных органов власти в автономных республиках и областях РСФСР, большевики решали двуединую задачу: с одной стороны, обеспечить национальное представительство в органах власти; с другой - возглавить и контролировать начавшийся процесс советско-партийного строительства. В соответствии с этим планировались конкретные мероприятия партии в этой области и определялись формы и методы руководства.

В республике коренизация фактически началась с первых дней создания КазАССР. При этом она касалась не только казахов, но и представителей других национальностей, проживавших на территории республики, что подтверждается архивными документами. Так, на I Всеказахском съезде Советов, состоявшемся в октябре 1920 года в речи

Председателя Кирревкома В.А. Радус-Зеньковича отмечалась важность коренизации для трудящихся масс, которые только при этом условии получат власть» [172].

На этом же съезде в прениях неоднократно говорили о важности создания республики с обязательным привлечением представителей казахской интеллигенции, несмотря на ее былую связь с «белыми». Кроме того, на съезде впервые был поднят вопрос использования казахского языка в работе учреждений.

Таким образом, своими решениями I съезд заложил основы к проведению коренизации, что было зафиксировано в его резолюции.

Одно из первых мероприятий в решении проблем коренизации было постановление КазЦИК от 5 ноября 1920 г. о привлечении в наркоматы представителей коренного населения.

Однако, политика представителей казахской интеллигенции во властных структурах все больше расходилась с установками из центра. Основной причиной нарастающего на всем протяжении 20-х годов противостояния центральных органов власти с руководством национальных окраин, было противоречие между декларировавшимися самими большевиками принципами «самоопределения» и децентрализации хозяйственной жизни страны (в годы НЭПа), и устойчивой тенденцией на формирование централизованного государства.

«Национал-уклонизм», как идеология определенной части национальной интеллигенции, занимавшей важные посты в советско-партийном аппарате, обосновывал, прежде всего, право широкой хозяйственной инициативы местных элит в регионах, и тем самым противостоял централистским устремлениям Москвы. Именно этим обусловлена все более ужесточавшаяся позиция центрального партийного руководства к «национал-уклонизму» во второй половине 20-х годов. Политика коренизации была направлена на формирование такого состава национальных кадров партийного и советского аппаратов автономий, которые являлись бы активными проводниками и неукоснительными исполнителями политики партии в регионе. Тем самым в полной мере обеспечивалось бы централизованное руководство из Москвы, необходимое для эффективного функционирования советского государства. Поэтому осуществление коренизации проводилось под лозунгом необходимости приближения Советской власти к народным массам на местах и вследствие этого тесно переплетались с проблемой организации работы учреждений на языке, понятном местному населению. На выработку национальной политики и ее реализацию также влияла система подготовки и расстановки кадрового корпуса в соответствии с национальной структурой региона. После образования Казахской АССР среди первых мероприятий было признание в ней государственным языком казахского наравне с русским. В 1923 г. правительством Казахстана был издан декрет о переводе делопроизводства

на казахский язык во всех сношениях с казахскими волостями и на оба языка - с остальными» [173].

Первоначально вопросы введения казахского языка в делопроизводство находились во внимании работы переводческой коллегии, однако слабость и неопределенность ее функций вызвали необходимость создания специальной комиссии. Вопрос о создании комиссии поднимался и неоднократно обсуждался на различных заседаниях и совещаниях. Так, на заседании Особого совещания при КазЦИК, состоявшегося 2 августа 1923 года, С. Сейфуллин, ссылаясь на пожелания с мест, выступил с предложением создания подобной комиссии. В результате сразу же после окончания 3-ей сессии на заседании Малого Президиума КазЦИК 29 августа 1923 года был определен состав Центральной комиссии из пяти человек. Председателем комиссии был назначен секретарь КазЦИК Ж. Садуакасов. В состав комиссии были включены Н. Залиев, А.М. Алибеков, А. Кенжин, Н.Нурмаков. Несколько позже, а именно в декабре 1923 г. на заседании Большого Президиума КазЦИК было утверждено Положение о Центральной комиссии и вновь подтвержден ее состав. Перед этим предварительно Положение о комиссии было утверждено на заседании Малого Президиума.

При этом необходимо отметить, что, несмотря на то, что состав комиссии был утвержден еще в августе, официально он был подтвержден лишь после принятия КазЦИКом декрета о введении казахского языка в делопроизводство.

Деятельность комиссии и ее местных филиалов началась с 1924г. Но вскоре на заседании СНК Каз АССР был поднят вопрос о передаче Центральной комиссии из ведомства КазЦИК в руки СНК. Это объяснялось тем, что «СНК имеет непосредственную связь с наркоматами». Кроме того, СНК считал необходимым изменить состав комиссии, включив в нее представителей НК РКИ и НКВД, также было предписано не ограничиваться только введением казахского делопроизводства, но и проводить укомплектование аппаратов власти казахами [174].

Коренизация аппарата в Казахстане проводилась поэтапно, и для каждого периода были характерны свои, отличающие ее друг от друга черты. В проведении коренизации выделялось три периода: «...В первый период, относящийся к первым пяти-шести годам существования Казахской республики, коренизация почти целиком сводилась к казахизации производства и аппарата... В следующий период, совпавший с первой пятилеткой, основная задача в области коренизации ставилась - функциональная коренизация, сущность - перевод работы на казахский язык определенных, непосредственно связанных с казахской массой функций аппарата ... Третий начался со дня вынесения постановления Крайкома ВКП (б) от 4 апреля 1933 г. и декрета СНК от 17 мая 1933 г. о коренизации аппарата, где констатировалось: «...Коренизация аппарата является сугубо классовым мероприятием диктатуры пролетариата, важнейшим средством

борьбы против националистических, алаш-ордынских элементов, против контрреволюционного байства» [175].

В первый период коренизации, длившийся до второй четверти 1926 года, все осуществлявшиеся мероприятия по созданию национального государственного аппарата опирались на постановления партийно-правительственного аппарата, определявшие методы и формы коренизации. Представители казахской интеллигенции уже тогда указывали на формальный характер коренизации и связывали ее с незавершенностью революционных преобразований, а также сильным противодействием шовинистических элементов. Так, Т. Рыскулов в своем выступлении на конференции мусульман в мае 1919 года обвинил руководителей Туркеспублики Ф. Колесова и И. Тоболина в неумении проводить национальную политику на Востоке, заявил о том, что Октябрь в крае не завершён, ограничен мерами Временного правительства, царское чиновничество и кулачество продолжают оставаться в силе, а партийная и советская власть принадлежит русским деятелям. Рыскулов ставил задачу правительства республики в том, чтобы проводить углубление Октябрьской революции в среде восточных народов, широко привлекая представителей из трудящейся среды коренных народов края к делам власти и управления.

После установления Советской власти в Туркестанском крае Центральный Комитет РКП (б) рекомендовал Крайкому КПТ в интересах «политики Рабочее - Крестьянской власти на Востоке необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями» [176].

Однако, руководители Туркестанской республики, ссылаясь на неподготовленность и нежелание местных народов участвовать в государственном строительстве, продолжали политику великодержавного шовинизма. На этой почве, начиная с этого 7-го съезда Советов Туркестана, создались два течения в партии: одно представляли сторонники прежней шовинистической политики, другое требовало установления новой тактики, в сторону немедленного привлечения казахских грудящихся масс к власти.

Полномочный представитель ВЦИК И. А. Апин докладывал в Центр о состоянии и работе советских учреждений в Туркестане: «Местное туземное население не допускалось в органы Советской власти и в Красную Армию не привлекалось, хотя оно к этому имело упорное стремление и доказало достаточную подготовленность, умелость и желание служить общему делу, что невольно толкало мусульман на мысль, что им совершенно не доверяют и что европейское население как привыкшее, желает по прежнему властвовать над коренным населением, что и на самом деле было как в центре, так и на местах». Заслуживает серьезного внимания видение представителем Центра отношений между партийными группировками в крае, по мнению которого причины ошибок многих «европейских» большевиков - «это желание

властвовать над местным тюркским населением по привычке царского времени, много согрешило на этой почве старое Туркестанское правительство» [177]. Эти большевики названы пофамильно – Успенский, Колузаев, Якименко, Казаков.

Примеров успешной коренизации не так уж много, в числе выдвиженцев из казахского населения можно привести в пример Т. Рыскулова, Н. Тюракулова, С. Асфендиярова и некоторых других, занимавших важные должности в правительстве Туркестанской АССР. Однако, по мере усиления коренизации в Туркестане казахская интеллигенция признается некоренной в республике. Так, при обсуждении вопроса о структуре и персональном составе СНК ТАССР - правительства Туркестана, на совместном совещании ТуркБюро и Исполнительного бюро ЦК КПТ было принято решение об освобождении от занимаемых должностей Н. Тюракулова (председателя СНК), Любимова (заместителя), Асфендиярова, Ходжаева и Сафарова.

Коренизация аппарата проходила в Казахстане с большими трудностями, особенно в северных областях, где натолкнулась на сильное противодействие великодержавных шовинистов. В 1922-1923 годах в составе работников центральных органов Казахстана русских было 60 процентов, других европейцев - 16, казахов - всего 24 процента. К 1924-1925 гг. положение несколько изменилось. Увеличивается число казахских работников в аппарате власти, особенно в тех районах, где подавляющий процент населения составляли казахи. Больше всего киргизских (казахских) работников было в организациях Адаевского уезда - 95 процентов, в Букеевской губернии – 90, в Семипалатинской - от 50 до 60. В уездных аппаратах остальных губерний казахские работники составляли от 25 до 40 процентов. Из губернских аппаратов выделяется Букеевская губерния - 60 процентов. На 1 января 1924 г. казахские работники в краевых органах составляли 3,6, а на 1 января 1925 г. - 8,3 процента [178].

В Северном Казахстане объясняли трудности коренизации неграмотностью казахского населения. Так, в архивных документах встречаются такие данные: «В условиях, когда на 100 человек среди казахского населения имелось всего четыре грамотных, трудно было быстро и успешно решать проблемы коренизации. Начинали с выявления грамотных и способных людей, устройства их на курсы счетоводов, делопроизводства, культпросветработы. Часть кадров, пройдя через ликбезы, трехгодичную школу казбатрачества. В первом наборе было 104 курсанта, из них 17 женщин-батрачек), направлялись в партшколу, созданную в Петропавловске в 1920 г. (в 1921 г. она реорганизована в губсовпартшколу). Бывшие скотоводы-кочевники, батраки вовлекались в активную работу в аульных Советах, волисполкомах, Красных юртах, народных судах, партийных ячейках и т. д. В советских, кооперативных, общественных организациях было учтено для коренизации более тысячи функций. Губисполком разработал календарный план коренизации аппарата» [179].

А между тем указывалось, что только губернским органам для канцелярской работы требовалось около 300 человек, владеющих казахским языком. Гораздо больше – тысячи и тысячи требовались на местах. Поскольку согласно постановлению Президиума Киргизского (Казахского) ЦИК, принятого в марте 1921 года требовалось проводить перевыборы городских, сельских, аульных и поселковых Советов через каждые три месяца.

14 июня 1922 г. Акмолинский губисполком принимает постановление о ведении делопроизводства в казахских волостях и аульных Советах на родном языке, что поставило задачу комплектования штатов подготовленными кадрами. Создаются губернская, а также Петропавловская уездная комиссии, специально ведавшие подготовкой и распределением среди учреждений и организаций кадров коренной национальности. В губернском и уездных исполкомах аналогичные комиссии организовали делопроизводство на казахском языке в советских учреждениях. В губкоме партии специальная комиссия распределяла по учреждениям казахских работников. В 1922 г. уже 36% состава волостных исполкомов Советов составляли казахи, в 1923 г. - 43,5%.

22 ноября 1923 г. КирЦИК принял постановление о признании на территории КССР киргизского (казахского) и русского языков как государственных, о ведении делопроизводства в государственных, общественных учреждениях и организациях КССР наряду с русским и на казахском языке. Акмолинский губисполком издал 24 января 1924 г. свое постановление о ведении делопроизводства на казахском языке, в соответствии с которым с 1 февраля вводилось делопроизводство на казахском языке во всех казахских волостях и аулсоветах.

В волостях со смешанным населением аппараты волисполкомов на 50% укомплектовывались сотрудниками-казахами. Секретарь ВИКа - казах выполнял здесь роль переводчика. С этого времени губернские и уездные учреждения между собой и с казахскими волостями вели переписку на русском и казахском языках. В Петропавловске и других уездных центрах были открыты курсы для русскоязычных служащих по изучению казахского языка и письменности. Например, в Петропавловске действовали шестимесячные межведомственные курсы для работников, функции которых подлежали переводу на казахский язык. Благодаря этому среди служащих несколько выросла прослойка национальных кадров (на 1 января 1925 г. - 7,4%, на 1 апреля - 8,5%, на 1 мая - 10,1%, на 1 сентября - 12,2%). В Акмолинской губернии только каждый шестой ответственный работник в губернских учреждениях являлся представителем коренного населения.

В отчете Акмолинского губисполкома за 1926-1927 гг. отмечалось, что «к данному времени все делопроизводство и счетоводство в казахских ВИКах и аулсоветах ведется на каз. языке, в единичных случаях из-за отсутствия подготовленных работников счетоводство ведется на русском языке» [180].

С первых дней образования КАССР уделялось большое внимание укреплению статуса казахского языка.

В большинстве исполнительных органов было очень мало представителей коренной национальности, многие казахские интеллигенты старались восполнить этот пробел. Так, во время поездки в качестве уполномоченного КазЦИК по Семипалатинской губернии, С. Садвакасов провел ряд реорганизаций, создав ревком, в составе которого было три казаха. В целом в составе исполкомов казахи составляли 17,7% (по данным пяти губерний).

На проблеме использования казахского языка остановился в своем выступлении С. Мендешев на III съезде Советов в октябре 1922г. Так, он подвел итоги выполнения декрета СНК КазАССР от 1921 г. В частности, он отметил, что даже для осуществления перевода на казахский язык декретов, постановлений и распоряжений нет средств. Следовательно выполнение решений декрета проводилось с большими трудностями. Но, несмотря на это, в конце этого же 1922 года Президиум КазЦИК принял специальное постановление «О порядке принятия законов одновременно на русском и киргизском языках». В 1923 году состоялось IV совещание РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и национальных областей. От Казахстана были приглашены С.Мендешев, М.Мурзагалиев, А.Асылбеков. Однако участвовали только Каратлеуов и Асылбеков. Вопросы, рассматривавшиеся на этом совещании были весьма актуальными и злободневными. На этом совещании была принята программа действий по развитию экономики и культуры в национальных республиках, по расширению политического представительства нерусских национальностей и других позитивных решений. Решения совещания были обсуждены на заседании Президиума Киргизского областного комитета партии в июле 1923 года, на котором с докладом выступил А.Асылбеков. В своем выступлении он цитировал слова И.В.Сталина о том, что коммунисты, работающие на окраинах должны изучать язык коренной национальности, быт и нравы для того, чтобы вовлечь ее в советское строительство. Предполагалось из центрального фонда выделить средства для оказания помощи народному образованию на окраинах, для открытия школ и издания ленинской литературы на родном языке коренного населения. На этом заседании Н.Нурмаков и С.Садвакасов настаивали на принятии разработанного ими предложения, суть которого заключалась в следующем: предложить КазЦИК разработать план сроков и календарь введения казахского языка в делопроизводство, агитационно-пропагандистскому отделу наметить мероприятия по организации школы политграмоты на казахском языке, КазЦИК найти средства для издания литературы на казахском языке [181].

Работа Центральной комиссии при КазЦИК по введению казахского языка в делопроизводство по созданию таких комиссий на местах при исполкомах началась с 1924 г. На своих заседаниях Центральная комиссия разрабатывала мероприятия по введению казахского языка в

делопроизводство, заслушивала отчеты с мест по данному вопросу, вместе с наркоматами пыталась обеспечить перевод на казделопроизводство с помощью введения дополнительного штата из казахов. Так как грамотных казахов было немного, открывались всевозможные курсы для их подготовки, начиная с курсов волостных секретарей, заканчивая специальными, которые готовили специалистов по конкретной профессии. Коренизация (в тот период она называлась киргизация, позже казахизация - авт.) охватывала все стороны жизни общества, т.е. касалась не только органов управления, но и хозяйственных, кооперативных, профсоюзных органов. Особое внимание уделялось комплектованию учебных заведений учащимися-казахами.

Применявшиеся комиссиями методы требовали больших затрат, средства на которые испрашивались либо из Москвы через казахское представительство, либо востребовались из республиканского бюджета. Довольно часто содержание курсов финансировалось местным бюджетом. При условии местного финансирования курсы долго не существовали и закрывались после первого же выпуска. Сами курсанты, закончившие их, в большинстве своем не соответствовали требованиям, особенно это касалось тех организаций и учреждений, где нужны были специальные знания. Нередко бывали случаи, когда некоторые организации увольняли их в связи с «несоответствием».

Кроме метода использования практикантов, достаточно широко применялся метод выдвижения. Суть его заключалась в том, что из рабоче-крестьянской среды на ответственные должности выдвигались наиболее активные лица коренной национальности. Предпочтение отдавалось членам партии. Из-за острого дефицита интеллектуальных работников – специалистов считалось необходимым прибегать к способу выдвижения, по мнению партийных руководителей недостаточная подготовленность не должна была препятствовать такого рода выдвижению.

Выдвиженцами были те, кто, вооружившись большевистским энтузиазмом, нежели политическими или техническими знаниями, брался за выполнение ответственных функций на государственных и общественных промежуточных ступенях. Однако низкий образовательный и культурный выдвигаемых рабочих и крестьян стал серьезным препятствием для формирования кадров новой интеллигенции.

Первые годы коренизации отличались достаточно активной деятельностью Центральной комиссии по введению казахского языка в делопроизводство. Довольно часто ее местные отделения отчитывались перед вышестоящими органами, в том числе перед Казахским краевым комитетом РКП б). Но в отчетах недостатки работы постоянно преобладали над достижениями

В те годы комиссия широко метод, впоследствии получивший название процентного метода, заключающийся в установлении определенного процента работников-казахов в штате определенного учреждения. Причем размер процента не имел какого-либо обоснования. Затем они направлялись в

конкретное учреждение и составляли его дополнительный штат этого. Аппарат по-прежнему продолжал говорить и писать по-русски. Следовательно, этот метод не решал ни одну из задач коренизации. При этом казахи имели невысокий образовательный уровень либо занимали руководящие посты или были в обслуживающем персонале, от которых в массе своей ничего не зависело. Большой вред коренизации наносили постоянные чистки, укрупнения волостей. В ходе таких акций в первую очередь под увольнение попадали казахские работники.

Коренизация в своих политических целях должна была решить задачу не просто механического внедрения национальных кадров, а широкого вовлечения в управление государством именно пролетарских и крестьянских слоев казахского населения. Не случайно, упор на идеологическую сторону коренизации прослеживается в словах наркома просвещения Т. Жургуева, который писал, что ее нельзя понимать: «как просто комплектование штатов служащих исключительно из казахов, не взирая на деловую способность данного лица, его специальность и даже идеологию» (выделено нами) [182].

Вольно или невольно Т.Жургуев подчеркнул особую важность идеологических позиций. Успех политики коренизации обосновывался в партийных отчетах того периода данными демонстрировавших повышенную политическую активность казахского населения в ходе выборов в местные органы власти. Например, в отчете Петропавловского уездного комитета партии отмечалось: «Если взять казахское население, то мы имеем большой процент участия избирателей в выборах со стороны бедняцкой части, тогда как в русской - наоборот...» [183].

В числе первых председателей аулсоветов, выдвинутых в результате коренизации в Акмолинской губернии назывались К. Белькошиев (аул № 1), Ибрай Абугалиев (аул № 2), Юсуфбик Дусуков (аул № 3), Бикбир Тгалибаев (аул № 4), Галий Бибиргаев (аул № 5) - в Сарайгирской волости; Комза Ойчекин (аул № 1), Юсуп Кусенов (аул № 2), Абиль Юсупов (аул № 3) - Тарангульской волости и др [184].

Конституция Казахской АССР 1926 г. закрепила политическую основу, принципы государственного устройства автономной республики. Отдельные моменты в национально-государственном устройстве КАСР по ее Конституции выражались в следующем: во-первых, высшие органы государственного управления в основном состояли из местных кадров, знающих язык, быт, нравы, обычаи казахского населения; во-вторых, местные органы государственной власти функционировали в основном на казахском языке, а высшие органы – одновременно на казахском и русском языках. Но в действительности все было не так гладко и парадно, как отражалось в официальных документах. Касалось это и проведения коренизации. Эти ошибки были вынуждены признавать и партийные лидеры республики. Так, в своем выступлении на II Пленуме КазКрайкома Ф.И. Голощекин отмечал: «Надо указать три явления. Первое - сопротивление, главным образом, со стороны европейского русского населения, со стороны

того среднего состава советского аппарата, который боится за свое место, который сидит здесь довольно долго; второе и третье явление - извращение казакизации с двух сторон, со стороны европейской и казахской части» [185].

Недостатки, а порой и серьезные отклонения в осуществлении коренизации аппарата не только мешали нормальной работе государственных органов, но нередко приводили и к обострению национальных отношений.

Второй этап коренизации в Казахстане начинается с 1926 года, поскольку проблема коренизации еще не была решена Центральной комиссией и по-прежнему оставалась на повестке дня. Это особенно видно по материалам второго пленума Казкрайкома пятого созыва, состоявшегося в апреле 1926 г. На нем были подведены некоторые итоги коренизации за прошедшие годы, дана оценка деятельности Центральной комиссии, предложены новые методы работы. С точки зрения участников пленума, республика вступила в новую фазу коренизации, от чего необходимо изменить ранее использованные методы. Один из участников пленума Лотиков высказал идею о ненужности Центральной комиссии и передаче ее функций НК РКИ. Еще более резким было выступление А. Досова, который акцентировал внимание на том, что «привлечением трудового элемента в партийные и советские аппараты занимаемся формально, чтобы оправдаться перед историей» [186].

На этом пленуме было решено использовать функциональный метод при проведении дальнейшей коренизации. Суть его заключалась в следующем: учитывая неудачный опыт Центральной комиссии с применением процентного метода, было решено обеспечить кадрами, владеющими казахским языком, прежде всего, те должности, которые напрямую были связаны контактами с коренным населением (делопроизводители, секретари, счетоводы).

Таким образом, начало второго этапа коренизации определяется выходом Постановления Президиума КазЦИКа от 27 мая 1926 года «О коренизации аппарата», в котором было подчеркнуто, что «коренизация является мероприятием, проведение которого дает возможность достигнуть следующих целей: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь трудящихся казахов в советское строительство; в) поднять активность и самодеятельность казахских масс» [187].

В соответствии с постановлением в 1926 году метод коренизации решительно меняется, государственный аппарат переходит к функциональной коренизации, т.е. к замене казахскими работниками, в первую очередь, тех должностей, от которых зависит действительный переход государственного аппарата к работе на казахском языке. Работа по определению точного перечня и учета должностей, подлежащих коренизации, была завершена к 1927 г. К началу 1928 г. общая численность работников государственного аппарата республики достигла 50961, из них функциональные должности занимало 11874 человека, коренизировано 2683

должности (22,6 процента), из 878 должностей республиканского аппарата 202 (23 процента) [188].

Этот метод, однако, также имел свои недостатки, а именно: коренизации подвергались только представители среднего технического персонала, которые по мнению Ф.И. Голощекина «по долгу службы более всего должны были общаться с представителями народа». Естественно, что такое примитивное понимание коренизации не могло способствовать дальнейшему ее развитию.

Именно со второй половины 20-х годов партий начинает брать все под свой контроль, в том числе государственный аппарат, что свидетельствует об установлении порожденного большевиками совершенно нового явления, получившего название «партия-государство». Кроме того, коренизация была напрямую связана с предложенной Ф.И. Голощекиным советизацией казахского аула. На V краевой Всеказахской конференции он прямо сказал, что коренизация в области национального вопроса, «это следующий пункт советизации» Эту мысль он далее подтвердил на VI партийной конференции заявив, что «основное изменение в нашей постановке вопроса о коренизации вместо вопроса о коренизации сделали советизацию и представительству, что в значительной степени и было прежде, казахских масс» [189].

В этот период постепенно росли работоспособность и авторитет аулсоветов. Внедрялись плановые начала в его работу, расширялись права. Наблюдался и рост числа коммунистов в Советах, так по Акмолинской губернии в 1926 г. их было 935 человек, а в 1927 г. - 1200. С 1927 г. стали регулярно проводиться беспартийные конференции, где с докладами обычно выступали уездные партийные и советские работники, отвечали на их многочисленные вопросы, выслушивались предложения и просьбы крестьян. Увеличился приток казахов в партийные ряды. В числе первых коммунистов, внесших большой вклад в хозяйственное и культурное строительство в Северном Казахстане были: Ш. Забиров - член партии с 1918 г., М. Гибадулин - с 1919 г., Х. Маназаров, М. Бейсенов, Х. Айтпенев - с 1920 г. Тем не менее, в общей численности петропавловской окружной парторганизации в 1930 году насчитывалось лишь менее четверти казахов. Процесс коренизации аппарата, внедрение казахского языка в делопроизводство по-прежнему встречали сопротивление со стороны русских коммунистов. Но, виновными признавались казахские интеллигенты. Так, например в документах Акмолинского губкома партии утверждалось, что «казахская интеллигенция распространяет слухи, что якобы лица, не владеющие казахским языком, ни в коем случае не будут приниматься на работу в аппарат. Такой слух и некоторые обстоятельства, создавшиеся в силу местных условий, лишний раз являются усиливающим антагонизм средством для шовинистически настроенных коммунистов...» [190].

Еще одной болевой точкой в коренизации аппарата в Акмолинской губернии являлось то обстоятельство, что становились не столь нужными отдельные категории служащих из лиц татарской национальности, ранее

считавшиеся незаменимыми. В информативных сводках тех лет нередко отмечалось: «Татары обижаются на киргиз, что... они занимают те или иные должности в совучреждениях, а татары не могут зачастую устроиться на службу хотя бы техническими работниками...» [191].

Несмотря на то, что неоднократно принимались все новые и новые постановления по коренизации, но работа не была успешной. К началу 1927 г. из низовых органов стали поступать отчеты о проделанной работе по коренизации. Так, Актюбинский губернский исполнительный комитет сообщал, что с уничтожением губернской комиссии и передачей ее функций губРКИ работа в этой области застыла.

Далее, по плану РКИ должно было быть коренизировано в 1927/28 г. 13 800 функциональных должностей, хотя на деле оказалось лишь 18, т.е. 2300. При этом важно отметить тот факт, что эти данные по-разному представлены в различных источниках. Если в резолюции Бюро Казкрайкома по докладу НК РКИ говорится о 12 тысяч должностей, которые необходимо коренизировать, то в докладе КазЦИКа ВЦИКу о коренизации в республике упомянуто 11910 должностей, которые намечено было коренизировать. На деле было учтено всего 11068 функций. Из них оказалось коренизированными лишь 2567 должностей или 23,8% из числа учтенных [192].

Такой разницей в цифрах является серьезным аргументом в определении уровня коренизации как весьма низкого. Вопросы проведения коренизации неоднократно поднимались на различных совещаниях, партийных конференциях и пленумах, съездах. Принимались новые планы, резолюции, но работа не шла. Так, в своем выступлении на II сессии КазЦИК седьмого созыва (январь 1930г.) А. Асылбеков говорил о том, что в течение 1928 г. только Президиум КазЦИК четыре раза принимал решения по данному вопросу [194].

Однако, коренизация не только не двигалась вперед, а даже наоборот - значительно замедлилась. Об этом свидетельствуют материалы с мест. Неудовлетворительное состояние коренизации было отмечено в докладе VI партийной конференции Казахской краевой контрольной комиссии совместно с НК РКИ. По отчету краевой контрольной комиссии и НК РКИ была принята резолюция, где отмечая достижения НК РКИ в решении вопроса, конференция тем не менее постановила нецелесообразным дальнейшее руководство РКИ коренизацией.

На очередной сессии КазЦИК, проходившей в феврале 1928г., было принято решение о передаче функций РКИ президиумам исполкомов всех уровней, а за РКИ оставить контролирующие функции.

Следующим средством подготовки национальных кадров государственного аппарата являлось обучение казахскому языку работников некоренной национальности. 12 января 1927 г. СНК КАССР принял постановление «О курсах обучения европейских работников казахскому языку», на котором прошло обучение 2060 человек [193].

Тем не менее, даже в середине 30-х годов это постановление игнорировалось, переписка областных организаций даже в таких областях, где основную массу населения составляли казахи. Об этом свидетельствует Постановление Президиума Южно-Казахстанского облисполкома за №365 20 апреля 1935 г. «О состоянии коренизации аппарата» (Внесено ОРГС Облбкома). В этом постановлении указывается, что «руководители областных организаций совершенно не учли и не учитывают политической важности проведения мероприятий по коренизации, Облзу; Облздрав; Облпотребсоюз; Облвнупотр и ряд других организации до сих пор всю переписку со всеми районами ведут исключительно на одном русском языке, в том числе с районами, с которыми по декрету Казакского Правительства делопроизводство установлено вести на казахском языке не получают одновременного ответа и указания» [195].

Кроме того, отмечалось, что отдельные областные организации, такие как Овцеводтрест, Облплан, Казторг, Облсвязь, Облпотребсоюз «умышленно не приобретали машинки с латинизированным шрифтом». Несмотря на целый ряд постановлений различного уровня состав этих организаций совершенно не подвергся коренизации, к примеру, в Казонесбыте не было к 1935 году «ни единого коренного или коренизированного работника» [196].

Что касается курсов по изучению казахского языка, то они не были организованы, что, как писал Председатель Южно-Казахстанского Облисполкома Орумбаев: «несомненно является фактом явного сознательного нарушения и игнорирования решений партий и правительства о коренизации». Виновными в противодействии коренизации являлись русские руководители областных организаций, среди них назывались имена «руководителей Облфо – Гурьева, Облпотребсоюз – Шляпникова, Облзу – Бурасова, Облзаготзерно – Кубасова, Облпромсоюза – Голубева». Наиболее ярый противник коренизации - работник Облуправления связи Антипов был снят с работы и предан суду [197].

На проведение коренизации сильно повлияло районирование, проведенное в 1928 года, в результате которого было образовано 113 казахских районов вместо существовавших ранее 182. Оно не могло не сказаться на результатах коренизации, о чем свидетельствуют планы коренизации. Практические мероприятия было предложено заменить на номенклатуру функций включив в нее в связи с районированием врачей, агрономов и т.д.; составить отдельные номенклатуры для центрального, окружного, районного и городского аппаратов; после функций, окончательно спроектировать сеть казработников; составить отдельные директивные планы центральных, окружных и т.п. аппаратов.

После районирования коренизация пошла на спад, о чем свидетельствуют материалы архивов. Так, на совещании организационно-распределительного отдела КазЦИК (декабрь 1928 г.) был заслушан доклад «О ходе коренизации на местах». Выступавшие в прениях говорили о том, что в результате проведенного районирования темпы коренизации ослабели.

По их мнению, это объяснялось проведенными кампаниями районирования, «отвлечшими внимание и силы», «работали без плана, коренизируются в основном административные органы». Почти все говорили о том, что с «коренизацией у нас нехорошо», «директивы не реализуются», «в большинстве случаев в коренизации после районирования мы пошли назад».

Основной упор во второй период коренизации делался на подготовку казахских кадров через систему народного, профессионального образования [198].

Таблица 3 - Данные по подготовке казахской молодежи через систему народного и профессионального образования, в % к общему числу учащихся в 1927-1929 гг.

Учебные заведения	1927	1928	1929
Техникумы, рабфаки	49,9	52,2	62,4
Вузы	28,1	30,3	34,7
Совпартшколы	67,0	69,1	58,8
Школы крестьянской молодежи			20,0

Как свидетельствуют приведенные данные, наибольший процент казахской молодежи в 1927-1929 годах имелся в составе учащихся советских партийных школ, но в этот же период отмечалась тенденция к ее снижению. В техникумах и на рабфаках увеличивалось процентное соотношение казахов, которое за указанный период выросло с 49,9 до 62,4 %. Гораздо хуже обстояли дела в подготовке казахской молодежи через вузы. Их доля в составе учащихся в 1929 году составляла чуть более трети от всех студентов. Что касается школ крестьянской молодежи, то данные имеются только по 1929 году, в котором доля казахов составила всего 20 %. Это, скорее всего, было связано с тем, что это были школы с русским языком обучения и располагались в местах сплошного проживания русского населения.

В проведении коренизации аппарата использовался такой метод, как выдвиженчество. По краевым организациям к 1928/29 году из 106 выдвиженцев до 60 процентов были казахи, в округах – из 1702-53. Однако в целом для национальной политики большевиков, начиная с конца 20-х годов, становится характерным изменение самого содержания, что объясняется, с одной стороны, выводом, сделанным партией о решении национального вопроса в стране, с другой - увязыванием национальных моментов с различными «уклонами», что было нужно «власть предрержащим» для расправы с неугодными политическими деятелями, а позднее - и с целыми народами.

Период конца 20 - начала 30-х годов еще не характеризовался той парадностью и провозглашением решения всех проблем, в том числе национальных, которые будут характерны для официальной политики в 30-е годы и особенно после принятия Конституции 1936 года. Поэтому в это время еще можно встретить критическую оценку деятельности в той или

иной сфере политической жизни страны в целом и республики в частности. Так, при подведении итогов в проведении коренизации к концу 20-х годов в отчетах краевого комитета неоднократно отмечались ошибки, допущенные в осуществлении этой важнейшей составной части национальной политики. В отчете «О состоянии коренизации государственного и кооперативного аппарата КАССР», представленном секретарем ЦИК А. Асылбековым и заведующим сектором кадров и коренизации ЦИК КазАССР Даулбаевым, отмечалось: «Ввиду неправильного применения на практике методов, норм и темпов коренизации, происходит то, что с одной стороны коренизировались только низшие и руководящие органы аппарата, а средний и технический персонал коренизацией не был затронут, с другой - чисто механический подход к коренизации давал повод к всевозможным неправильным толкованиям самой идеи коренизации. В результате обслуживание казахского населения не усилилось, что вызвало кое-где даже обострение межнациональных отношений» [199].

Цифровые показатели коренизации второго периода выглядели следующим образом:

Таблица 4 – Показатели коренизации в Казахстане в 1930 году

Название округа	Всего функций	Из них коренизировано	% коренизации
Петропавловск	399	90	15
Каракалпак. АО	300	40	15
Каркаралинск	340	280	83,3
Уральск	569	48	8,9
Актюбинск	550	103	19
Кзыл-Орда	586	197	33
Павлодар	205	98	28
Акмолинск	582	190	32
Итого	3731	1002	26,8

Характерной особенностью второго этапа коренизации стало уменьшение в ряде мест удельного веса казахских работников государственного аппарата. Так, например, в Актюбинске он снизился с 22 до 19 %, Уральске - с 34 до 18,4 %, по краевому аппарату в целом - с 21 до 16,9 %. Среди причин снижения коренизации особо отмечались недооценка ее значения, сопротивление со стороны великодержавных шовинистов и местных националистов. Последний вывод делался явно в русле той официальной политики, о которой уже говорилось выше. Отмечались конкретные виновники в неправильном проведении коренизации (например, Наркомпрос, Тяжпром, секторы оседания и кадров Наркомзема). Указывалось на яркие примеры великодержавного шовинизма, который проявлялся: «...в самом методе составления плана коренизации аппарата. Так, например, Крайзагозерно и Казкрайсоюз представили первичный план коренизации, предусматривающий коренизацию должностей исключительно за счет изучения казахского языка русскими,

игнорируя вопросы подготовки и переподготовки и выдвижения из коренного казахского населения» [200].

К началу 30-х годов позитивный процесс становления новых национальных отношений резко затормозился, поскольку на вооружение был взят тезис о том, что национальный вопрос в стране уже решен, то о процессах национального развития стали говорить как о слиянии наций. Многонациональность стала трактоваться как интернациональность, межнациональность – как дружба народов. На партийных съездах в 30-е годы национальный вопрос не ставился, а тема национальных отношений звучала только в речах делегатов от национальных республик.

Другим фактором, влиявшим на осуществление национальной политики в первой половине 30-х годов, был вывод сделанный И.В. Сталиным о том, что с построением социализма возрастает классовая борьба, в межнациональных отношениях выражавшаяся в усилении великодержавного шовинизма, с одной стороны, и местного национализма с другой.

На 30-е годы приходится третий этап в проведении коренизации. Несмотря на спад в политике коренизации, власти не прекращали ее, а, наоборот, создавали новые органы, которые должны были руководить и контролировать ее осуществление. Так, 2 июля 1930г. СНК КАССР утвердил Положение о Комитете по казахизации промышленности и транспорта в Казахстане. Его задачи отличались от задач предшествующих комиссий, НК РКИ. Это объясняется тем, что Комитет занимался не коренизацией государственного аппарата, а исключительно промышленностью и транспортом, что было связано с задачами индустриализации. Ему на смену создается новый, очередной комитет по коренизации производства при КазЦИК. Кроме того, с 1929г. по 1930г. при наркомате труда существовал еще один комитет. В 1933 г. вновь создается специальный орган – краевой комитет по коренизации аппарата и правительства при Президиуме КазЦИК, в задачи которого входило коренизировать не только госаппарат, но и промышленность. Именно с создания комитета в 1933 г. начинается третий, последний этап в политике коренизации.

Итак, 1 июня 1933г. за подписью Е. Ерназарова выходит Положение о Краевом комитете по коренизации аппарата и производства при КазЦИК. В Положении о Центральной комиссии говорится, что задачей комиссии является: «разработка, руководство и наблюдение за работами губернских комиссий», в Положении о Комитете по казахизации промышленности и транспорта «содействие и наблюдение за созданием казахских пролетарских кадров и т.д.», то в Положении нового комитета отмечается следующее: «организация систематической проверки выполнения решений партии и правительства» [201].

Таким образом, целью работы комитета является не столько перевод делопроизводства на казахский язык, сколько «руководство, проверка, рассмотрение...». Это на деле означало лишь усиление централизации и партийного диктата в деле коренизации. Заранее напрашивается вывод о том, что при такой постановке дела комитет не может добиться конкретных

результатов и обречен на бессмысленную работу «вхолостую». В протоколе совещания работников Краевого комитета по коренизации от 20 Декабря 1933 года распределяются обязанности членов Комитета. Так, С. Амрин и А. Умбетбаев были ответственны за руководство коренизацией, Бекбулатов - за коренизацию на производстве, Е. Князева – за подготовку кадров по коренизации, преподавание и подготовку кадров.

В этот период издается ряд документов, определяющих льготы для специалистов, владеющих казахским языком, устанавливаются сроки перевода делопроизводства на казахский язык по наркоматам, краевым, областным и районным учреждениям» [202].

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что изменились задачи коренизации. Так, если в 20-х годах планировался перевод на казделопроизводство практически всех государственных учреждений, то на третьем этапе перевод должен был быть произведен выборочно. Если раньше главным препятствием в деле коренизации объявлялся великодержавный шовинизм, то теперь помехой назывались действия контрреволюционеров, алаш-ордынцев, националистических элементов.

Исследуя причины слабого выполнения плана коренизации, краевой комитет отмечал потерю классового чутья, большевистской бдительности со стороны партийного руководства, отсутствие широкого интернационального воспитания, и как следствие, разгул великодержавного шовинизма, имеющего широкое распространение из-за наличия большого скопления чуждого элемента (имеются в виду спепереселенцы), и, с другой стороны, проявление местного национализма, т.е. основные выводы делались в русле официальной политики, без объективного рассмотрения действительных причин негативных явлений.

В середине 30-х годов, по сути дела, коренизация уже не нужна была большевистскому режиму. Были созданы национальные кадры, которые входили в состав госаппарата и производств, партийная бюрократия, которая соответствовали требованиям властей, была послушной марионеткой партократии, беспрекословно выполнявшей ее решения, не имевшая своего национального лица. Под жестким контролем Центра эта новая элита осуществляла косвенное правление и проводила большевистскую политику в жизнь. Национальная культура также постепенно утрачивала свою самобытность, становясь безликой, подчиняясь идеологическим установкам и подвергаясь еще большей аккультурации в пользу стандартизированной русской культуры, терял свое значение казахский язык, т.к. повсюду использовался русский.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что с середины 30-х годов политика коренизации была исчерпана. Задачи коренизации не были осуществлены в интересах коренной национальности. Документы ярко демонстрируют явное несоответствие между продекларированными целями и задачами большевиков и практическим воплощением их в жизнь. Это была политика, способствовавшая сохранению целостности

государства и осуществлению тоталитарного управления, сопровождавшаяся поддержкой престижных институтов и элит. Коренизация была чужда коренному населению, проводилась в целях русификации, подчинения казахов. Подтверждением этого являются слова из листовки нелегальной организации «Казакшильдер»: «С целью взять под свое влияние сознательных казахских работников, европейские авантюристы выбросили фиктивный лозунг «казакизация», но... не осуществляют этот лозунг» [203]. Однако, необходимо отметить и положительные результаты, главным итогом коренизации было то, что сложились собственные кадры интеллигенции и управления.

Методические рекомендации:

При изучении политики коренизации аппарата в Казахстане следует особое внимание обратить на идеологические и этно-культурные установки ее проведения. Необходимо при этом выделить отношение казахской интеллигенции к вопросу коренизации и ее разногласия в этом с большевистским Центром. Кроме того, следует объективно воспринимать итоги коренизации в республике.

Контрольные вопросы к теме:

1. Что представляла собой политика коренизации в Казахстане?
2. Почему национальный вопрос был одним из самых трудных в политике Советской власти?
3. На каких принципах базировалась национальная политика большевиков?
4. Какие признаки коммунистического отношения к этническим проблемам были сформулированы И.Сталиным?
5. Какие цели преследовала национальная политика большевиков?
6. Какой путь был основным в формировании кадров национальной интеллигенции?
7. Что представлял собой так называемый «Национал-уклонизм»?
8. Какие этапы выделяются в коренизации аппарата в Казахстане?
9. Какие недостатки и проблемы видели представители казахской интеллигенции в осуществлении коренизации?
10. Почему коренизация в Казахстане столкнулась с большими трудностями?
11. Какие предложения выдвигали Н.Нурмаков и С.Садвакасов по проведению коренизации в Казахстане?
12. Почему с конца 20-х годов становится характерным изменение самого содержания национальной политики большевиков?
13. Каковы были итоги коренизации аппарата в Казахстане?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемом учебном пособии была сделана попытка раскрыть один из самых сложных и актуальных вопросов истории Казахстана новейшего времени - об особенностях развития культурных процессов в Казахстане в период 20-30-х годов XX века. Культурное развитие неразрывно связано с социально-экономическими, политическими и этническими процессами и институтами. Без учета этой связи не может решаться ни одна культурная проблема. Изучение тенденций развития культурных процессов и их особенностей в один из самых сложных и драматичных периодов казахской истории – период силовой модернизации, когда на повестке дня стоял вопрос о самом существовании национальной культуры, составляют важную область исследований не только в историческом, но и всех иных гуманитарных и национальном аспектах.

В наши дни, когда Республика Казахстан вступила на путь новой модернизации, исследование развития культурных процессов, как в теоретическом, так и практическом плане, стало важной задачей исторической науки. Жизнь требует от историков ответа на многие вопросы: каковы особенности развития культурных процессов, какую роль культура играет в модернизации общества, какова культурная ситуация в стране, чем она вызвана, каковы ее последствия, как в будущем будут изменяться культурные процессы и как эти изменения повлияют на развитие экономики, политики, общества в целом?

Сегодня становится актуальной разработка основных принципов и направлений культурной политики Республики Казахстан в системе государственной политики, учитывающей этнокультурные особенности, национальные стереотипы поведения людей. Еще многое предстоит сделать для изучения и решения назревших проблем культурного развития. Промедление в их решении тормозит не только процесс развития модернизации общественного сознания и государства Казахстан в целом но и препятствует реализации задач его интеграции в мировое культурное пространство.

На сегодняшний день важно, чтобы решение назревших социально-культурных проблем в Республике Казахстан в целом способствовало процветанию казахстанского народа и формированию стабильного и сильного демократического государства.

Список использованной литературы и источников:

1. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. Полное собрание сочинений, - Т. 41, - С. 104.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 41, - С. 104.
3. Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. - М., Л., 1925. – С.79.
4. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. - М.: Галарт, 1984. – С. 85.
5. Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. - М., Л., 1925. – С.84.
6. Кирабаев С. Сакен Сейфуллин. Критико-биографич. очерк, - М., 1973.
7. Простор, 1989., - № 3.
8. ЦГА РУ, Ф.37, Оп.1, Д.2114, Л.23.
9. Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. - М., Л., 1925. – С.89.
10. Советская степь, 16 октября 1927 г.
11. Сейфуллин С. Шыгармалар. – Алматы, 1962. - 4 том, - 317 б.
12. Советская степь, 21 ноября 1927 г.
13. Муқанов С. Школа жизни. - Кн. 3. Годы возмужания. – Алматы, Жазушы, 1985. - С. 218-219.
14. Тогжанов Г.С. Против национализма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике // За партию, ноябрь 1928 г.
15. Тогжанов Г.С. Против национализма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике // За партию, ноябрь 1928 г.
16. Тогжанов Г.С. Против национализма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике // За партию, ноябрь 1928 г.
17. Тоталитаризм и культура // Вопросы литературы. – 1992. -Вып. 1., - С.19.
18. Тоталитаризм и культура // Вопросы литературы. – 1992. -Вып. 1., - С.21.
19. Доклад Каипназарова // Казахстанская правда, 21 апреля 1932 года.
20. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М., 1934, - С.56.
21. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М., 1934, - С. 57.
22. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Казахстана в связи с 20-летием творческой деятельности Сакена Сейфуллина на литературном фронте.
23. Бес арыс. - Алматы: Жалын, 1998, - 325 б.
24. Елеукенов Ш. Магжан. – Алматы, 1995, - С 127.
25. Әдебиет майданы, № 7, 1937.
26. АП РК, ф.706, Оп.1, д.604, Л.18.
27. Казахстанская правда, 16 сент. 1934.
28. ГАЮКО, Ф. 93, оп. 1, св.2, д. 20, л 6.
29. ГАЮКО, Ф. 93, оп. 1, св.2, д. 20, л.7.
30. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.: Сборник документов / Архив Президента РК. Отв. редактор Л. Д. Дегитаева. Отв. сост.: И. Н. Бухонова, Е. М. Грибанова. – Алматы: Қазақстан, 1998. – 336 с.
31. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.4, Д.7, Л.12.

32. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.4, Д.12, Л.23.
33. Сборник к 10-летию издания Декрета по ликвидации неграмотности. - М.,1929. - С.14.
34. Советская степь, 4 октября 1929.
35. ГА РФ, Ф.1318, Оп.1, Д.112, Л.67.
36. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.173, Л.139.
37. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.699, Л.14.
38. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.472, Л.73.
39. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.104.
40. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.104.
41. Культурное строительство в Туркестанской АССР.1917-1924.гг. - Сб. док. - Т.1, Ташкент, 1973. - С. 5.
42. Культурное строительство в Туркестанской АССР.1917-1924.гг. - Сб. док. - Т.1, Ташкент, 1973. - С. 8.
43. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.108.
44. Коммунистическая революция. 1928. № 11-12. - С. 46.
45. ЦГА РУ. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1188. Л. 191.
46. Жубатканов К.Ж. Современное положение государственного языка в Республике Казахстан // Историко-культурное наследие Центрально-азиатского региона. - Вып. 1. - Уральск, 2000. - С. 29-30.
47. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.108.
48. Байтурсинов А. Язык - средство общения. - Оренбург 1924.
49. Тойкенов Х. Мұғалімдерге: Дулатов // Бастауыш мектеп, 1990, - № 6. - с. 34.
50. Аймауытов Ж. Психология. - Кызыл-Орда,1926, - 176 с. - С. 25
51. Аймауытов Ж. Педагогическое руководство: Методическое пособие для учителей 4-х и 7-х классов и педагогических заведений. - Оренбург 1924, - 186 с. - С. 26.
52. Жумабаев М. Педагогика (Баланы тәрбие қылу жолдары) – Алматы, 1992. – 82 б.
53. Советская степь, 4 октября 1929.
54. Камалиева К. Общественно-педагогическая деятельность С. Сейфулина и вопросы образования и воспитания в его творчестве. Дис. к. пед. н. – Алматы, 1968, - С. 20.
55. ГА Кызылординской области, ф. 171, оп. 1, д. 5, л. 71.
56. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.109.
57. Казак Совет энциклопедиясы. - Т.2. - Алма-Ата, 1973. – С. 565.
58. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.127, Л.20.
59. ГА Алматинской области, ф. 469, оп. 1, Д. 114. л. 12.
60. ЦГА РУ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 5-6.
61. ГА Алматинской области, ф. 469, оп. 1, Д, 114. л. 2–2 об.
62. ЦГА РУз, ф.25, оп. I, д.40, л. 169.
63. ЦГА РУз, ф. 372, оп.1, д.60, л. 5,6.
64. ЦГА РУз, ф. 34, оп. 1, д.1339, л.185.

65. ЦГА РУз, ф. 34, оп. 1, д. 1339, л. 185.
66. ЦГА РУз, ф. 34, оп. 1, д. 1339, л. 185.
67. ЦГА РУз, Ф.Р-34, Оп.1, Д.1325, Л.109.
68. ЦГА РУз, ф.372, оп.1, д.49, л.7.
69. ЦГА РУз. ф. Р-24, оп. 5, д. 404, л. 34.
70. ЦГА РУз. ф. Р-24, оп. 5, д. 404, л. 34.
71. Панорама Шымкента, 2001, 15 октября.
72. Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993, С.40.
73. ЦГА РУз, ф. 2773, оп. 1, д. 251, л. 108.
74. ЦГА РУз, ф. 2773, оп. 1, д. 251, л. 88.
75. Чулошников А.П. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. - Часть 1. Древнее время и Средние века. - Киргизское Государственное издательство. – Оренбург, 1924.
76. ЦГА РУз. ф. И-69 оп 1 д. 54 л. 35.
77. ЦГА РУз. ф. И-69 оп 1 д. 54 л. 37,38.
78. ЦГА РУз. ф. Р.25, оп.1, Д.1138, Л.22.
79. ЦГА РУз. ф. Р.25, оп.1, Д.1138, Л.22.
80. Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг. / Сб. документов. - Караганда, 2005. - С. 43.
81. Букейхан. А. Казахи. Антропологическое исследование. - Вып. 15. - Ленинград. 1926.
82. Дулатұлы М. Шығармалары. 2 томдық. - Т.1. - Алматы: Ғылым, 1996. - 280 б.; - Т.2. - 1997. - 343 б.
83. Дулатұлы М. Шығармалары. - Т.1. - 221 б.
84. Кенжебаев К. Султанмахмут Торайғыров - А-Ата,1958. - 28 с., - С.7.
85. Букейхан А. Избранное. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - 479 с.
86. Букейхан А. Избранное. - С.279.
87. Дұлатұлы М. Бес томдық шығармалар жинағы: - Үшінші том. - Алматы: «Мектеп» баспасы ЖАК, 2003. - 400 б.
88. Садвокасов С. О национальностях и националах // Большевик. - 1928. - №1. - С. 56-64.
- 89.ЦГА РУз., ф. 34, оп. 1, д. 1188, л.93, 93об.
- 90.ЦГА РУз., ф. 34, оп. 1, д. 1188, л.93, 93об.
- 91.Нурпеисов К. Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // Мысль. 1998. - № 2. - С. 84-87.
92. Досмұхамедұлы Х. Тандамалы шығармалар. - Алматы, 1998. - С. 133. – 260 с.
93. ЦГА РУз. ф.34, оп.1, д.2114, л. 14.
94. Историко-культурное наследие Центрально-Азиатского региона. - Вып. 1. - Уральск, 2000. - С. 29-30.
- 95.Әуезов М. Әдебиет туралы. - Алматы, 1997. - 300 б.
96. Әуезов М. Әдебиет туралы. - Алматы, 1997. - 300 б.
- 97.ЦГА РК, Ф.1634, Оп.1, Д.57, Л.19.

98. Решение Семиреченского областного Мусбюро от 21 сентября 1920 г. Протокол № 97. г. Верный // ААП РУ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 593. Л. 24об.
99. ЦГА РК, Ф.1634, Оп.1, Д.57, Л.23.
100. Рыскулов Т. Казахстан // Собрание сочинений в трех томах. - Т.2. - Алматы, 1997. - С.209.
101. Асфендиаров С.Д. О некоторых основных вопросах истории казахов // Большевик Казахстана, 1933. - № 10.
102. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата, 1966. - С. 303. - 322с.
103. Нусупбеков А.Н. У истоков создания Казахской базы Академии наук СССР // Вестник АН КазССР. - № 2, 1974. - С. 16-18.
104. БСЭ. 3-е изд. - Т. 30. - М., 1978. - С. 304.
105. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1 (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.). – М.-Алма-Ата, 1935. – 299 с.
106. Маргулан А.К. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. - Павлодар, 2004. - С. 42-43. - 72 с.
107. Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.12. - с.143-144.
108. Компартия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. - Ташкент, 1988, - С. 54.
109. Компартия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. - Ташкент, 1988, - С. 56.
110. ЦГА РУз, ф.34, оп.1, д.388, л.4.
111. ЦГА РУз, ф.34, оп.1, д.388, л.8.
112. Тюрякулов Н. «Коммунистическая революция». - № 20, 1925. - С. 71-75.
113. Декреты советской власти. – М., 1957. - Т. 1. – 375 с.
114. Тогжанов Г. История движения и победы нового алфавита среди казахов // Большевик Казахстана. - № 6. - 1933.
115. Казах, 2 февраля 1913 года.
116. Бурабаев М. Общественная мысль Казахстана (1917-1940 г.г.). - Алма-Ата: Ғылым, 1991 - 254 с.
117. Жумашев Р.М. Культура Казахстана (1917-1940) // Проблемы истории и этнологии Казахстана. - 5-ый вып. - Караганда, 2001. - С. 120-121.
118. Байтурсынов А. Зигзаги казахской графики. - Алматы, 1991. - С.6.
119. Жумабаев М. Родной язык в начальной школе. - Ташкент, 1923 - 23 б.
120. Жумабаев М. Родной язык в начальной школе. - Ташкент, 1923. – 23 б.
121. Дулатулы М. Шығармалары. 2 томдық. - Т.1. - Алматы: Ғылым, 1996. - 280 б.; - Т.2. - 1997. - 343 б.
122. Дулатулы М. Шығармалары. 2 томдық. - Т.1. - Алматы: Ғылым, 1996. - 280 б.; - Т.2. – 1997. - 343 б.
123. Сейфулин С. Собрание сочинений в 6 томах. - Т. 4. - Алматы. 1962. - 392 с. - С. 209-210.
124. ЦГА РУз. ф. 34 оп 1, д. 1188, л. 294об.
125. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.4, Л.90.
126. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.4, Л.92.

127. ЦГА РК, Ф.980, Оп.1, Д.4, Л.93.
128. Нурпеисов К.Н. Духовное сопротивление национально-демократической интеллигенции тоталитарному режиму в Казахстане (на примере 20-х годов) // Современные проблемы истории Казахстана: становление казахской государственности и развитие нации / Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. - Уральск, 1997. - С. 14-20.
129. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - Т.1. - Алма-Ата, 1981. - С.87.
130. Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский отдел народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. - Алма-Ата: Наука, 1975.- 221 с., - С.83.
- 131.ЦГАРК.Ф.17,Оп.1,Д.1,Л.2.
- 132.ЦГАРК.Ф.81, Оп.1,Д.1,11.
- 133.ЦГАРК.Ф.81, Оп.1,Д.1,Л.14.
134. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. – М.: Россия молодая, 1994. - С. 187.
135. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - Т.1. - С. 26-27, 37.
136. Еңбекші қазақ. - 1925. - 17 ноября.
137. Рыскулов Т.Р. Избранные труды. - Алма-Ата, 1984. - С.148-169.
138. Аманжолова Д.А. Этносы и власть в России: очерки истории и законоотворчества. XX век. - Т. II. - Киров, 2003. - С. 7.
139. Аманжолова Д.А. Этносы и власть в России: очерки истории и законоотворчества. XX век. - Т. II. - Киров, 2003. - С. 7.
140. Отчет краевого комитета VI Всеказахской партконференции. Доклад и закл. Слово т. Голощекина (15-23 ноября 1927 г.). - Кзыл-Орда,1928. - С. 31-33, 34, 56, 69, 104.
141. Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). - М.: Госиздат, 1921. -189 с., - С. 4, 46.
142. Коммунистическая мысль. - 1926. - № 2.
143. Советская степь. - 1929. - 19 апреля.
144. Асфендияров С. История национально-революционных движений на Востоке // Большевик Казахстана. - 1930. - № 1-2. - С. 92.
145. Асфендияров С. О некоторых основных вопросах истории казахов // Большевик Казахстана. -1933. - № 2. - С. 38.
146. Лекеров А. За научные переводы классиков марксизма-ленинизма // Большевик Казахстана. – 1935. - № 3.
147. Брайнин С. Шафиро Ш. Очерки по истории «Алаш-Орды». - Алматы: Казгосиздат, 1935. - С. 78.
148. Асылбеков А. О ходе коренизации // Большевик Казахстана. - 1932. - № 11.
149. Лекеров А. За научные переводы классиков марксизма-ленинизма // Большевик Казахстана, 1935. - № 3; Жургуев Т. Вопросы терминологии // Большевик Казахстана. - № 3. - С. 45.

150. Большевик Казахстана. -1937. - № 6-7. - С. 60-61.
151. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Изд 5-ое. - М., 1981. - Т. 37. - С. 20-21.
152. Троцкий Л. Д. Литература и революция. - М., 1923; Ларин Ю. Интеллигенция и советы. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. - М., 1924; Бухарин Н. И. Пролетарская революция - М., 1923; Троцкий Л. Д. Интеллигенция и социализм / Литература и революция. - М., 1923. – С.357.
153. Байтурсынов А. Шығармалары. - Алматы, 1989; Ақ жол. - Алматы: Ғылым, 1991 - 314 с.
154. Известия ЦК КПСС. 1989. - № 9. - С. 198-200.
155. ЦГА РК.Ф.81, Оп.1, Д.46, Л.19,22.
156. Внутрипартийные вопросы на 3-ем пленуме Казахского Крайкома ВКП (б). Кзыл-Орда, 1927. - С. 65, 69.
157. Большевик. 1928, № 1, - С.64.
158. Большевик. 1928, № 1, - С.65.
159. Большевик. 1928, № 1, - С.65.
160. Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. - Алма-Ата, 1990. - С. 34-42.
161. АП РК, Ф. 17, Оп. 1, Д. 307, Л. 52-57.
162. Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. - Сб. статей. - Выпуск II. - Алматы. 1994. - С. 52.
163. Соскин В.Л. К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции // Интеллигенция в советском обществе: Межвуз. сб. науч. тр. - Кемерово, 1993. - С. 35.
164. ЦГА РК. Ф.5, Оп.14,Д.34,Л.91.
165. ЦГА РК.Ф.1202,Оп.1, Д.1,Л.2-3.
166. Культурное строительство Казахской ССР. Статистический сборник. - Алма-Ата, 1960. - С.90.
167. Народное хозяйство Казахстана. 1930. - № 3-4. - С.17,19; - № 5-6. - С.41; Абжанов Х. Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. - Алма-Ата, 1988. - С.39.
168. КПСС и Советское правительство о Казахстане.1917-1977г.г. - Сб. д-тов и материалов. - Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 394 с.
169. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М.: Политиздат, 1983. - Т. 2. – 543 с., - С. 220.
170. Сталин И.В. Соч, Т.5. - С.59.
171. Цит. По Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной суперэтнической державы. – Алматы: «Ғылым», 1998. - С.79.
172. ЦГА РК, Ф.5, Оп1, Д.216, Л.4.
173. Декрет ЦИК КАССР о внедрении делопроизводства на казахском языке. 22 ноября 1923 г. // В братском единстве народов СССР. - Сб. док. - А-Ата, 1972. - С.128-129.
174. ЦГА РК, Ф,774, оп.1, Д.3. Л.15.
175. ЦГА РК, Ф.877, Оп.1, Д.41, Л.1.

176. РГАСПИ, ф.122, оп.4, Д-31, л.76.
177. ГАРФ, ф.1318, оп.1, д.112, л.7-7а.
178. V Всеказахский (Всекиргизский съезд советов (15-19 апреля 1925 г.) Стат. Отчет, Кзыл-Орда, 1925. - С.8.
179. ГАСКО, Ф 1. Оп. 1. Д. 593. Л. 24.
180. ГАСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 949, Л. 36.
181. АП РК. Ф.139. Оп 1. Д.543. Л.63.
182. Сулейменов Р.Б. Темирбек Жургенев. - А-Ата, 1968. - С.73.
183. ГАСКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 740, Л. 23.
184. ГАСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 949, Л. 39.
185. Голощекин Ф.Н. Очередные задачи ВКП (б) в Казахстане. Доклад 11 Пленума Казкрайкома, 30 апреля 1926 г. - Кызыл-Орда, 1926. - С.14.
186. ЦГА РК. Ф.141. Оп.1. Д.483. Л.8.
187. Директивы партии и постановления правительства КазАССР по коренизации аппарата. Изд. Наркомата РКИ КазАССР. - Кызыл-Орда, 1927. - С.6.
188. ЦГА РК, Ф.5, Оп.9, Д.104, Л.102.
189. АП РК, Ф.141, Оп.1, Д38, Л.178.
190. ГАСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1163. Л. 29.
191. ГАСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 752. Л. 54.
192. ЦГА РК, Ф.5, Оп.1, Д.217, Л.57.
193. ЦГА РК, Ф.5, Оп.9, Д.104, Л.102.
194. ЦГА РК.Ф.5. Оп.11.Д.329. Л.1.]
195. ГАЮКО, Ф.7, Оп.1, Д.119, Л.120.
196. ГАЮКО, Ф.7, Оп.1, Д.119, Л.128.
197. ГАЮКО, Ф.7, Оп.1, Д.119, Л.120.
198. 10 лет Казахстана. 1920-1930 гг. Сб. Госплана. - А-Ата, 1930. - С.67.
199. ЦГА РК, Ф.877, Оп.1, Д.13, Л.43.
200. ЦГА РК, Ф.877, Оп.1, Д.41, Л.12.
201. ЦГА РК, Ф.877, Оп.1, Д.11, Л.138.
202. Госархив Алматинской области, Ф.685, Оп.1, д.44, Л.37,38, 75.
203. АПРК. - Ф.141. - Оп.1. - Д.2297. - Л.35.

Список рекомендованной литературы

1. Абдулкадирова М. Культурно-просветительная работа в Казахстане (1917-1932 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1975. - 194 с.
2. Абжанов Х.М. Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. - Алма-Ата: Наука, 1988. - 192 с.
3. Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.Б. История Казахстана и Центральной Азии. - Алма-Ата: Білім, 2001. - 614 с.
4. Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917-1933. -

М.: «Аиро-XX», 1998.

5. Акназаров Х.З. Формирование советской интеллигенции (на материалах Казахской ССР. 1917-1940 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. - Алма-Ата, 1964. - 353 с.
6. Ақтамбеков К. Пути становления и развития казахской педагогической печати (1870-1941 гг.): дис. ... канд. пед. наук. - Алма-Ата, 1967. - 305 с.
7. Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. - М.: Россия молодая, 1994. - 216 с.
8. Асылбеков М. Х. Индустриализация Казахстана и ее социально-экономические последствия // Мысль. - 1993. - № 4. - С. 85-90.
9. Атабаев Қ. Қазақ баспасөзі Қазақстан тарихының дерек көзі (1870-1918жж.). - Алматы: Қазақ университеті, 2000. - 148 б.
10. Атабаев Қ. Мерзімді басылым - ХІХ ғасырдың аяғы-ХХ ғасырдың басындағы Қазақстан тарихының дерегі ретінде. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - 33 б.
11. Ахмедов Г. Алаш «Алаш болғанда. - Алматы: Б.и., 1996. - 224 с.
12. Балгозина Р.О. Исторический опыт государственного руководства культурным строительством в Казахстане. 1917-1937 гг.: дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1983. - 206 с.
13. Бержанов К.Б. Из истории культурно-просветительной и общественной деятельности учительства Казахстана (1917-1941 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1951. - 419 с.
14. Бисенов Х.И. Культурное строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925). - Алма-Ата: Наука, 1965. - 238 с.
15. Бисенов Х., Сулейменов Р. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов (История строительства советской культуры Казахстана. 1917-1965 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1967. - 419с.
16. Букейханов А. Киргизы // Алихан Букейхан. Избранное. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - С. 72.
17. Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи // Букейхан А. Избранное. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995.
18. Бурабаев М.С., Кайназарова С.В. Общественно-политические взгляды А. Байтурсынова // Вестник АН КазССР. - 1989. - № 8. - С. 48-59;
18. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. - М.: Прогресс, 1998. - С. 109.
19. Голощёкин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. - М.: ОГИЗ, 1931. - 31 с.
20. Голощёкин Ф. Три актуальные задачи текущего момента // Народное хозяйство Казахстана. - 1931. - № 8-9. - С. 3-18.
21. Голощёкин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. - Алма-Ата-Москва: ОГИЗ, 1931. - 248 с.
22. Григорьев В.К. Алаш-Орда // Заря. - 1990. - № 1-2.
23. Дружбой великой сильны. Исторический опыт КПСС по организации братской взаимопомощи и сотрудничества народов Советского Союза в

- политическом, экономическом и культурном развитии Казахской Советской Социалистической Республики. - Алма-Ата: Казахстан, 1972. - 680 с.
24. Джангильдин Н.Д. Расцвет культуры и науки в Советском Казахстане. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1956. - 218 с.
25. Досаев Т. Культурное строительство в Семипалатинской области (1928-1970 гг.): дис.... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1972. - 212 с.
26. Дукенбаева З. Қазақтың шығармашылық интеллигенциясының тарихы (1917-1941 жж.). - Алматы: Ғылым, 2003. - 330 б.
27. Елькеев Б. Партия «Үш жүз» и ее деятельность в период установления советской власти в Казахстане // История Казахстана: белые пятна: Сб. статей. - Алма-Ата: Казахстан, 1991. - С. 52-53 (381 с.).
28. Жұмабаев М. Дала қала // Энциклопедия «Айқап». - Алматы: Казак энциклопедиясы, 1995.
29. Жургуенов Т. Культурное строительство в Казахстане за 15 лет // Советское краеведение. - 1935. - № 10. - С. 14-21.
30. Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. - М.: Наука, 1971.
31. История Казахстана в лицах (Политические портреты). Вып. 1. - Акмола: Б.и., 1993. - 128 с.;
32. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР за годы второй пятилетки. - Алма-Ата: Казкрайиздат, 1940. - 196 с.
33. Ишмухамедов А. Рабочий класс и научно-техническая интеллигенция. - Алма-Ата: Казахстан, 1977. - 148 с.
34. Кадысова Р.Ж. Советская модернизация Казахстана (1917-1940 гг.): историография проблемы. - Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. - 288 с.
35. Кадысова Р.Ж. Проблемы формирования национальной интеллигенции в историографии // Вестник Семипалатинского государственного университета им. Шакарима. История. Общественные науки. - 2004. - № 1 (25). - С. 82-87.
36. Какишев Т. Қазақ зиялыларының тағдыр-талайы (А.Байтурсынов, К.Ходжанов, О.Нурбаев, С.Аспандиаров, т.б.) // Қазақ әдебиеті. - 1989. - 26 мамыр.
37. Калинин В.П. Развитие вечернего и заочного образования в Казахстане (1920-1968 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1970. - 240 с.
38. Канапин А.К., Яндаров А.Д. Расцвет культуры казахского народа. - Алма-Ата: Казахстан, 1977. - 316 с.
39. Канапин А.К. Культурное строительство в Казахстане. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1964. - 394 с.
40. Карагузов Ж. Казахская советская интеллигенция, рожденная Октябрем. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. - 318 с.
41. Капаева А. Культура и политика. - Алматы: Атамұра, 2003. - 327 с.
42. Карр Э.Х. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917-1929гг. - М.: Интер - Версо, 1990. - 208 с.

43. Козыбаев М.К. История и современность. - Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 254 с.
44. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски. В 2 кн. - Алма-Ата: Ғылым, 2000. - 1 кн. 420 с. - 2 кн. - 388 с.
45. Козыбаев М.К. Общественное сознание в период советского тоталитаризма и политические репрессии в Казахстане // Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. 2 кн. Книга 2. - Алматы: Ғылым, - 2000. - С. 132.
46. Койгелдиев М. Алаш қозғалысы. - Алматы: Санат, 1995. - 368 с.
47. Койшыбаев Б. Жазықсыз жапа шеккендер. - Алматы: Жалын, 1990 - 210 б.
48. Колмаков А.Т. Высшее педагогическое образование в Казахстане (1925-1957 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1958. - 719 с.
49. Лукьянец И.К. Возникновение и развитие высшего образования в КазАССР // Ученые записки КазГУ. Серия: История КПСС. -1961. - С. 2-5.
50. Масанов Н., Абылхожин Ж.Б. Ерофеева И.В., Баратова Г. Алексеенко А.В. История Казахстана. Народы и культуры. - Алматы: Дайк - пресс, 2001. - С. 445-446.
51. Мамраева А.К. Общественно-политическое развитие Казахстана начала XX века и А. Букейханов. - Алматы, 1998. - 98 с.
52. Мендешев С. Первые шаги советского строительства в Казахстане // Социалистік Қазақстан. - 1935. - 21-25 сентября.
53. Мустафа Чокаев. Туркестан под властью Советов. - Париж: «Яш Туркестан», 1935 - 146 с.
54. Мустафа Чокаев и большевизм. Часть I. - Алма-Ата: Қазақ университеті, 2003. - 254 с.
55. Назарбаева Г., Әбжанов Х.М. Қазақстан: тарих пен тағдыр. - Алматы, 2003. - 296 б.
56. Нурпеисов К. Алаш пен Алаш-Орда. - Алматы: Ататек, 1995. - 256 с.
57. Нурпеисов К.Н. Саяси партия болып санала ма? «Алаштың ақиқатын кім айтады» // Қазақстан коммунисті». - 1990. - № 5. - С. 69-77.
58. Нурпеисов К., Калкенов М., Хабижанов Б., Мектепов А. Халел Досмухамед ұлы және оның өмірі мен шығармашылығы. - Алматы: Санат, 1996. - 176 б.
59. Омарбеков Т. XX ғасырдағы Қазақстан тарихының өзекті мәселелері - Алматы: Қазақпарат, 2001. - 404 б.
60. Омарбеков Т. Зобалан. - Алматы: Санат. - 1994. - 272 б.
61. Омарбеков Т.О., Омарбеков Ш.Т. Казахстан тарихына және тарихнамасына ұлттық көзқарас. - Алматы: Қазақ. Университеті, 2004. - 388 б.
62. Оралбаев Н. История казахской письменности послеоктябрьского периода: дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1955. - 211 с.
63. Плоды великого содружества. Исторический опыт братской помощи и сотрудничества народов Советского Союза в экономическом и культурном развитии КазССР. - Алма-Ата: Казахстан, 1968. - 380 с.

64. Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. - Часть I. 1917-1919. - Ташкент: Узбекское гос. изд-во, 1925. - 218 с.
65. Рыскулов Т. Об ауле, интеллигенции, Компартии и культуре (ответ на письмо группы молодежи) // Советская степь. - 1926. - 10 июня.
66. Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трех томах. - Т. 2 - Алматы: Казахстан, 1997.
67. Сагинтаев И.С. История развития школ и народного образования на Юге и Юго-Востоке Казахстана (1860-1930 гг.): дис.... канд. пед. наук. - Ташкент, 1978. - 169 с.
68. Сапаргалиев Г.С. Советское государство в борьбе за развитие социалистической культуры в Казахстане. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. - 292 с.
69. Сафаров Г.И. Колониальная революция (опыт Туркестана). - Москва, 1921. - 272 с.
70. Сембаев А.И. История развития советской школы в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1962. - 447 с.
71. Сембаев А.И. Казахская советская школа от Великого Октября до начального Всеобуча (1917-1930 гг.): дис.... канд. пед. наук. - Алма-Ата, 1953.- 445 с.
72. Сармурзин А., Григорьев В. Бөкейханов және тарих шындығы: Саяси портрет // Қазақ әдебиеті.- 1989.- 7 июль.
73. Сармурзин А. Крушение Алаш-орды // О прошлом для будущего (Некоторые актуальные проблемы истории Компартии Казахстана в свете гласности). - Алма-Ата, 1990.
74. Сужиков Б.М. Казахская политическая элита и трансформация этнической тождественности на рубеже XIX-XX вв. в зарубежной историографии // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение: Сб. статей. - Алматы, 1993. - С. 82-96.
75. Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. - Алма-Ата: Наука, 1966. - 321 с.
76. Сулейменов Р.Б. Культурное строительство в Казахстане в годы второй и третьей пятилеток. - Алма-Ата: Наука. - 1961. - С. 56-73.
77. Сулейменов Р.Б. Историография культурной революции // Историческая наука Советского Казахстана (1917-1960): очерки становления и развития. - Алма-Ата: Ғылым, 1990. - 272 с.
78. Сулейменов Р.Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 371 с.
79. Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и судьбы национальной интеллигенции России // Интеллигенция и революция. XX век. - М., 1985. – с. 176-181.
80. Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: становление и развитие. - Алма-Ата: Наука, 1982. - 256 с.
81. Тастанов Ш.Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов. - Алма-Ата: Наука, 1975. - 200 с.

82. Таштемханова Р.М. История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XX в. – 1991 г.): Автореф. дис. д-ра истор. наук. - Алматы, 2005. - 50 с.
83. Тенизбаев Ж. Развитие социалистической культуры: дис. ... канд. истор. наук. - Ленинград, 1955. - 312 с.
84. Тогжанов Г. Наше прошлое и настоящее // Кызыл Казахстан. - 1927. - № 5 - 7.
85. Утебалиев Ж.Е. История развития народного образования в Казахстане в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1985. - 199 с.
86. Хабиев Х. Культурное строительство в Казахстане в период социалистической реконструкции народного хозяйства и создания экономического фундамента социализма (1926-1932 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1957. - 355 с.
87. Хайдаров Г.Х. Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР (1917-1924 гг.): дис. ... канд. истор. наук. - Ташкент, 1953. - 365 с.
88. Шокай М. Ұлттық зиялы // М. Шокай. Таңдамалы. - Алматы: Қайнар, 1998.- Т.1. - 174-179 б.
89. Шотбакова Л. Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане (1917-1941 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. - М., 1995. - 190 с.